

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 62. № 5/2019

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science** компании Clarivate Analytics.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии Гусейнов А.А.

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Кастийо М.**, д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии Смирнов А.В.

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Мионов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степаняц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тутьчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАО, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Ответственный редактор Алексеева Е.А.

Редактор отдела культурологии и религиозоведения Дуркин Р.А.

Редактор международного отдела Чикин А.А.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 62. No. 5/2019

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Clarivate Analytics' **Web of Science**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Blauberg I.L.**, D.Sc., Lead. Res. Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin. Res. Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen. Res. Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, Ph.D.; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead. Res. Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour. Res. Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Executive Secretary Pruzhinina A.A.

Responsible Editor Alekseeva E.A.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

International Department's Editor Chikin A.A.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinosyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ.
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Вызовы современности ■

<i>Р.И. СОКОЛОВА</i>	Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций	7
<i>А.Н. ДАНИЛОВ (Минск, Беларусь)</i>	Спонтанное развитие общества и проблемы прогнозирования будущего	27

Теории, концепции, парадигмы ■

<i>С.Ф. СЕРГЕЕВ (Санкт-Петербург)</i>	Идеологические пролегомены теории деятельности	44
<i>И.И. РЕЗВИЦКИЙ (Санкт-Петербург)</i>	Существует ли индивидуальная социальность, или На пути к индивидуализированной социальной теории	62

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия сознания ■

<i>С.С. МЕРЗЛЯКОВ</i>	К вопросу об атрибутах сознания	80
<i>Д.Э. ГАСПАРЯН</i>	Аспекты аналитической и трансцендентальной феноменологий в контексте современной философии сознания	97
<i>A.V. SHILLER</i> <i>(А.В. ШИЛЛЕР)</i>	The Role of Theories of Embodied Cognition in Research and Modeling of Emotions Роль теорий воплощенного познания в исследованиях и моделировании эмоций)	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары,
круглые столы ■

<i>Н.Б. АФАНАСОВ</i>	Философский журнал как пространство междисциплинарного и межпоколенческого диалога (Встреча шеф-редактора «Философских наук» Хачатура Мариносяна с новыми авторами)	139
----------------------	---	-----

Memoria ■

<i>П.Н. КОНДРАШОВ (Екатеринбург)</i>	Памяти Константина Николаевича Любутина – учителя, коллеги, друга	151
--------------------------------------	---	-----

■	Contents	160
---	----------	-----

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 - 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.04.2019 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ.**

СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Вызовы современности

**Реабилитация утопии как симптом кризиса
русской и западной цивилизаций**

Р.И. Соколова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья посвящена такому новому явлению современности как реабилитации утопии, которая не приобрела еще широкого распространения, но является серьезным симптомом кризиса цивилизации и в России, и на Западе. Показано, что попытки реабилитировать утопию связаны с ситуацией кризиса, неопределенности, непредсказуемости, вызванных происходящими трансформациями современной эпохи. Утопия в этих условиях является не только рефлексией существующего положения, но и содержит потенциал для выдвижения новых идей и снижения неопределенности. Наиболее проницательные исследователи как на Западе, так и в России демонстрируют позитивное отношение к утопии, т.к. видят те возможности, которая предоставляет утопия, особенно в периоды кризисов. Отмечается, что в России наблюдается преодоление негативного отношения к утопии, которое было связано с крушением социалистического строя. Краткое изложение истории утопии показывает, что утопия является значимым фактором истории, который сопутствует развитию человечества на всем протяжении истории. Несмотря на это в предшествующие десятилетия XX в. и начале XXI в. была объявлена «смерть утопии», которая была обусловлена идеологическими и политическими причинами, а в более широком контексте – глобализацией. Сделан вывод о том, что в настоящее время ее значение снова актуализируется в связи со сложной международной ситуацией. Поэтому и на Западе, и в России все больше заявляет о себе потребность в выдвижении идеальной перспективы существования человека в виде утопии, которая реализуется в некоторых работах ученых.

Ключевые слова: утопия, утопистика, цивилизация, неопределенность, идеология, глобализация, социализм, рационализм, кризис, идеал.

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

rimmsok70@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2479-2810>

Для цитирования: *Соколова Р.И.* (2019) Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 5. С. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26

Rehabilitation of Utopia as a Symptom of the Crisis of the Russian and Western Civilizations

R.I. Sokolova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26

Original research paper

Abstract

The article discusses such a new phenomenon of modernity as the rehabilitation of utopia, which has not yet become widespread, but it is a serious symptom of the crisis of civilization in Russia and in the West. It is shown that attempts to rehabilitate utopia are associated with the situation of crisis, uncertainty, unpredictability caused by the ongoing transformations of the modern epoch. Under these conditions, the utopia is not only a reflection of the existing situation but also an opportunity for the formation of new ideas and the reduction of uncertainty. Many astute researchers in both the West and Russia demonstrate a positive attitude towards utopia, as they see the opportunities offered by utopia, especially in times of crisis. It is noted that in Russia there is a gradual overcoming of the negative attitude to utopia, which was associated with the collapsed socialist system. A summary history of utopia shows that utopia is a significant factor in history that accompanies the development of mankind throughout history. Despite this, in the earlier decades of the 20th century and the beginning of 21st century the “death of utopia” was declared, it was driven by ideological and political reasons and by globalization in general. Meanwhile, at present its importance is again actualized in relation to the complex international situation.

Therefore, both in the West and in Russia there is a growing demand for the ideal concepts of the future of human existence in the form of utopia.

Keywords: utopia, utopianism, civilization, uncertainty, ideology, globalization, socialism, rationalism, crisis, ideal.

Rimma I. Sokolova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rimmsok70@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2479-2810>

For citation: Sokolova R.I. (2019) Rehabilitation of Utopia as a Symptom of the Crisis of Russian and Western Civilizations. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 4, pp. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26

Введение

Куда движется Россия в быстро меняющемся мире, как эволюционирует ее государственность, каковы ценности, мечты и идеалы? Какого-либо цельного и вразумительного представления на этот счет нет ни у представителей власти, ни в интеллектуальных кругах, ни на уровне общественного сознания. Федеральные национальные проекты нацелены лишь на решение определенных тактических задач, а не на формирование концепций, направленных на целевое развитие общества, на движение к определенному социально-нравственному идеалу. Такая ситуация вполне объяснима: слишком много проблем и противоречий накопилось во всех сферах жизнедеятельности российского государства из-за кардинальных преобразований и переоценки всех значимых его констант. До сих пор не преодолены также проблемы культурно-государственной идентичности, которые препятствуют консолидации общества и выдвижению какого-либо воодушевляющего идеала.

Россия в силу специфики ее исторического существования больше, чем иные страны, сталкивается с современными вызовами и проблемами, поэтому и страдает от них значительно сильнее. Тем не менее ее положение не уникально. Глубокие перемены, происходящие в нашей стране, являются лишь частными, специфическими проявлениями процессов, идущих во всем мире и связанных с переломным характером современной эпохи, порождающим неопределенность, идейную разногласицу

и ощущение тупика. Указания на данное состояние являются чуть ли не повсеместными. В этом контексте все чаще звучат голоса, выражающие не только тревогу, но и стремление к переосмыслению прежних способов мышления, отношения к реальности и поиску иных способов бытия. Весьма показательным является мнение известного ученого, социолога И. Валлерстайна: «Мне кажется, что мы бродим по темному лесу и не вполне понимаем, в каком направлении следует идти. Думаю, что нам необходимо как можно скорее обсудить это всем вместе, и подобная дискуссия должна стать поистине всемирной» [Валлерстайн 2004]. И он же: «Мне представляется, что социум первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX-м» (см.: [Вдовина 2012, 42]).

Утопия как выход из идейного вакуума

В ситуации исторической неопределенности для того, чтобы выжить и успешно развиваться, государство, с одной стороны, должно иметь адекватные знания об окружающем внешнем мире и собственной цивилизационной сущности, а с другой – продуцировать концепции, которые выходят за пределы эмпирической данности, возвышаются над ней и намечают вдохновляющие перспективы. Такую роль обычно выполняют идеологии, представляющие некую идейно-мировоззренческую картину, основанную на ценностях и идеалах, помогающих человеку или социальной группе лучше ориентироваться в окружающей действительности, иметь мысленный образ цели коллективной деятельности. Поэтому ни одно современное государство не обходится без идеологии, пусть не в своем классическом виде, не в форме цельной теоретически обоснованной доктрины, а рассредоточенной в разных идейно-политических дискурсах. В России – с этим все сложнее. Идеология официально запрещена статьей 13 Конституции, тем не менее дискуссии по поводу идеологии, ее необходимости для государства время от времени возникают в публичном пространстве и научных публикациях. При этом отношение к вопросу государственной идеологии в российском обществе неоднозначно и колеблется в зависимости от того или иного ее толкования: от признания ее положительной роли для жизнедеятельности государства до резкого неприятия как атрибута тоталитарного общества, ассоциирующегося с СССР.

Поскольку время для идеологии, которая есть сложное, многозначное и многомерное явление, не сводимое к какой-либо определенной доктрине, еще не пришло в силу указанных причин и недостаточной консолидации российского общества, имеет смысл обратиться к другому концепту, обладающему большой эвристической силой и переживающему сейчас некий – пока еще мало заметный – ренессанс. Речь идет об утопии. Это кажется довольно парадоксальным, ибо в наш сугубо рациональный, прагматичный век, казалось бы, настало время окончательно выбросить понятие утопии из арсенала научно-теоретического и философского знания, сопровождавшего человечество на всем протяжении истории. Однако не все так просто. Как оказалось, сугубо рациональный подход не позволяет увидеть возможности России, требующие полета опережающей социально-теоретической мысли и направленные на совершенствование общественной жизни. Еще французский философ П. Рикер в своих «Лекциях об идеологии и утопии» вопреки общепринятым взглядам провидчески оценивал как большое заблуждение мысль о том, что люди могут когда-нибудь отказаться от идеологии и утопии, поскольку и та и другая являются неперменной функциональной частью механизма смыслообразования в культуре и дополняют друг друга [см.: Вдовина 2012, 42].

Реальность подтверждает справедливость его утверждений. Несмотря на то, что современная философия не очень щедра на исследования, посвященные утопии, ее наиболее видные представители проницательно замечают те возможности, которые она предоставляет, особенно в периоды кризисов, неопределенности и всеобщей дезориентации. Обращение утопии к неопределенности – это и новый гносеологический вызов, и осознание того, что неопределенность тоже содержит некий потенциал. Поскольку ничто не закреплено определенными рамками и не зафиксировано в жестких доктринах, будущее в условиях неопределенности предстает как веер разных возможностей для возникновения нового, в том числе движения к более справедливому миру. В конечном счете утопия способствует снижению уровня неопределенности. Понимание позитивной роли утопии дало основание Валлерстайну говорить об утопистике как перспективном направлении социально-философского исследования: «Возможное богаче реального. Кто лучше обществоведов может знать это? Почему мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать

его? Нам следует поместить не утопию, но утопистику в центр обществоведческих исследований, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Утопистика воплощает в себе постоянную ответственность обществоведов. Потребность в ней ощущается особенно остро, когда набор альтернатив максимален» [Валлерстайн 2004, 287]. В духе Валлерстайна высказываются и другие западные ученые, т.к. позитивное отношение к утопии в целом свойственно Западу, несмотря на наличие противоположных позиций.

В постсоветской России утопия оценивалась сугубо негативно в связи с крушением коммунистического проекта, вызвавшего большое разочарование в обществе, а также из-за понятийного смешения утопии и утопизма с его упрощенной моделью мира и огрублением реальной истории [Павленко 2014, 99]. Например, Е. Черткова отмечает: «Законное стремление преодолеть утопизм с его радикализмом, нигилизмом и фанатизмом вылилось в огульное отрицание какого-либо позитивного смысла утопии как обладающей специфическими задачами и социальными функциями. Такой подход равносителен попыткам преодолеть сциентизм и техницизм путем искоренения науки и техники» [Черткова 2015, 190]. Перелом в негативном отношении к утопии в России обозначил и очень убедительно обосновал видный российский ученый, академик РАН А.А. Гусейнов в своей знаковой статье «Философия как утопия для культуры» [Гусейнов 2009, 11–16]. Эта статья задает методологические и концептуальные рамки для понимания роли утопии как в философии, так и в других сферах общественного бытия, в том числе социально-политической. Он показал, что, по существу, всякая философия, выходящая за пределы эмпирической данности, является утопией, ибо она создает идеальный образ мира, задавая тем самым также ориентиры осознанного и осмысленного существования человека в нем. Без утопии, понимаемой в качестве идеальной перспективы, невозможно не только развитие философии, но и соотносенных с ней социальных теорий, а также вытекающих из них социальных действий.

Однако не только философия оказалась в кризисе из-за того, что сама отказалась от метафизики и прорыва к трансценденции, от «конструирования идеальных моделей человека и общества» [Гусейнов 2009б, 16]. С этой же проблемой столкнулось и современное общество, не выдвинувшее никакой привлекательной цели и идеала в качестве перспективы, что наблюдается и на

Западе, и в России. Как отмечает Гусейнов: «Складывается впечатление, что общество собирается привыкать к укороченности и несовершенству земного существования» [Гусейнов 2009б, 16], т.е. смириться со всеми изъянами и несправедливостями бытия. Об этом же пишут многие видные западные ученые: Э. Гидденс, Дж. Роулз, З. Бауман, У. Бек и др.

Россия, воспринявшая многие проблемы Запада, в своем глубинном, духовном смысле не является «Западом», но нельзя забывать, что она получила *мощную западную прививку* сначала благодаря социализму, который есть духовное дитя западного рационализма и капиталистической западной индустриализации. Затем эта тенденция еще более усилилась в «новой» России: политическая сфера, экономика, сфера культуры и образования сформированы по западным лекалам и находятся под большим влиянием Запада. В некотором смысле и Запад, и Россия стоят перед схожими вызовами и начинают демонстрировать пока еще не очень заметные симптомы реабилитации утопии в качестве идеальной и желаемой формы социальной реальности. Чтобы понять причину этого явления, необходимо хотя бы кратко напомнить историю утопии.

Роль утопии в истории человечества

Прежде всего следует отметить, что утопия занимала не просто большое место в истории западноевропейского общества, но постоянно сопутствовала ему, отражая светлую мечту о лучшем мире, об идиллических состояниях общества. Ибо, справедливо пишет А. Селиванов: «Лишь великие смыслы и цели по-настоящему раскрывают человека, организуют человека и его бытие, создают основания и мотивацию для морали, по-настоящему *оправдывают* человека как нечто отличное от иной (в том числе живой) природы» [Селиванов 2016, 803]. В обыденном языке слово «утопия» употребляется в основном в негативном смысле как нечто нереализуемое, фантастическое, несбыточное, никак не согласующееся с реальной действительностью. Однако социально-политическое развитие обществ и социальная активность людей часто не соответствовали отрицательному пониманию этого термина. В социально-политической истории можно найти примеры того, как некоторые доктрины, объявленные утопическими, воплощались в жизни и оказывались вполне практичными. Теоретизация подобных фактов позволила известному

специалисту в области исследования утопии, профессору социологии Бристольского университета Р. Левитас прийти к заключению, что «узкие определения “утопии” с точки зрения содержания, формы или функции нежелательны» и что «любое определение должно быть способно включать широкий спектр форм, функций и содержания» [Levitas 1990, 179]. Поэтому определение утопии должно включать в себя предикацию желания, «желание другого, лучшего способа бытия» [Levitas 1990, 181]. Чтобы понять роль утопии сегодня, необходимо понять ее прошлое, выяснить, почему она возникла и какие идеи несла [Thinking Utopia... 2005].

Со времен глубокой древности утопии существовали как своеобразный вид литературно-художественного творчества и социального проектирования, проявляясь в самых разнообразных формах и жанрах, но с неперменным стремлением создать образ желаемого бытия в противоположность существующему. Это и мечты о «золотом веке» у древнегреческих поэтов Гесиода и Гомера, и различные религиозно-этические учения. Достаточно сильно элементы утопии проявились в христианстве с его представлением о рае, в сочинениях Августина «О граде божием». Утопия была широко распространена не только в литературе, но и в политических учениях. Объем произведений, которые могут считаться утопическими, настолько велик, что не поддается никакому количественному определению. Многие из этих книг давно преданы забвению и известны только библиофилам, но сам факт их существования очень красноречив и свидетельствует о большой значимости утопии. К наиболее известным ранним утопическим произведениям относят и «Государство» Платона (360 г. до н.э.), в котором он предпринял попытку сформулировать основные принципы идеального государственного устройства. Как полагают некоторые исследователи, вся последующая утопическая литература представляла собой ничто иное как интерпретацию и комментариев к этому знаменитому сочинению.

В эпоху Возрождения завершается древний период в истории утопий и начинается новый период, связанный с возникновением классических утопий. Он ознаменовался появлением эпохальной книги английского гуманиста и государственного деятеля Томаса Мора, получившей широкое распространение под названием «Утопия» (1516). Значимость данной книги обусловлена тем, что именно она задала основное направление и специфические черты содержанию классической утопии: критическое отношение

к существующему порядку и его отрицание, ориентацию на воображаемый идеальный мир. Тем самым она оказала заразительное действие на многих мыслителей, которые после Мора пытались методом умозрительной конструкции создать законченный проект идеального государства. Так появились «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона и многие другие.

Но история двигалась вперед, следовательно, зарождались новые утопии, соответствующие духу, времени и месту, где они формировались, отражая характер и особенности, породившей их культуры. Особого расцвета утопия достигла в эпоху индустриального общества, где наиболее полно проявились ее устойчивые, инвариантные черты, воплощавшие в себе все интеллектуальные достижения того периода: рационализм, универсализм, прогрессизм, более детализированное представление об идеале, упование на возможности развития техники и т.д. К концу XVIII – началу XIX в. благодаря работам таких мыслителей, которые в ретроспективе характеризуются как «ранние социалисты», – Шарлю Фурье, Клоду Анри де Сен-Симону, Роберту Оуэну – окончательно сформировалась идея социализации общественной жизни. Исходным пунктом их рассуждений была резкая критика капитализма и противопоставление ему различных проектов идеального строя. Вместе с тем было и немало сторонников социализма, видевших в нем осуществление не рациональных теоретических проектов, а заповедей Христа или предписаний общечеловеческой морали. С течением времени к утопии стали относить любые идеальные проекты общественного переустройства.

Является ли утопия сугубо европейским явлением или она имеет место и в других странах? Единого мнения на этот счет нет. Крайняя позиция заключается в том, что утопия – это европейский феномен, который берет свое начало от творения Т. Мора. Но есть и противоположная точка зрения, высказанная Л. Сарджентом, находившим утопии во многих странах. По его мнению, «не всякая культура порождает утопию как теоретический феномен, предшествующий человеческому действию, подобно “Утопии” Мора, но утопии существуют повсюду: в Китае, Индии, разнообразных буддийских и исламских культурах» [Utopia... 2000].

История России тоже очень богата на всевозможные утопические представления и учения, воплощенные в разнообразных жанрах от литературных до политических. Под влиянием европейских социалистических концепций сформировались социо-

гуманитарные взгляды многих русских мыслителей XIX в., которых принято считать утопическими социалистами. Это Чернышевский, Белинский, Герцен, Огарев, Ткачев, Лавров, Кропоткин. Тема кризиса цивилизации и конца истории были свойственны русской культуре первой трети XX в. [Утопия... 2016]. Но в целом различные формы утопии XIX – начала XX вв. следует рассматривать в их взаимной соотнесенности, понимая утопию прежде всего как социокультурный феномен [Пономарева 1999]. Российские утопии внесли большой вклад в развитие утопистики. Об этом свидетельствуют как отечественные, так и зарубежные исследователи, помогающие понять место России в истории, ее видение будущего, отношения с Европой [Русская утопия... 2013].

Краткое изложение истории утопии представляется целесообразным завершить словами польского ученого Е. Шацкого, который, на наш взгляд, выразил ключевую мысль относительно сущности утопии и ее непреходящего значения для истории человечества: «Можно было бы поочередно представить утопии различных эпох как их законные детища. Но трудность такого изложения заключается в том, что это, в сущности, было бы изложение истории человеческой мысли – полное, хотя и написанное под определенным углом зрения. Следует также заметить, что в таком случае легко потерять из виду то немаловажное обстоятельство, что некоторые мотивы утопического мышления отличаются удивительным постоянством, верно сопутствуя человечеству чуть ли не с самого начала исторической эпохи вплоть до нашего времени» [Шацкий 1990, 49].

«Умерла» ли утопия?

Тем не менее, западный мир в течение уже более полувека демонстрировал совершенно *новое явление* в истории обществ – появление своего рода декомпрессии от любой ориентации на будущее, от протеста ради видения лучшей жизни. Если в рамках движения сопротивления, начиная со времен Французской революции, окрыленные люди представляли себе картины будущего устройства общества: одни думали о разрушении машин, другие о коммунах Р. Оуэна, третьи – о движении советов или о коммунистическом идеале бесклассового общества, то в последние десятилетия XX и начала XXI вв. поток утопической мысли вдруг оказался прерванным. Современные люди знают

довольно точно, чего они не хотят и что их возмущает в существующих социальных отношениях, однако не имеют и малой доли ясного представления о том, куда должно вести желаемое преобразование.

Вместо этого на официальном уровне предлагалось довольствоваться тем, что давал капиталистический порядок, обещавший наступление счастья и процветание благодаря науке, экономическому росту и обладавший к тому же богатым инструментариумом для нейтрализации стремления к другим формам человеческого существования. Утопия при этом если и была еще возможна, то лишь в латентном, потенциальном состоянии, а ее влияние было чрезвычайно ограничено. Западные исследователи в свою очередь констатировали отказ общества от мечты, а значит, от утопий, объявленных пережитком минувших веков. Была провозглашена даже смерть утопии, направленной на совершенствование общества, под ней в основном подразумевалась социалистическая идея. Этому в немалой степени способствовало явное господство позитивизма, который препятствовал любым проявлениям метафизического и трансцендентного обоснования будущего, а также фактическое отсутствие философской альтернативы ему. В результате стали появляться работы с характерным названием «Конец утопии». Можно назвать «Конец утопии» Г. Маркузе (1970), в России книгу М. Капустина «Конец утопии? Прошлое и будущее социализма» (1990). Американский критик культуры и бывший маркузианец Р. Джекоби в книге «Конец утопии» констатировал отсутствие привлекательных политических идей в век близорукого прагматизма, сетовал на исчезновение веры в будущее, крах самого утопического импульса, отказ от универсализма и замену их практицизмом и цинизмом. Его очень интересовал вопрос о том, почему интеллектуалы все чаще стали отказываться от идеи «полного социального переустройства», от надежд на «полностью трансформированное» общество [Jacoby 1999]. Подобные идеи высказываются и во многих других работах [Vieira 2016], где констатируется, что нынешние технократические демократии – один из примеров политики безнадежности, которая является своего рода бизнесом и сводится всего лишь к управлению статусом-кво. Дискутируются вопросы о том, какова роль утопии в период, когда доминируют сценарии мрачных кошмаров [The Philosophy... 2001].

Современный ответ на вопрос о причинах «смерти утопии» попытался дать продолжатель традиций критической теории Франкфуртской школы, директор франкфуртского Института социальных исследований Аксель Хоннет в своей книге «Идея социализма» [Хоннет 2017]. По его мнению, внезапное снижение утопической энергии, исчезновение утопий из современного контекста на протяжении долгого времени – явление неоднородное, имеющее разные причины. Ученый не согласен с тем, что в качестве причины можно назвать крушение коммунистического режима, на который интеллектуальные круги охотно указывают, чтобы объяснить утрату всех надежд на создание общества вне рамок капитализма. Возмущенные массы европейцев, сегодня справедливо жалующихся на растущую пропасть между всеобщей бедностью и частным богатством, не располагают конкретными представлениями о лучшем обществе не только потому, что, по их мнению, государственный социализм советского типа дарил социальные блага только ценой несвободы. До русской революции не существовало реальной альтернативы капитализму, но это ни в коем случае не мешало людям XIX в. мыслить совместную жизнь без насилия на основе солидарности и справедливости. А значит, неправомерно крах коммунистического режима связывать сегодня с атрофией способности к утопическому преодолению существующего положения.

Несомненно, атрофии утопий в немалой степени способствовал период усиления глобализации, которая не оставляла места для надежды на преобразование общества, разрушая все идеалы. Большую роль сыграло сопутствующее глобализации господство постмодернизма, прежде всего в искусстве и архитектуре, а также в культуре в целом, которое привело к внезапному изменению коллективного сознания времени и упорному обесцениванию представления о линейном прогрессе, характерного для Модерна. Вместо него возобладало сознание исторической вечности и повторяемости одних и тех же ситуаций. На основе постмодернистского понимания истории образы лучшей жизни уже не могли больше появляться, ибо постмодернистское сознание отвергает будущее постоянное совершенствование. Для постмодернизма грядущее будущее есть нечто, которое не способно предложить ничего другого, кроме простого проигрывания уже привычных форм или социальных моделей прошлого. Однако Хоннет замечает, что в других сферах, например, в медицине или в области

прав человека, наблюдается прогресс, что позволяет сомневаться в достоверности такого объяснения. Почему же только в одной сфере, к которой относится реформируемость общества, задается вопросом Хоннет, проявляется недостаток трансцендентных возможностей, хотя других сфер это не касается?

Следующее объяснение базируется на том, что в рамках существующей политической системы произошла блокировка извечного стремления к перестройке базисных институтов общества благодаря интернационально санкционированным и структурно нейтральным правам человека, в которых признается прогресс, связанный именно с расширением прав индивида, что вполне лежит в русле индивидуализма как господствующего принципа западной культуры. Соответственно, общественно-политическая материя сегодня больше не нагружается утопическими ожиданиями, а утопическая сила ослабевает. Приглядевшись к настроением большей части населения, можно ясно заметить, что едва ли кто-нибудь в состоянии сегодня свое неудовольствие социально-экономическими обстоятельствами относительно растущей пропасти между бедностью и богатством или непостоянством отношений занятости связывать с возможностью изменения к лучшему в обозримое время. Присущая человеку неискоренимая потребность в надежде на лучшую жизнь не находит в социальной действительности ни малейшего признака, который позволил бы обосновать мотивированное видение фактической достижимости ожидаемого.

Однако после долгого периода третирования утопии и объявления о ее «смерти», как впрочем, и неоднократно провозглашаемой «смерти идеологии», вдруг начинают появляться первые признаки ее реабилитации, пока еще не очень многочисленные и не всегда принятые и поддержанные в научном мире, но весьма многозначительные. Это вполне закономерно, ибо длительное отсутствие образа желаемого будущего, включающего жизнеобразующие смыслы для разных социальных групп и индивидов, противоречит природе общества и человека. Как верно замечает Е. Черткова, «утопия есть не просто явление сознания, но неотъемлемая часть культуры, цивилизации» [Черткова 2000, 299]. Эту мысль высказывают многие исследователи, и она уже стала почти аксиомой.

Утопия психологически катапультирует человека за пределы его привычного бытия, сигнализируя об отсутствии хорошего,

привлекательного настоящего. Тем самым она удовлетворяет потребности человеческого сознания в стремлении к гармонии с окружающим миром, к более интересному и захватывающему будущему. Это возвышает его и облагораживает, в противном же случае, человек направляет свои усилия на низшие цели, т.е. человек без утопии, как говорил английский писатель Честертон, страшнее, чем человек без носа.

Кроме того, возрастающая скорость изменения окружающей социально-политической среды вынуждала политиков искать более приемлемые способы управления социальными и политическими процессами, которые, как им кажется, они находят в прагматизме. Но как показывает практика многих стран, современная прагматическая политика отвечает только на один вопрос: как лучше всего не решать большие проблемы, связанные с движением общества в достойное будущее. Прагматизм считает большие проблемы принципиально неразрешимыми и в этом смысле прагматики являются худшими утопистами, поскольку считают, что все может оставаться таким, какое оно есть, тем самым консервируя застой и тупик, в котором оказалось общество.

Утопия возрождается

Из этого тупика, ощущение которого стало повсеместным, остается только один выход – снова обратить свой взор в сторону утопии. Как свидетельствует история, утопия чрезвычайно устойчивое явление сознания и бытия человека, хотя в разные эпохи утопии проявляют себя по-разному. Без утопии нет современного общества, ибо оно невозможно без какого-либо ориентира, указывающего ему, куда может прийти общество, если оно пойдет по тому или иному пути. Именно поэтому один из самых авторитетных в мире социологов и философов З. Бауман на протяжении многих лет проявлял живой интерес к теме утопии, рассматривая ее, с одной стороны, как важную и неистребимую константу в человеке и в мире, как нечто, создающее обнадеживающую возможность для лучшего мира, но, с другой стороны, был озабочен попытками превратить утопию в «проект» или «конкретную реальность» [Bauman 2003].

Наиболее активно утопии проявляют себя в переходные эпохи, т.е. в периоды кризиса, когда нарушается равновесие мира и он движется в непредсказуемом направлении, угрожая политическими, социальными и нравственными потрясениями, как это

происходит в настоящее время. Когда тревожный характер современной ситуации ощущается каждым, утопия помогает понять, в какой политической ситуации оказалось общество и какой выход из нее можно найти, – вот ключ и отгадка современных попыток реабилитации утопии. Гусейнов резюмировал это положение в другой своей статье: «Говоря точнее, новое время требует новых утопий» [Гусейнов 2009а, 27].

В самом деле, все новое в истории состоит из реализованных в той или иной мере утопий. Утопии всегда имеют время (будущее как завершенное прошлое), но не всегда имеют место (*οὐ τόπος*). Но порой в истории случается так, что то, что еще не имело места, в конце концов получает его, ибо утопии как бы витают в воздухе (вариант: призрак бродит по Европе), пока не спустились на твердую землю и не укоренились в ней. Судя по всему, лучшую часть человеческого духа составляет не то, что он знает и рационально осмысливает, а то, что в нем мерцает, заманивает, намекает и не позволяет полностью воплотиться в эмпирическом бытии.

Можно указать на два рода утопий, которые в современном мире подвергаются существенному преобразению, но по-прежнему стремятся представить образы лучшего мира, способные получить в обществе признание или быть им отвергнутыми. Один род утопий, в частности в ФРГ, основывается на небывалых возможностях науки, техники и рациональной организации общества. Такая утопия представлена в книге с говорящим названием «Вперед! Конструктивный утопизм» [Joensson 2007]. Главный ее мотив – разумная организация, которая как бы замещает отсутствующий трансцендентный утопический идеал и восполняет его нетрансцендентным. В этой книге автор пытается ответить на вопрос: возможно ли сконструировать реалистическую утопию, основанную на сугубо научном, рациональном подходе? Эту задачу он решает так, как инженер решает любую проблему, т.е. стремится каждый шаг и каждый ход мысли объяснять таким образом, чтобы любой человек мог согласиться со всеми его построениями и относительно сделанных выводов задать соответствующие вопросы. Однако данную работу нельзя отнести к классической утопии, она представляет лишь рациональную модель организации общества, коих немало.

Другой, более современный подход реализовал Аксель Хоннет в уже упомянутой книге «Идея социализма». Излагая видение нового общественного устройства (во многом идеального),

он называет его за неимением другого определения социалистическим, радикально отличающимся от советского варианта. Впрочем, понятие «социализм» стало сегодня достаточно абстрактным, допускающим самые разные толкования, что и демонстрирует Хоннет. Автор разворачивает свое понимание социализма с преимущественным акцентом на нравственно-гуманистические принципы как на уровне конкретной личности, так и на уровне общества.

Критикуя ранних социалистов XIX в. (Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Л. Бланк, П.-Ж. Прудон) за их акцент главным образом на экономической сфере, он, по существу, создал новую классическую утопию, но вместо экономики в качестве базового понятия выдвинул «свободу». Социальная свобода является для него конститутивной и пронизывает все содержание книги как значимый общественный идеал. Чтобы социальная свобода в будущем смогла стать точкой поворота и осью всех практических усилий, внутри современного общества предполагается определить институциональное место для реализации свободы. В качестве такового он указывает на наступившие социальные улучшения и институциональные достижения, как, например, демократическое волеизъявление, а также те сферы человеческой жизни, на которые не обращал внимание ранний социализм, – сферы любви, брака и семьи.

Разумеется, Хоннет как трезвомыслящий ученый, отдает себе отчет в сложности реализации нарисованной им картины социализма, ибо современная действительность почти не оставляет никаких надежд на практическое воплощение его теоретических построений. По его признанию, большая часть населения охвачена сегодня настроениями безнадежности, парализующей неуверенности, безволия и малодушия, а заложенная в природе человека неискоренимая потребность в надежде на улучшение современного состояния, не находит в окружающей реальности никакого подкрепления. Автор, похоже, и сам не вполне верит в возможность наступления проектируемого им социализма, но надежда у человека всегда должна быть. В поисках основания для надежды Хоннет обращается к некоторым элементам «философии надежды» Э. Блоха, а также философии Канта. Предлагается объединить *воспоминания* об успешных шагах, предпринятых для улучшения социального положения в прошлом, и *надежду* на то, что это снова может повториться в будущем. Экстраполя-

ция таких ожиданий на наше время, следовательно, означала бы, что при всей непрозрачности мировых исторических событий, в них все-таки обнажается некая линия морального прогресса, обладающая суггестивной силой придать людям уверенность в ее продолжении. По мнению Хоннета, это единственное средство, которым мы располагаем сегодня, чтобы еще раз воспламенить надежду в безнадежные времена. В целом, автор воспроизводит в этой книге все основные черты классической утопии: критицизм, наличие идеала, субъективизм.

А как обстоит дело с утопиями в России? Пожалуй, в этом плане можно упомянуть некоторые публикации, издаваемые под эгидой фонда «Альтернативы» и журнала с одноименным названием. Далеко не все их публикации можно отнести к жанру утопии, ибо они сугубо рационалистичны, а их проекты обосновываются чисто теоретическими аргументами. Но некоторые из них, например, книгу «Культура. Поиски будущего. Навигация – Маяковский» [Культура... 2014] можно отнести к утопии, ибо в ней красной нитью проходит мечта о будущем, показывается ее роль в становлении советского государства, когда, несмотря на тяжелейшие условия 1920-х гг., голод и холод, люди мечтали о будущем, были устремлены в будущее и создавали его. В противоположность этому, человек XXI в., оснащенный всеми достижениями современной цивилизации, творить будущее не стремится, не может или боится.

Заключение

Таким образом, утопия является важным свидетельством состояния общественного сознания, рефлексией многих кризисных явлений в обществе и в то же время помогает обрести высшую цель жизни. В отсутствие общепринятых идеологических представлений утопия как изначальная форма общественного сознания могла бы формировать предпосылки для создания идейной базы, без которого невозможно существование ни одного государства. И самое главное: ее основное качество – быть мечтой и неугасающей надеждой на достижение лучшего будущего, дает ей возможность на основе сочетания всех присущих человеку способностей как рациональных, так и интуитивных, чувственных, внести свой вклад в выдвижение проектов будущего, чтобы в процессе дискуссии и отбора найти наиболее благоприятные модели развития общества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валлерстайн 2004 – *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004.

Вдовина 2012 – *Вдовина И.С.* «Философия жизни» Поля Рикера // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 28–52.

Гусейнов 2009а – *Гусейнов А.А.* Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. № 1. С. 16–27.

Гусейнов 2009б – *Гусейнов А.А.* Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 11–16.

Культура... 2014 – Культура. Поиски будущего. Навигация-Маяковский / под ред. Л.А. Булавки-Бузгалиной. – М.: КомКнига, 2014.

Павленко 2014 – *Павленко А.Н.* Простота русского простора. – СПб.: Алетейя, 2014.

Пономарева 1996 – *Пономарева Г.М.* Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века / дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. – М., 1996.

Русская утопия... 2013 – Русская утопия в контексте мировой культуры / сост. и предисл. В.П. Шестакова. – СПб.: Алетейя, 2013.

Селиванов 2016 – *Селиванов А.И.* Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: Алгоритм, 2016.

Утопия... 2016 – Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / под ред. О.А. Богдановой и А.Г. Гачевой. – М.: Индрик, 2016.

Черткова 2000 – *Черткова Е.Л.* Притяжение идеала. О природе утопического сознания // Альтернативные миры знания. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

Черткова 2015 – *Черткова Е.Л.* Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190–201.

Шацкий 1999 – *Шацкий Е.* Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990.

Bauman 2003 – *Bauman Z.* Utopia with no Topos // History of the Human Sciences. 2003. Vol. 16. No. 1. P. 11–25.

Honneth 2017 – *Honneth A.* Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung. – Berlin: Suhrkamp, 2017.

Joensson 2007 – *Joensson F.* Auf geht's! Konstruktiver Utopismus. – Morrisville, NC: Lulu.com, 2007.

Jacoby 1999 – *Jacoby R.* The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy. – New York: Basic Books, 1999.

Vieira 2016 – *Vieira P.* Is Ours a Post-Utopia World? // The Philosophical Salon. November 28, 2016. – URL: <https://thephilosophicalsalon.com/517-2/>

Levitas 1990 – *Levitas R. The Concept of Utopia.* – Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1990.

Thinking Utopia... 2005 – *Thinking Utopia: Steps into Other Worlds* / ed. by J. Rüsen, M. Fehr, N.W. Rieger. – New York: Berghahn Books, 2005.

The Philosophy... 2001 – *The Philosophy of Utopia* / ed. by B. Goodwin. – London: Routledge, 2001.

Utopia... 2000 – *Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World* / ed. by R. Schaer, G. Claeys, L.T. Sargent. – New York: Oxford University Press, 2000.

REFERENCES

Bauman Z. (2003) Utopia with no Topos. *History of the Human Sciences*. Vol. 16, no. 1, pp. 11–25.

Bogdanova O.A. & Gacheva A.G. (2016) *Utopia and Eschatology in the Culture of Russian Modernism*. Moscow: Indrik (in Russian).

Bulavka-Buzgalina L.A. (Ed.) (2014) *Culture. Search for the future. Navigation – Mayakovskiy*. Moscow: Komkniga (in Russian).

Chertkova E.L. (2000) The Attraction of the Ideal. On the Nature of Utopian Consciousness. In: *Alternative Worlds of Knowledge*. Saint Petersburg: RKhGI Press (in Russian).

Chertkova E.L. (2015) Utopia as a “Philosophical Project.” *Voprosy filosofii*. 2015. No. 5, pp. 190–201 (in Russian).

Goodwin B. (Ed.) (2001) *The Philosophy of Utopia*. London: Routledge.

Guseynov A.A. (2009a) Once Again on the Possibility of a Global Ethos. *Age of Globalization*. 2009. No. 1, pp. 16–27. (in Russian).

Guseynov A.A. (2009b) Philosophy as a Utopia for Culture. *Voprosy filosofii*. 2009. No. 1, pp. 11–16 (in Russian).

Honneth A. (2017) *Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung*. Berlin: Surkamp (in German).

Jacoby R. (1999) *The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy*. New York: Basic Books.

Joensson F. (2007) *Auf geht's! Konstruktiver Utopismus*. Morrisville, NC: Lulu.com (in German).

Levitas R. (1990) *The Concept of Utopia*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Pavlenko A.N. (2014) *Simplicity of Russian Space*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Ponomareva G.M. (1996) *Utopia and Utopian Consciousness in the Context of Russian Culture of 19th – early 20th century* (dissertation). Moscow (in Russian).

Rüsen J., Fehr M., & Rieger N.W. (Eds.) (2005) *Thinking Utopia: Steps into Other Worlds*. New York: Berghahn Books.

Schaer R., Claeys G., & Sargent L.T. (Eds.) (2000) *Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World*. New York: Oxford University Press.

Selivanov A.I. (2016) *Development of Objects. The Science of Future Management*. Moscow: Algorithm (in Russian).

Shestakov V.P. (2013) *Russian Utopia in the Context of World Culture*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Szacki J. (1990) *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress (Russian translation).

Vdovina I.S. (2012) "Philosophy of Life" of Paul Ricœur. In: *Western Philosophy of the Late 20th – early 21st century. Ideas. Problems. Trends* (pp. 28–52). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vieira P. (2016, November 28) Is Ours a Post-Utopia World? *The Philosophical Salon*. Retrieved from URL: <https://thephilosophicalsalon.com/517-2/>

Wallerstein I. (1999) *The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-first Century* (Russian translation: Moscow: Logos, 2004).

Спонтанное развитие общества и проблемы прогнозирования будущего*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет,

Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-27-43

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье анализируются особенности развития современного общества, которое с точки зрения автора развивается спонтанно, что не позволяет прогнозировать его будущее. Для него характерны ценности перехода: стратегическая нестабильность, перманентный кризис, упадок морали, деградация экологической среды, нарастание международного терроризма, проявляются симптомы возможности ядерной войны и т.д. Каждая эпоха, в том числе и эпоха неопределенности, рождает свои механизмы регулирования мирового развития, в основе которых лежит историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле. Не допустить войны – главная ценность мирового развития. Решающий выбор пути дальнейшего развития страны диктуется безопасностью государства. Проведенный анализ показывает, что идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, где условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития является формирование новой матрицы ценностей. Сложившаяся сегодня система экономического роста имеет свои ценностные основания – общество потребления. Сохранение общества потребления или предложение альтернативных сценариев развития во многом зависит от достижений социально-гуманитарных наук. Будущее придет и без нашего участия, но готовы ли мы принять его таким чужим и непредсказуемым? Вот почему нельзя пассивно ждать будущего. Будущее не возникнет само по себе. Его надо строить нам, здесь и сейчас. Каким построим, таким оно и будет.

Ключевые слова: современное общество, прогнозирование будущего, новая матрица ценностей, устойчивое развитие, стратегическая нестабильность, перманентный кризис, упадок морали, деградация

---

* Статья подготовлена на основе пленарного доклада на XIX Международных Лихаческих чтениях «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости» (Санкт-Петербург, 23–24 мая 2019 г.).

экологической среды, международный терроризм, возможность ядерной войны.

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

a.danilov@tut.by

Для цитирования: Данилов А.Н. (2019) Спонтанное развитие общества и проблемы прогнозирования будущего // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 27–43. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-27-43

The Spontaneous Development of Society and the Problem of Forecasting the Future

A.N. Danilov

Belarusian State University,

Minsk, Republic of Belarus

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-27-43

Original research paper

Abstract

The article discusses the development of modern society. In the author's opinion, the prediction of society development is not possible due to the spontaneity of social processes. The contemporary social development is characterized by transition values: strategic instability, permanent crisis, decay of morality, degradation of the ecological environment, increase of international terrorism, danger of nuclear war, etc. Each epoch, including an epoch of uncertainty, gives rise to its own mechanisms for regulating world development, which are based on the historical memory of mankind, on the acknowledgment of the value of peaceful coexistence and the acceptance of human life as the highest value. Preventing war is the main value of world development. The crucial decisions of country's further development are dictated by the security of the state. The author demonstrates that in our time the ideal of progress evolves from the concept of accelerated innovation changes into the ideal of sustainable development, which presumes the formation of new values as a condition for the transition to new strategies of civilizational development. The current system of economic growth has its own value foundation – a consumer society. The preservation of a consumer society or the transition to alternative development scenarios largely depend on the achievements of the social sciences and humanities. The fu-

ture will come without our will, but are we ready to accept this alien and unpredictable future? That is why we cannot passively await the future. The future will not arise by itself, the future will be what we make it.

Keywords: modern society, forecasting the future, new matrix of values, sustainable development, strategic instability, permanent crisis, moral decline, environmental degradation, international terrorism, danger of nuclear war.

Alexander N. Danilov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, D.Sc. in Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

a.danilov@tut.by

For citation: Danilov A.N. (2019) The Spontaneous Development of Society and the Problem of Forecasting the Future. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 27–43. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-27-43

Введение

Исторический опыт показывает, что мы не в силах остановить ход истории, но можем выбрать правильное направление движения. Понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами, в условиях спонтанного развития современного общества достаточно сложно. К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Мангейм, З. Бауман, Р. Белл, У. Бек и др. в своих трудах делали научно обоснованные прогнозы. В современной науке получила распространение позиция неопределенности в отношении будущего состояния общества. Позиция неопределенности означает признание того, что спонтанное развитие общества не позволяет предвидеть будущее. Налицо симптомы очередной смены научных идеалов и обновление парадигм. Нам предстоит выбор из множества возможных сценариев развития наиболее благоприятного сценария, не угрожающего разрушением биосферы и человеческой социальности.

Не допустить войны – наша непреходящая ценность

Каждая эпоха рождает свои механизмы регулирования мирового развития [Кастельс 2016, 41–56]. При этом одни механизмы остаются эффективными на долгие времена, другие же сразу после принятия уходят в небытие. Мы подошли ко времени смены эпох, а значит, и к возникновению новой матрицы ценностей

[Булышко и др. 2009]. Так что же мы принимаем и от чего отказываемся? Это один из самых актуальных вопросов сегодняшней повестки дня.

Механизмы послевоенного регулирования пришли в негодность. Глобальные институты в лице ООН и других международных организаций, обеспечивающие стабильность и мир на планете, упреждая или регулируя неизбежные конфликты и кризисы, вдруг начали пробуксовывать. Им все труднее становится сдерживать нового гегемона (США). Вместе с тем это лишний раз показывает, насколько надежными и справедливыми были эти глобальные международные институты. И вряд ли стоит так быстро и легко отказываться от накопленного ими положительного опыта. Хотя следует отметить, что даже этим глобальным институтам не всегда удавалось предупредить войны на нашей планете. Однако эти войны носили локальный характер, новый мировой пожар удалось все же предотвратить.

Серьезными аргументами в пользу философии ненасилия служат историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле. В этом году исполнилось 75 лет со дня окончательного снятия блокады Ленинграда. Подвиг ленинградцев никогда не померкнет в людской памяти. Вспоминаются проникновенные слова из выступления Даниила Гранина в Бундестаге 27 января 2014 г.: «Немцы хорошо знали, что происходит в городе, про ужасы голода, знали от разведки, от перебежчиков. Противник мог войти в город, но понимал, что город и солдаты будут стоять насмерть. <...> В дневниках того времени люди писали: “Господи, дожить бы до травы”. По скромным подсчетам, за время блокады умерло больше 1 млн горожан. <...> У людей не исчезло, а появилось больше сострадания. Единственное, что можно было противопоставить голоду и бесчеловечности фашизма – это духовное сопротивление людей. <...> Часто оказывалось, что спасались те, кто спасал других... Конечно, и спасатели умирали, но поражало меня то, как им помогала душа не расчеловечиваться. <...> Ненависть – чувство тупиковое, в нем нет будущего. Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить. <...> В конечном счете, всегда торжествует не сила, а справедливость и правда» [Гранин 2016, 3–6].

Нас в Беларуси часто упрекают, что мы чересчур терпеливы и что вывести нас из себя бывает не просто. И что слишком

консервативны, не склонны к переменам, демократию, мол, не поддерживаем, и «цветные революции» нас не берут. Что тут скажешь – слишком много пришлось пережить и испытать в жизни белорусскому народу, чтобы на уровне генетической памяти из поколения в поколение передавалась очевидная прописная истина-пожелание: «только б не было войны» [Шавель 2015, 138–159]. Поэтому главная ценность мирового развития на все времена – *не допустить войны*.

Проблема мирового развития всегда волновала человечество, тем более в контексте возможности его предсказуемости и управляемости. Чаще всего повышенный интерес к этой проблеме возникает в периоды кризисов, когда мир стоит на пороге глобальной катастрофы или полного обновления. Точки роста формируются еще в старом обществе, но заметить перспективу и динамику их развития удастся немногим.

В нынешнее переломное для всей человеческой цивилизации время особенно важно взглянуть в глубинную суть процессов трансформации. Эти перемены предполагалось органически вписать в новый облик мира. Однако многим независимым государствам суверенитет оказался не по силам. Надежды и ожидания, с которыми многие встретили свежий ветер перемен, оказались очередной иллюзией [Антонович, Данилов 2018, 293]. Приходилось заново учиться умению идти на компромиссы, поступаться личными политическими амбициями, преодолевать накопившуюся неприязнь, проявлять терпимость и понимание ситуации, *поступаться малым, чтобы сохранить перспективу на будущее*.

Идеал прогресса модифицируется в идеал устойчивого развития

Идеал прогресса рисуется в обуздании кризисных явлений, которые приобретают глобальный характер [Панарин 2003, 372–386]. Заметно нарастает энерго-экологический кризис, выражающийся в исчерпании природных ресурсов, ускоренном загрязнении окружающей среды и нарастании числа природных и техногенных катастроф. Растет число стран, охваченных депопуляцией, критического уровня достигло число безработных, особенно молодежи, волна мигрантов захлестнула Западную Европу, увеличивается голод, получают распространение эпидемии, усиливается социально-демографическая поляризация между

странами и цивилизациями. Снизилась темпы роста производительности труда и обновления основного капитала, растет технологический разрыв между авангардными и отстающими странами и цивилизациями. Мировая экономика все больше превращается в виртуально-паразитическую экономику «мыльных пузырей» и сферу господства транснациональных корпораций и банков, снижаются темпы экономического роста, растет пропасть между богатыми и бедными странами и социальными слоями [Щеткина, Данилов 2019, 5].

Все более очевидным становится, как падают темпы роста науки и ее престиж в обществе, происходит чрезмерная коммерциализация и прагматизация образования, распространяется массовая культура и подрываются нравственные устои общества и семьи. Обостряются геополитические противоречия в мире, увеличивается число локальных вооруженных конфликтов и агрессивных военных действий, не снижается угроза международного терроризма, проявлений варварства против цивилизации.

Неслучайно еще в 1998 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая проходила в Рио-де-Жанейро на уровне глав государств и правительств 180 стран, решающим требованием было провозглашено обеспечение баланса между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворением основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением таких возможностей для будущих поколений, выбор такого пути, который предполагает управляемое, сбалансированное развитие общества и природы.

Основные параметры такой модели включают экономические, социальные, политические, демографические, духовно-нравственные и экологические аспекты, ориентированные на достижение безопасного существования людей. «Самое существенное при переходе на новый путь устойчивого развития, соответствующий неоиндустриальной перспективе, заключается в том, – отмечают П.А. Водопьянов и В.С. Крисаченко, – что качественное изменение отношения общества к природе возможно только при изменении характера (системы) внутриобщественных отношений» [Водопьянов, Крисаченко 2018, 268]. Другое дело, что эти отношения меняются очень медленно и до сих пор во многих случаях воспроизводят идеалы и нормы потребительского общества.

Нельзя не признать правоту Н.Н. Моисеева, который после Конференции в Рио писал: «Проблема устойчивого развития это

не проблема экономистов и технологов. Это проблема и экономистов, и технологов, и социологов, и... философов. Это проблема формирования новой цивилизации» [Моисеев 1997, 146]. Конечно, когда доминирующим остается сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, можно только констатировать нарастание опасных условий для жизнедеятельности людей. Поэтому многие установки, зафиксированные в стратегии устойчивого развития, в том числе Конференции РИО-20, состоявшейся в 2012 г., оказались скорее благим пожеланием, несбыточной мечтой. Реальная же ситуация, напротив, существенно ухудшилась.

Сегодня наступило время, когда состояние стратегической нестабильности становится перманентным. Кризис за кризисом обрушивается на современных землян: глобальный финансовый кризис, упадок морали, деградация экологической среды, международный терроризм, угроза новой ядерной войны и т.д. В таких условиях резко снизилось доверие к результатам научных исследований, с одной стороны, а с другой – остро востребованы новые сценарии будущего, изменяющие привычные представления, провоцирующие представителей разных наук к поиску ответа на новые вызовы времени. Вспомним хотя бы выход в 2014 г. фундаментальной работы экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке» [Пикетти 2015]. В своей монографии автор сделал математически обоснованный прогноз о дальнейшем росте социального неравенства и поляризации бедности и богатства: в руках самой богатой части мирового населения, составляющей 0,1% людей Земли, сосредоточено сегодня больше богатств, чем у всего остального населения мира. Хотя факт глобального социального неравенства был давно всем известен, еще со времени К. Маркса, но все же Т. Пикетти написал об этом свежо и современно. Seriously встряхнул общественное мнение и повысил интерес к проблемам будущего бестселлер Ю.Н. Харари «Homo Deus. Краткая история будущего» [Харари 2019]. Главное сейчас, полагает Ю.Н. Харари, – осознать, что мы находимся на перепутье, и понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами.

Вообще проблемы прогнозирования и управляемости будущим активно разрабатывались и в советское время. Тогда строили светлое будущее, и долгое время эта цель вдохновляла на ратные и трудовые подвиги советских людей. Затем грянули разоблачения и очернительство прошлого. За образец будущего взяли витринный

капитализм, которым было принято восхищаться и по кусочкам переносить на советскую реальность.

В это время Римский клуб в своих сценариях будущего объявил о пределах роста. Диагнозы о будущем времени были популярны всегда. Созданные Римски клубом прогнозы сыграли важную роль в осмыслении будущего, хотя почему-то ни один из них не был оптимистичным. Может поэтому и не сбывся, но серьезно всех напугал. И дело здесь не только в недооценке прошлого. Речь идет о возможности смены научной картины мира, новой глобальной научной революции. В.С. Степин отмечал: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [Степин 2017, 10].

Однако, «застывшая стабильность» может перерасти в явление, которое называется «стагнацией». В свою очередь стагнация может привести к развалу экономики, ухудшению условий жизни людей и, как следствие, к активным протестным действиям [Ротман и др. 2016, 49–63].

«Чтобы обеспечить освоение сложных, развивающихся человеко-размерных систем, необходимо сопоставление внутринаучных этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. <...> Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гуманистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI в. требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечил бы выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятного сценария, не угрожающего разрушением биосфере и человеческой социальности» [Степин 2017, 11]. В качестве вывода следует отметить, что выбор из множества возможных сценариев развития наиболее благоприятного сценария, не угрожающего разрушением биосферы и человеческой социальности, требует дополнительного социального контроля.

Современные технологии влияния на сознание людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны средств массовой коммуникации, анонимных источников в социальных сетях [Данилов, Ротман 2019, 69–71]. Несмотря на немалые усилия, пока с большим трудом удается выстраивать новые точки роста, позитивные сценарии преодоления кризиса государственного управления. Правда, совместить власть олигархата и государственное управление еще никому пока не удавалось. В.С. Степин писал, что «сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов нереализуема без выполнения этой задачи» [Степин 2017, 11].

Сохранение ценностного кода – основы новой матрицы ценностей

Что собой представляет новая система ценностей? Ведь формирование новой системы ценностей – процесс чрезвычайно не простой и не быстрый. С ним всегда связано нарастание неустойчивости в обществе, ослабление власти и обострение многих социальных проблем [Булышко и др. 2013].

На современном этапе на роль доминирующего сценария претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада. Он основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада. Успехи потребительских обществ в улучшении качества жизни сделали привлекательной организацию экономики по принципу роста потребления.

Сложившаяся сегодня система экономического роста имеет свои ценностные основания. Хотя мы не устаем повторять, что в современном мире нет образца для подражания в государственном строительстве. Но неявно он все же присутствует и даже навязывается постсоветским странам. Это либеральная модель развития с рыночной экономикой и потребительским обществом.

Современное экономическое и научное развитие, особенно последних десятилетий, нашедшее свое воплощение в информационных и новых коммуникационных технологиях, в нарастающей глобализации, которые оказывают большое влияние на челове-

ское поведение, поставило человечество перед новыми вызовами. И, естественно, что эти перемены меняют наши представления об окружающем мире и самом человеке, его нравственном поведении. Уже очевидно, что постоянно прогрессирующая цивилизация способна разрушить культуру, незамедлительного реагирования требует надвигающаяся экологическая катастрофа. Глобализация стремится к полной унификации, свободная рыночная экономика обостряет социальные конфликты, разделяя людей, порождая новую несправедливость, неравенство, бедность, протест. В этих условиях неизбежно появление новых научно обоснованных концепций упреждения вызовов глобализирующегося мира, в частности, технологиям негативного дестабилизирующего воздействия [Ротман и др. 2018, 6–31].

Чтобы общество перешло в новое состояние, нужны ориентиры, цели, которые желало бы достигнуть подавляющее большинство населения Земли. И кто-то должен к новым высотам вести, сознательно неся свой нелегкий крест, быть нравственным, моральным примером, жертвуя собой. Сегодня же царит культура вырождения, где нет места академизму, классические работы неузнаваемо искажены и обращены к низменным инстинктам, национальное сдвинуто до крайнего национализма, манипуляции историей приводят к полному нигилизму, где здравый смысл и научная аргументация теряют всякое значение. «Рыночная экономика вышла за собственные пределы, разлилась по всей поверхности. В обществе есть много аспектов, для которых рыночные механизмы губительны. Таковы публичное пространство государства, интеллектуально-духовная деятельность, межличностные отношения и многое другое. Экономика является первой, базовой в том смысле, что с нее начинается, но совсем не в том смысле, что все делается ради нее. Есть много ценных вещей, которые на деньги не обмениваются. Как раз они и являются самыми ценными в жизни» [Гусейнов 2012, 453].

Дело даже не в интеллектуально-духовном потенциале — он еще сохранился. Просто он не востребован. «...Мы живем в странную эпоху. Россия переживает глубочайшую национальную катастрофу, а на нее не откликнулись ни литература, ни поэзия, ни философия, ни музыка... Нет духовных открытий, которые стали бы центром притяжения интеллектуальных сил, источником общественного вдохновения...» [Гусейнов 2012, 464]. В этих условиях *ценности, выработывавшиеся человечеством*

А.Н. ДАНИЛОВ. Спонтанное развитие общества и проблемы прогнозирования...
на протяжении многих столетий социальной эволюции, могут быть разрушены.

Сохранение ценностного кода во многом зависит от достижений социально-гуманитарных наук. Эти науки в процессе исследования и технологического освоения сложных социальных систем и практик активно взаимодействуют с естественными и техническими науками, образуя междисциплинарные комплексы знаний, необходимые для решения конкретных исследовательских и практических задач.

В ближайшем будущем человечество, осваивая конвергентные технологии, столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует нового уровня социально-гуманитарных научных исследований. Роботизация и применение информационных технологий ставят задачу изменения стратегий обучения и подготовки специалистов. Возникают вопросы, как перестроить процессы обучения, как организовать воспитание нового поколения людей. И такое осмысление невозможно без *наращивания потенциала социально-гуманитарных наук*.

Сегодня уже существуют и реализуются проекты генетического улучшения отдельных свойств человека с целью более успешного выполнения им определенных видов деятельности. В принципе, такого рода проекты вполне реализуемы и некоторые из них уже разрабатываются. Тенденция конструирования самых различных генетически специализированных индивидов, приспособленных для осуществления строго определенных видов деятельности, может радикально изменить структуру общественной жизни. Ученые не исключают возможности трансформации человеческого общества, где люди превращаются в генетически запрограммированных биороботов.

Усложнившийся социум, постоянная его изменчивость делают будущее весьма неопределенным, смещают исследовательский акцент на развитие новых теорий, способных помочь в осмыслении мира. В этих условиях важно не подменять реальный анализ нынешнего состояния общества имитацией, морализированием. Следует заниматься научным анализом реального мира, учитывая при этом новые технические, биологические, психологические, экономические и другие достижения. Поэтому конструирование новых социальных теорий, адекватно описывающих и объясняющих современный мир во всей его сложности, представляется весьма актуальным для современной науки.

Гуманитарные и социальные науки не могут не реагировать на потребность в анализе современного мира, поскольку наличие этой потребности делает их присутствие видимым в публичной сфере именно в эпоху кризисов и процессов быстрого изменения. Мы до сих пор не сумели достойно проанализировать социальные достижения и провалы Советского Союза, а также динамику и последствия реставрации капитализма «Советская “Атлантида” ушла под воду. И мы там, где находятся все народы, – в суровой реальности, где бал правит частный интерес и где каждый за себя» [Гусейнов 2012, 334]. «Поражает другое, – пишет А.А. Гусейнов, – все сколько-нибудь серьезные исторические изменения в России сопровождалось интеллектуально-духовными прорывами. Достаточно назвать всплески в поэзии, литературе, кино, философии, порожденные хрущевской оттепелью. А сейчас? Произошли фундаментальные изменения строя жизни, положения России в мире – и никакого отзвука на высших этапах сознания... Надо задуматься: что собой представляют, куда ведут преобразования, которые осуществляются без вдохновения, без мысли и чувства? <...> Для сдавшей армии поэты не слагают гимнов, композиторы не пишут маршей» [Гусейнов 2012, 452].

На что надеяться, «что ждет общество, где элиту составляют сплошь звезды попсы и дизайнеры, программисты и футболисты? Эти представители креативного класса в массе своей не создают сегодня подлинные ценности, а паразитируют на пороках и недостатках человека и общества, формируя искусственные, зачастую вредные потребности... Кто из креативщиков может похвастаться своим вкладом в культуру, который был бы сопоставим с вкладом ученых и художников прошлого?» [Антонов 2014, 9].

И все же философия не может утратить интерес к осмыслению будущего, так как «философия формирует эпоху» [Данилов 2015, 352]. Чрезмерное увлечение глобализмом, в том числе его поощрительное толкование экспертным сообществом, умиление по этому поводу может иметь отрицательные последствия для суверенной политики отдельных стран. Этот аспект переоценки глобального по сравнению с национальным особенно важен для России и других постсоветских стран [Булышко и др. 2016]. Нельзя создавать ненужную зависимость извне в ущерб собственным интересам. Россия всегда должна быть готова к противостоянию Западу в разных сферах, будь это противоракетная оборона в Европе, Арктика или цветные революции. Как показывает опыт,

противостояния с Россией часто объединяют Запад, но это не должно нас дезориентировать. Не все, что экономически выгодно с точки зрения международного разделения труда, целесообразно к применению. *Решающий выбор диктуется безопасностью государства.* С распадом Советского Союза «конца истории» не наступило. Вывод – достойно проанализировать социальные достижения и реальные провалы Советского Союза, а также динамику и последствия последующей реставрации капитализма.

В своей нобелевской лекции белорусский писатель Светлана Алексиевич отмечала: «Мой путь на эту трибуну был длиной почти в сорок лет – от человека к человеку, от голоса к голосу. Не могу сказать, что он всегда был мне под силу этот путь – много раз я была потрясена и испугана человеком, испытывала восторг и отвращение, хотелось забыть то, что я услышала, вернуться в то время, когда была еще в неведении. Плакать от радости, что я увидела человека прекрасным, я тоже не раз хотела» [Алексиевич 2015]. *Увидеть человека прекрасным... как мечта, как прогноз на будущее.*

И все же рассматривая последствия системной трансформации постсоветских стран нельзя не видеть, что, к сожалению, мир лучше не стал.

Заключение

Анализ показывает, что современное общество находится на перепутье, когда состояние стратегической нестабильности становится перманентным, глобальный финансовый кризис накладывается на упадок морали, происходит деградация экологической среды, нарастает международный терроризм, проявляются симптомы возможности ядерной войны и т.д. Каждая эпоха, в том числе и эпоха неопределенности, рождает свои механизмы регулирования мирового развития, в основе которых лежит историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле. Не допустить войны – главная ценность мирового развития.

Трудно, но необходимо осознать, что мы находимся на перепутье, поэтому учимся поступать малым, чтобы сохранить перспективу на будущее и стремимся понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами. Когда не в силах остановить ход истории, то нужно выбрать правильное направление движения.

Решающий выбор пути дальнейшего развития страны диктуется безопасностью государства. Проведенный анализ показывает, что идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, где условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития является формирование новой матрицы ценностей. Сложившаяся сегодня система экономического роста имеет свои ценностные основания – общество потребления. Сохранение общества потребления или предложение альтернативных сценариев развития во многом зависит от достижений социально-гуманитарных наук.

Прогресс сделал человека потенциально излишним в самом процессе трудовой деятельности, а непомерно раздутая свобода оказалась просто предоставленностью людей самим себе. Очень точно писал В.С. Степин: «...Новые ценности ниоткуда извне не придут – они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста» [Степин 2017, 10]. Нельзя предвидеть будущего, не извлекая уроков из собственной истории. Будущее не возникнет само по себе. Его надо строить нам, здесь и сейчас. Каким построим, таким оно и будет.

Времена меняются, и меняется взгляд на будущее, прогнозные оценки становятся все более адекватными, но почему-то тревога за будущее не исчезает.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексиевич 2015 – *Алексиевич С.А.* О проигранной битве // Нобелевская лекция. 7 декабря 2015 г. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2015/alexievich/25414-nobel-lecture-by-svetlana-aleksievitch-in-russian/>

Антонов 2014 – *Антонов М.Ф.* Феодализм «продвинутых». Вся власть олигархам интеллектуальной собственности? // Литературная газета. 2014. № 5. С. 9.

Антонович, Данилов 2018 – *Антонович И.И., Данилов А.Н.* Геополитика в эпоху нестабильности. – Минск: Беларуская навука, 2018.

Булышко и др. 2009 – *Булышко Д.М., Данилов А.Н., Ротман Д.Г.* Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей». – Минск: БГУ, 2009.

Булышко и др. 2013 – *Булышко Д.М., Данилов А.Н., Ротман Д.Г.* Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей. – Минск: БГУ, 2013.

Булышко и др. 2016 – *Булышко Д.М., Данилов А.Н., Правдивец В.В., Ротман Д.Г.* Ценностный мир современного человека: страны Вос-

точного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей. – Минск: БГУ, 2016.

Водопьянов, Крисаченко 2018 – *Водопьянов П.А., Крисаченко В.С.* Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку. – Минск: Белорусская наука. 2018.

Гранин 2016 – *Гранин Д.А.* «...Всегда торжествует не сила, а справедливость и правда» // Социология (Минск). 2016. № 1. С. 3–6.

Гусейнов 2012 – *Гусейнов А.А.* Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2012.

Данилов 2015 – *Данилов А.Н.* Проблемы этики в современном социуме // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015.

Данилов, Ротман 2019 – *Данилов А.Н., Ротман Д.Г.* Приоритет мялкой силы в дестабилизации современного социума (на примере Республики Беларусь) // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 68–77.

Кастельс 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Моисеев 1997 – *Моисеев Н.Н.* С мыслью о будущем России. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

Панарин 2003 – *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003.

Пикетти 2015 – *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Ротман и др. 2016 – *Ротман Д.Г., Данилов А.Н., Правдивец В.В.* Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект. – Минск: БГУ, 2016.

Ротман и др. 2018 – *Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И., Булышко Д.М.* Дестабилизирующие факторы современного мира // Современное белорусское общество: социологическое прочтение / под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2018. С. 6–31.

Щеткина, Данилов 2019 – *Щеткина М.А., Данилов А.Н.* Реализация целей устойчивого развития в Беларуси: повестка дня до 2030 г. // Журнал БГУ. Социология. 2019. № 1. С. 4–11.

Степин 2017 – *Степин В.С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

Харари 2019 – *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2019.

Шавель 2015 – *Шавель С.А.* Перспективы развития социума. – Минск: Белорусская наука, 2015.

REFERENCES

Alexievich S.A. (2015, December 7) On the Battle Lost. *Nobel Lectures*. Retrieved from <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2015/alexievich/25408-nobel-lecture-2015/>

Antonov M.F. (2014) Feudalism of the “Advanced” People. All Power to Intellectual Property Tycoons? *Literaturnaya gazeta*. 2014. No. 5, p. 9 (in Russian).

Antonovich I.I. & Danilov A.N. (2018) *Geopolitics in an Era of Instability*. Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Bulynko D.M, Danilov A.N., & Rotman D.G. (2009) *The Value World of Modern Man: Belarus in “Research of European Values” Project*. Minsk: BSU (in Russian).

Bulynko D.M, Danilov A.N., & Rotman D.G. (2013) *The Value World of Modern Man: Belarus and Its Neighbors in International Projects on the Study of Values*. Minsk: BSU (in Russian).

Bulynko D.M, Danilov A.N, Pravdivets V.V. & Rotman D.G. (2016) *The Value World of Modern Man: Eastern Partnership Countries, the European Union and Russia in International Projects on the Study of Values*. Minsk: BSU (in Russian).

Castells M. (2009) *Communication Power* (Russian translation: Moscow: HSE Publishing House, 2016).

Danilov A.N. (2015) Problems of Ethics in Modern Society. In: Danilov A.N. (Ed.) *Know to Anticipate... Sociological Etudes*. Minsk: BSU (in Russian).

Danilov A.N. & Rotman D.G. (2019) Soft Power Priority in the Destabilization of Contemporary Society (Case of the Republic of Belarus). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019. No. 2, pp. 68–77 (in Russian).

Granin D.A. (2016) “...It is Not Force That Always Triumphs, but Justice and Truth.” *Sociology (Minsk)*. 2016. No. 1, pp. 3–6 (in Russian).

Guseynov A.A. (2012) *Philosophy – Thought and Action: Articles, Reports, Lectures, Interviews*. Saint Petersburg: SPbUHSS (in Russian).

Harari Y.N. (2015) *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* (Russian translation: Moscow: Sinbad, 2019).

Moiseev N.N. (1997) *Thinking of the Future of Russia*. Moscow: Foundation for Promotion to Development of Social and Political Sciences (in Russian).

Panarin A.S. (2003) *Strategic Instability in the Twenty-First Century*. Moscow: Algorithm (in Russian).

Piketty T. (2013) *Capital in the Twenty-First century* (Russian translation: Moscow: Ad Marginem Press, 2015).

Rotman D.G, Danilov A.N., & Pravdivets V.V (2016) *Actual Problems of the Modern Belarusian Society (2011–2016): A Sociological Aspect*. Minsk: BSU.

Rotman D.G, Postalovsky A.V, Buzovsky I.I, & Bulynko D.M. (2018) Destabilizing Factors of the Modern World. In: Danilov A.N. & Rotman D.G. (Eds.) *Modern Belarusian Society: Sociological Interpretation*. Minsk: BSU (in Russian).

Shavel S.A. (2015) *Prospects for the Development of Society*. Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Shchetkina M.A & Danilov A.N. (2019) Realization of the Goals of Sustainable Development in Belarus: The Agenda until 2030. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019. No. 1, pp. 4–11 (in Russian).

Stepin V.S. (2017) Civilization in an era of change: the search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017. No. 3, pp. 6–11 (in Russian).

Vodopyanov P.A. & Krisachenko V.S (2018) *The Strategy of Human Existence: From the Apocalyptic to the Noospheric Age*. Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Теории, концепции, парадигмы

**Идеологические пролегомены
теории деятельности**

С.Ф. Сергеев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются и анализируются возникшие под влиянием господствовавшей в Советском Союзе идеологии марксизма-ленинизма особенности системно-методологического и понятийного базиса психологической теории деятельности. Показан процесс врастания догматов марксизма-ленинизма в каноническую форму деятельностного подхода под видом не требующего научного подтверждения научного знания. Возникавший при этом псевдонаучный дискурс служил усилению позиций идеологов административно-хозяйственной системы, находивших «объективные подтверждения» истинности учения Маркса в данных психологической науки. Научная среда, подвергаемая идеологической трансформации, пыталась защититься от деструктивного влияния идеологии, порождая особые формы отношений в научно-психологической среде, что вело к борьбе и противостоянию научных школ и коллективов. В результате идеологической экспансии психологическое знание превратилось в некоторой мере в инструмент борьбы административно-командной системы с научным инакомыслием. Это отчетливо проявилось в дискуссии по результатам Загорского эксперимента (эксперимента «загорской четверки»), в котором была сделана некорректная, с элементами фальсификации, попытка формирования человеческой психики из слепоглухих от рождения. Влияние идеологии прослеживалось и в противостоянии научных школ в физике, генетике, биологии и физиологии. Обсуждаются перспективы развития и новые направления деятельностного подхода в психологии, возникшие после исключения из его системно-понятийного базиса идеологием развитого социализма. Появляются психологические концепции, использующие системные представления, отражающие неклассические и постнеклассические формы научной рациональности. Делаются попытки создания и исследования моделей психики, разработанных в рамках концепций организованной сложности, с использованием теоретических конструкций и представлений, включающих понятия аутопоэтической самоорганизации и эволюции.

Ключевые слова: теория деятельности, идеология, системный подход, самоорганизация, сложные системы.

Сергеев Сергей Федорович – доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

s.f.sergeev@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6677-8320>

Для цитирования: *Сергеев С.Ф.* (2019) Идеологические пролегомены теории деятельности // *Философские науки.* 2019. Т. 62. № 5. С. 44–61. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Ideological Prolegomena of the Soviet-Russian Activity Theory

S.F. Sergeev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Original research paper

Abstract

The article examines the system-methodological and conceptual foundations of the psychological activity theory that arose in the Soviet Union under the influence of the ideology of Marxism-Leninism. The author demonstrates the process of incorporation of Marxism-Leninism dogmas into the canonical form of the activity theory as a scientific knowledge that does not need any scientific confirmation. The pseudoscientific discourse that arose at the same time served to strengthen the position of the ideologists of the bureaucratic system, who found “objective confirmations” of the truth of Marx’s teachings in the data of psychological science. The scientific community, subjected to ideological transformation, tried to defend itself from the destructive influence of ideology, giving rise to special forms of relations in the scientific and psychological environment, which led to the struggle and confrontation of scientific schools and groups. As a result of ideological expansion, psychological knowledge has become to some extent a tool for the bureaucratic system to overpower scientific dissent. That was clearly manifested in the discussion on the results of the Zagorsk experiment, in which an incorrect, partially falsified, attempt was made to prove the development of the human psyche of children born deaf and blind. The influence of ideology can also be traced in the confrontation of scientific schools in physics, genetics, biology and physiology. The article discusses prospects and new trends in the development of the activity theory after

exclusion of the ideological concepts of Soviet socialism from its system-conceptual foundations. We observe the formation of new psychological concepts that reflect non-classical and post-non-classical forms of scientific rationality. Attempts are made to create and study the models of the psyche developed within the framework of the theory of organized complexity and the concepts of autopoietic self-organization and evolution.

Keywords: activity theory, ideology, system approach, self-organization, complex systems.

Sergey F. Sergeev – D.Sc. in Psychology, Professor at the Saint Petersburg State University.

s.f.sergeev@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6677-8320>

For citation: Sergeev S.F. (2019) Ideological Prolegomena of the Soviet-Russian Activity Theory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 44–61.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-44-61

Введение

В истории отечественной психологии XX в. трудно найти более известную, популярную, внешне понятную всем и каждому, но в тоже время глубоко незавершенную и противоречивую теорию, занимавшую в свое время умы ведущих представителей марксистской философии и психологии, чем теория деятельности. Долгое время она считалась основным достижением советской философии и психологии, являясь одновременно и идеологическим инструментом, и одним из догматов религии гуманитарных наук советского периода. Правда, понимание этого факта наступило значительно позже вместе с распадом советского идеологического аппарата и последовавшим в связи с этим снижением давления научной бюрократии на науку. Однако и в настоящее время данная тема считается непубличной, по-прежнему действует табу на критику идеологии эпохи развитого социализма, хотя главные лица и исполнители того времени уже не с нами. Это сдерживает развитие научного базиса российской психологии и самой теории деятельности как научной системной концепции, объясняющей формы и механизмы психической активности человека в его отношениях с миром и обществом.

Влияние идеологии на психологическую теорию деятельности

О драматической истории появления и развития постулатов теории деятельности пишет в одной из своих последних опубли-

кованных статей профессор СПбГУ Г.В. Суходольский, известный специалист в области психологии деятельности, приходя к неожиданному и довольно жесткому выводу: «психологическая теория деятельности, приписываемая А.Н. Леонтьеву, оказалась фикцией. Он сам не оставил четкого изложения хотя бы основ этой теории» [Суходольский 2006, 330]. Далее следуют еще более серьезные оценки: «после кончины А.Н. его сын А.А. Леонтьев и еще два уважаемых психолога независимо попытались реконструировать основные положения леонтьевской теории деятельности. И получилось три разных варианта» [Суходольский 2006, 330].

Оставим категоричность и порою излишнюю эмоциональность в оценках на совести Г.В. Суходольского. Он имел на то полное моральное право, будучи автором обобщенной психологической теории деятельности [Суходольский 1988] и активным участником битвы идей того времени, к сожалению, часто переходившей в противостояния научных школ. Однако недовольство понятийным строем и идеологизированными версиями теории деятельности А.Н. Леонтьева и его соратников независимо друг от друга в разное время высказывали и многие другие представители психологической науки и практики [Джонс 2009; Дубровский 1994; Орлов 2003; Лекторский, Гараи 2015; Платонов 1972; Смирнов 1993].

В теории деятельности нет единой, принятой всеми версии. Канонический вариант теории, приписываемый А.Н. Леонтьеву, им самим не воспринимался как завершенная научная теория. Будучи достаточно серьезным и ответственным человеком, он понимал ее излишне выраженную идеологическую направленность и публично никогда не подчеркивал своего авторства в теории деятельности, представляя ее как результат коллективной работы, а себя позиционировал лишь одним из участников процесса создания [Иванников 1999]. Тем не менее, именно вариант Леонтьева можно считать основным, т.к. он присутствует практически во всех работах, посвященных деятельностному подходу в психологии. Имеется ряд редакций теории, предложенных учениками и последователями А.Н. Леонтьева, в которых отражено их личное авторское понимание обсуждаемой темы. Можно сказать, что это довольно разные формы системных представлений, хотя и объединенные общим понятием «деятельность». Отметим, что многие авторы советского периода, касаясь темы деятельности, старались подчеркнуть свою связь именно со школой Леонтьева.

Это давало им определенное социальное положение и особый статус в психологической науке того времени.

Спецификой гуманитарных наук советского периода являлась их практически полная зависимость от идеологии властной административно-командной системы, основанной на вульгарных интерпретациях положений материалистической философии и идеологии марксизма. Ее влияние пронизывало все сферы социальной жизни и практики, накладывая особый отпечаток на отношения в обществе между представителями разных профессиональных и социальных групп, придавая им ритуальный вид. Например, существовала особая форма изложения текстов научных трудов и докладов. Работа должна была начинаться с цитат классиков марксизма-ленинизма с обязательным упоминанием «исторических решений» съездов коммунистической партии. Это было незыблемым правилом. Нельзя было говорить о чем-либо иначе, чем это предписывали официально признанные авторитеты, представляющие известные научные школы. Многие деятели науки были вынуждены представлять свои работы как попытки «развития и углубления» теорий, созданных в процессе коллективной научной деятельности. «Социальное» довлело над «индивидуальным» в полном соответствии с марксистской теорией общественного развития. Навязанные идеологией марксизма-ленинизма формы поведения и изложения научных результатов культивировались и соблюдались не только в научной среде, но и тиражировались в общественном сознании средствами массовой информации и пропаганды, формируя образ «советского ученого – строителя коммунизма». Наряду с очевидным негативным влиянием на науку и научную среду в целом, данные ритуалы по отношению к конкретным ученым нередко давали положительный результат, оберегая их от репрессий, гонений и чисток со стороны административной системы. Надо сказать, что большинство ученых того времени понимало не только условность и очевидную абсурдность навязываемых правил игры, но также и то, что если они пусть и формально соблюдались, то открывался путь к свободе творчества, подкрепляемой солидным финансированием со стороны государства.

Практически каждый крупный психолог на определенном этапе развития своей научной карьеры выдвигает собственную «теорию всего». Это вполне логично и естественно в силу синтетического, обобщающего индивидуального опыта исследователей, характера

психологии. Чтобы теория приобрела статус «подлинно научной», автор советского периода должен был показать естественнонаучные, марксистские «корни» своего творения и обосновать его принадлежность к «истинным», официально признанным научным и философским доктринам.

Безусловным авторитетом в советской академической психологии 50-х годов был А.Н. Леонтьев, который победил в политико-идеологическом в своей основе споре С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского, получив в 1949 г. благословление от заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова. Это дало ему формальное право долгие годы представлять от имени государственной власти Московскую школу психологии [Леонтьев 2003; А.Н. Леонтьев... 1983]. Леонтьев, являясь членом коммунистической партии, «никогда не делил работу на партийную, научную, педагогическую и т. д. Партийностью были проникнуты все формы его деятельности, а выступления на партийных собраниях отличались деловитостью, принципиальностью и остротой постановки вопросов...» [А.Н. Леонтьев... 1983, 26]. Справедливости ради надо признать, что А.Н. Леонтьев смог с помощью идеологизированной, в значительной мере догматической формы теории деятельности оградить членов Московской научной школы психологии от негативного влияния официальной советской идеологии, создав внутреннюю среду для роста и развития научного знания. Достижения этой школы в области теоретической психологии неоспоримы и, безусловно, являются значительным вкладом в отечественную и мировую науку.

Развитие психологии в условиях идеологических ограничений требовало решения не только научных задач, но и политических и административных вопросов. О непростых отношениях основателей теории деятельности с властью и друг с другом написано много [Орлов 2003; Братусь 2013; Зинченко 1993; Леонтьев, Леонтьев 2003], хотя следует заметить, что их судьба была достаточно типичной для научной и творческой интеллигенции эпохи классовой борьбы. Время было жесткое, требовалось умение выживать и побеждать в любых условиях.

В результате ко второй половине прошлого века в Советском Союзе при активной научной и административной деятельности Ленинградской и Московской (с Харьковским периодом [Зинченко 2013]) научных школ, их лидеров, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, была создана устойчивая, в значительной мере идеологизиро-

ванная, концепция психологического изучения и объяснения человеческой созидательной активности. Она получила название «теория деятельности», и явилась, на наш взгляд, в известной мере компромиссом между научной психологией, коммунистической идеологией и материалистической философией. Результатом этого, по нашему мнению, искусственного объединения стали некоторая научная ограниченность и, в известной мере, догматичность и незавершенность теории, что наиболее остро ощущались в научной среде 70–80-х гг. прошлого столетия и отражено в содержании научных дискуссий того времени [Суходольский 1988]. С этим же, по-видимому, было связано и некоторое охлаждение интереса к теории деятельности, наступившее в 90-е гг. XX в. с началом перестройки.

Вместе с тем теория деятельности оказалась не столь безобидным продуктом советской идеологии, как могло показаться на первый взгляд. Ее активное внедрение в практику строительства социализма сопровождалось процессами активной борьбы с инакомыслием и несогласными. Ярким образцом, иллюстрирующим борьбу представителей деятельностного подхода с их оппонентами, явился Загорский эксперимент, посвященный воспитанию слепоглухих от рождения. По мнению адептов классического деятельностного подхода, участвовавших в научно-идеологическом и практическом обосновании и реализации данного проекта (В.В. Давыдов, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев), человеческая психика формируется только через предметную деятельность, а речь возникает и успешно развивается на основе этой деятельности. Именно это и было доказано в Загорском эксперименте. Однако в дальнейшем было показано, что данные и процедура эксперимента были искажены и сфальсифицированы в угоду господствовавшим в то время идеологическим догмам [Дубровский 2018]. Как это ни парадоксально, но спустя 50 лет после окончания дискуссии о Загорском эксперименте мы наблюдаем возрождение старых идеологем и догм теории деятельности и попытки придания им научного статуса, несмотря на факты, свидетельствующие об обратном. Современные интерпретаторы деятельностного подхода пытаются найти черты нового знания в построениях классиков теории деятельности, стремясь придать им статус теоретического базиса психологической науки. Мы вдруг обнаруживаем черты неклассической релятивистской психологии в культурно-исторических построениях Выготского [Асмолов 1997], хотя их там нет.

Избежать идеологического влияния на психологию, осуществляемого механизмами государственной власти на этапе зарождения и развития деятельностного подхода, было практически невозможно в силу политических и социальных реалий тоталитарного общества. Отметим, что идеология оказала негативное влияние не только на гуманитарные науки, но и на развитие физики, физиологии и генетики.

Как ни парадоксально, источниками догматизма в науке являются научные школы и слепая вера в существование конечной истины, культивируемая в научных коллективах. В этом отношении действие механизмов научной веры такое же, что и механизмов веры религиозной. Они формируют адептов возникающих форм отношений к знаниям, питая и радикализируя борьбу научных школ между собой. Об использовании идеологических методов в борьбе между советскими научными школами в теоретической физике пишет А.С. Сонин [Сонин 1994]. Аналогичные процессы преследования идеологически чуждых ученых вплоть до уничтожения целых научных направлений и школ прошли в биологии и генетике (лысенковщина и мичуринская биология) [Александров 1992], нейрофизиологии (борьба со школой Х.С. Коштоянца). Кибернетика была названа «реакционной лженаукой». Догматизация коммунистических представлений в идеологии впоследствии привела к расколу коммунистического движения, породив конфликты между «братскими» странами.

Со временем теория деятельности стала терять статус «единственно верного учения» и перешла из катехизиса номенклатурного социализма в арсенал обсуждаемого живого психологического знания. Разработка новых, «свободных от идеологии» версий психологической концепции деятельности продолжалась непрерывно во время перестройки, до и после распада Советского Союза, и в постперестроечной России (В.Г. Асеев, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, Е.Н. Сергиенко, Г.В. Суходольский и др.). Это был непростой и противоречивый процесс освобождения психологии от старых идеологических пут с одновременным формированием новых, пришедших к нам из-за рубежа вместе с постулатами идеологии западного «свободного мира». Деидеологизация психологии происходила неравномерно, с разной скоростью и степенью успешности, сопровождаясь повышенным вниманием со стороны психологической общественности к тем или иным импортированным научным течениям.

Распад научной ткани советской психологической науки в период перестройки уничтожил наряду с идеологией и организующий вектор ее развития, заключенный в теории деятельности. Отдельные частные точки зрения на деятельность и ее структуру, локальные психические феномены, формы поведения и т.д. стали приобретать статус самостоятельных теоретических построений часто невысокого качества. Возникла известная девальвация теоретического знания в психологии [Журавлев, Ушаков 2011].

Идеологические корни классической теории деятельности и начала постнеклассической теории

Основы представлений о деятельности лежат в немецкой классической философии и связаны, прежде всего, с гегелевским объяснением разумной активности человека, структурирующего мир. По мнению Гегеля, это результат действия духа как нематериальной рационализирующей мир разумной субстанции. Отрицавший идеализм марксизм удалил из этой схемы понятие духа (лишив психологию предмета изучения) и стал считать саму деятельность организующим началом человеческой активности. В сущности, речь стала идти об особых свойствах системы, включающей человека как демиурга, активного деятеля и творца. В известной мере можно говорить о теории самоорганизации и самоорганизующихся систем, но эта ветвь системного подхода, к сожалению, в то время не смогла развиваться по идеологическим причинам, связанным в известной мере с ограниченным механистическим, марксистским пониманием категории «система».

Понятие деятельности, по меткому утверждению классика советского системного подхода Ю.Г. Юдина, явилось попыткой создания «универсальной характеристики человеческого мира» [Юдин 1978, 272]. С помощью категории «деятельность» основатели деятельностного подхода попытались решить проблему зарождения психики и объяснения возможностей человеческого разума во всех его формах и проявлениях. Базовыми работами в данном направлении стали сочинения К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» [Маркс 1955] и «Экономическо-философские рукописи» [Маркс 1974]. Из них следовало, что только посредством активного взаимодействия с реальностью человек преобразует природу и себя, наделяя смыслом мир, с которым он сталкивается в своих восприятиях. Отсюда и революционный призыв Маркса: «Фило-

софы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955]. Только присваивая формы человеческой деятельности, человек становится разумным существом, выходящим за рамки животного мира.

Идеи философского материализма нашли своих сторонников и последователей в советской психологии, став ее официальной мировоззренческой базой. Истоки психологической теории деятельности лежат в работах Э.В. Ильенкова [Ильенков 2009] и А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1975], сформировавших понятийный каркас классического варианта теории, дополненный в настоящее время множеством расширений, свидетельствующих о существовании различных вариантов созидательной активности человека и о проблемах теории деятельности. По мнению В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, «в Советском Союзе существовало две парадигмы психологии: культурно-историческая и психологическая теория деятельности, создаваемые одними и теми же людьми. Для первой из них, заложенной в трудах Л. С. Выготского, центральной проблемой была и остается проблема опосредованности психики и сознания, в то время как для второй, интерпретирующей труды Маркса, – проблема предметности как внешней, так и внутренней психической деятельности» [Зинченко, Моргунов 1994, 103]. В.П. Зинченко считал теорию деятельности продуктом тоталитарной системы [Зинченко 1993]. Данная точка зрения была поддержана позже в работе А.Б. Орлова, считающего, что после разрыва в начале 30-х годов Выготского и Леонтьева последний создал теорию деятельности, которая «утеряла контакт с индивидуальной жизнью, индивидуальным бытием человека, с переживаниями как универсальным контекстом, сохраняющим человеческую целостность. И в силу этого она оказалась в тупике. Более того, она завела в тупик всю советскую психологию» [Орлов 2003]. По мнению Орлова, культурно-историческая теория Выготского оказалась более жизненной, но тогда «она лишь «затаилась на время»» [Орлов 2003]. Питер Джонс полагает, что теория деятельности основана на «ошибочном толковании марксовской концепции деятельности (или труда), равно как и его метода исследования» [Джонс 2009]. С его взглядами корреспондируется мнение Д.И. Дубровского, утверждающего, что ««деятельностный подход» выражал позиции ортодоксальной марксологии, питал ее ультрасоциологизаторские установки. Отсюда отрицание роли природных, в том числе генетических, факторов в формирова-

нии личности, получившие широкое распространение, и видимость незыблемой марксистской истины благодаря стараниям многих философов и психологов, особенно А.Н. Леонтьева» [Дубровский 1994, 7–8].

Попытки развития теории деятельности предпринимались и многими другими исследователями советского периода, но большая часть их работ была направлена на использование канонических постулатов теории для обоснования решений частных вариантов конкретных практических задач и носила несистемный, часто идеологический характер.

В теоретическом плане в канонических вариантах психологической теории деятельности можно выделить теоретические схемы С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Г. Асмолова, В.В. Давыдова, Г.В. Суходольского. Каждая из них претендовала в свое время на полноту используемого системно-концептуального базиса, достаточного, по мнению авторов, для создания объяснительных моделей в психологии, но по тем или иным причинам не была востребована и завершена.

Ключевым в теории деятельности является вопрос о возможностях и границах применимости системной методологии в гуманитарно-историческом знании. На него и в настоящее время нет ответа. По мнению В.П. Зинченко, создать единую теорию деятельности вообще невозможно, так как это беспредельность, которую нельзя одеть в теоретические одежды. Критикуются чрезмерный детерминизм теории, неспособной объяснить творческое и спонтанное начало в человеке, и выраженная технократическая установка, в которой человек рассматривается как автомат, лишенный свободы выбора [Зинченко 1993]. Проблемы психологической теории деятельности особенно обострились с появлением новых задач практической психологии при объяснении эффектов организованной сложности, возникающих в современном техногенном мире [Сергеев 2014]. Показаны несостоятельность и некоторая беспомощность теории деятельности в вопросах прогнозирования и анализа будущих результатов в сетевых структурах глобальных коммуникаций. Оказались недостаточными используемые в теории понятия обратной связи, регулирования и адаптации [Сергеев 2012]. Рациональные подходы в последнее время также вызывают сомнения исследователей. Налицо кризис теоретической психологии, неизбежно ведущий к изменению ее базиса и поиску альтернатив.

Все в ожидании появления новой теории психического, и нужно сказать, что, по нашему мнению, уже намечены контуры нового концептуального базиса, который можно назвать «постнеклассической теорией деятельности». Пока это только симбиоз представлений из классической психологии и теории самоорганизующихся систем и сред, рассматривающий функционирование социальных и биологических аутопоэтических систем, их взаимодействие, развитие и эволюцию. Однако методологические основы постнеклассической теории деятельности уже отчетливо заметны и отражены в работах В.А. Лекторского и В.С. Степина, развивающих представления неклассической и постнеклассической рациональности в рамках концепции эпистемологического конструктивизма [Князева 2006]. В ней последовательно объединяются синергетическая парадигма (С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий), энантивизм (Ф. Варела, Е.Н. Князева, М. Мерло-Понти, Э. Рош, Э. Томпсон), радикальный и социальный конструктивизм (Э. фон Глазерсфельд, Н. Луман), социальный конструкционизм (К.Дж. Джерджен), теория аутопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела) и парадигмы сложности в саморазвивающихся сетевых и рефлексивных средах (В.И. Аршинов, К. Майнцер, В.Г. Буданов, К.Х. Делокаров, В.Е. Лепский).

Несмотря на бурное развитие этого дискурса, говорить о его глубоком психологическом наполнении, ведущем к созданию неклассической и постнеклассической психологической теории деятельности, еще рано. Однако проблемы самоорганизации психики уже имеют самостоятельное значение в исследованиях, связанных с эволюцией сетевого мира и техногенной среды [Глобальное будущее... 2013], учитываются при анализе работы социальных и сложных эргатических и образовательных систем.

Не все опубликованные к настоящему времени работы, использующие термин «постнеклассическая психология», в действительности имеют к ней отношение. Чаще всего это обновленные варианты старых классических деятельностных схем. Но в тоже время наблюдается интерес исследователей к процессам самоорганизации живой природы, когнитивным моделям эволюционирующего сложного, сетевым и квантовым представлениям, лежащим в основе работы человеческого мозга и сознания [Аршинов, Буданов 2018; Князева 2015; Петренко 2018].

Говоря о теории деятельности в целом, нельзя не отметить ее позитивного влияния на возрождение и развитие отечественной психологии,

особенно ее общепсихологического базиса [Лекторский, Гараи 2015]. Она перевела психологию из области представлений здравого смысла и практики в сферу научного знания, дала возможность появления и развития в рамках единого методологического базиса многим направлениям научно-практической деятельности, привела к возникновению эффективных научных школ и перспективных областей научных исследований в психологии.

Можно надеяться, что новые направления теоретических исследований в психологии, основанные на современных редакциях и методологии деятельностного подхода, смогут избежать влияния идеологием современного мира, позволят открыть новый этап развития российской и мировой психологии. В противном случае мы вновь незаметно для себя окажемся в объятиях новой идеологии, и все повторится по замкнутому циклу социальной самоорганизации.

Выводы

1. Канонизированные варианты теории деятельности, представленные в трудах представителей Московской и Ленинградской психологических школ А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, являются психологическими и психологизированными интерпретациями положений философии диалектического материализма.

2. Теория деятельности оказала огромное влияние на теорию и практику государственного строительства в СССР, став научно-психологическим и идеологическим обоснованием социалистической административно-командной системы и методов директивного управления.

3. Идеологические корни психологической теории деятельности связаны с доминированием в базисе советской науки вульгарной, упрощенной формы материализма в виде философии марксизма-ленинизма, постулирующей примат общественного над индивидуальным, обосновывая диктатуру пролетариата и авторитаризм.

4. Теория деятельности в ее канонических вариантах является в известной мере компромиссом между научной психологией, коммунистической идеологией и материалистической философией, что ведет к некоторой ее научной ограниченности, догматичности и незавершенности.

5. Запросы практики и изменение статуса психологии в современном мире требуют новых подходов к развитию психологиче-

ской теории деятельности, основанных на достижениях науки с новым теоретическим базисом, очищенным от идеологических наслоений прошлого.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александров 1992 – Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. – СПб: Наука, 1992.

А.Н. Леонтьев... 1983 – А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. ред.), А.К. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Аршинов, Буданов 2018 – Аршинов В.И., Буданов В.Г. Концепция сети в оптике парадигмы синергетической сложности // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 49–58.

Асмолов 1997 – Асмолов А.Г. У порога неклассической психологии // Сибирский психологический журнал. 1997. № 7. С. 24–39.

Братусь 2013 – Братусь Б.С. «Слово» и «дело»: к истории научных отношений А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 18–24.

Глобальное будущее... 2013 – Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М.: Издательство МБА, 2013.

Джонс 2009 – Джонс П. Ильенков и методологические проблемы современной «теории деятельности» // Логос. 2009. № 1 (69). С. 133–150.

Дубровский 1994 – Дубровский Д.И. Психика и мозг: Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум / отв. ред. Д.И. Дубровский. – М.: Наука, 1994.

Дубровский 2018 – Дубровский Д.И. Феномен слепоглухоты. Еще раз о Загорском эксперименте (о фактах фальсификации, ее защитниках и об актуализации проблемы) // Философские науки. 2018. № 1. С. 89–117.

Журавлев, Ушаков 2011 – Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.

Зинченко 1993 – Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1993. № 2. С. 41–50.

Зинченко, Моргунов 1994 – Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994.

Зинченко 2013 – Зинченко В.П. Психология действия. Вклад Харьковской психологической школы // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 92–107.

Иванников 1999 – *Иванников В.А.* А.Н. Леонтьев глазами студента и сотрудника // Мир психологии. 1999. № 1. С. 11–14.

Ильенков 2009 – *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1 (69). С. 6–62.

Князева 2006 – *Князева Е.Н.* Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. С. 133–152.

Князева 2015 – *Князева Е.Н.* Универсальный эволюционизм: паттерны, которые связывают // Философские науки. 2015. № 3. С. 90–103.

Лекторский, Гараи 2015 – *Лекторский В.А., Гараи Л.* О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 25–37.

Леонтьев 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев 2003 – *Леонтьев А.А.* Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 2003. 122 с.

Леонтьев, Леонтьев 2003 – *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Миф о разрыве: А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 14–21.

Маркс 1955 – *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.

Маркс 1974 – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс. Ф.* Соч. Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.

Орлов 2003 – *Орлов А.Б.* А.Н. Леонтьев – Л.С. Выготский: очерк развития схизиса // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 70–85.

Петренко 2018 – *Петренко В.Ф.* К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89–101.

Платонов 1972 – *Платонов К.К.* О системе психологии. – М.: Мысль, 1972.

Сергеев 2012 – *Сергеев С.Ф.* Регуляция, саморегуляция, самоорганизация, саморазвитие в понятийном базисе психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 238–259.

Сергеев 2014 – *Сергеев С.Ф.* Эргономика и инженерная психология техногенного мира: вопросы методологии и теории // Труды международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика 2014» (Эрго 2014) (Санкт-Петербург, Россия, 3–5 июля 2014) / под ред. А.Н. Анохина, П.И. Падерно, С.Ф. Сергеева. – СПб. Межрегиональная эргономическая ассоциация, 2014. С. 35–42.

Смирнов 1993 – Смирнов С.Д. Общепсихологическая теория деятельности: перспективы и ограничения (к 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 94–101.

Сонин 1994 – Сонин А.С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. – М.: Физматлит, 1994.

Суходольский 1988 – Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

Суходольский 2006 – Суходольский Г.В. О Ленинградской/Санкт-Петербургской и Московской психологических школах // Петербургская школа психологии: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Л.А. Цветковой, А.А. Крылова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 328–332.

Энгельс 1976 – Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – М.: Политиздат, 1976. С. 269–317.

Юдин 1978 – Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978.

REFERENCES

Alexandrov V.Y. (1992) *Difficult Years of Soviet Biology*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Arshinov V.I. & Budanov V.G. (2018) The Concept of the Network in the Optics of the Synergetic Paradigm of Complexity. *Voprosy filosofii*. 2018. No. 3, pp. 49–58 (in Russian).

Asmolov A.G. (1997) On the Verge of Non-Classical Psychology. *Siberian Journal of Psychology*. 1997. No. 7, pp. 24–39 (in Russian).

Bratus B.S. (2013) The “Word” and the “Deed»: On the history of Scientific Relations between A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky. *National Psychological Journal*. 2013. No. 1, pp. 18–24 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1994) Psyche and Brain: Results and Prospects of Research. In: Dubrovsky D.I. (Ed.) *Brain and Mind*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dubrovsky D.I. (Ed.) (2013) *Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanism Evolution*. Moscow: Moscow Pub. (in Russian).

Dubrovsky D.I. (2018) The Phenomenon of Deafblindness. Once Again about the Zagorsk Experiment (On the facts of falsification, its defenders and on the actualization of the problem). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 1, pp. 89–117 (in Russian).

Engels F. (1976) *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 21, pp. 269–317). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Ilyenkov E.V. (2009) Dialectics of the Ideal. *Logos*. 2009. No. 1, pp. 6–62 (in Russian).

Ivannikov V.A. (1999) A.N. Leontiev through the Eyes of a Student and an Employee. *Mir psikhologii*. 1999. No. 1, pp.11 (in Russian).

Jones P. (2009) Ilyenkov and Methodological Problems of Modern “Theory of Activity.” *Logos*. 2009. No.1, pp. 133–150 (in Russian).

Knyazeva H.N. (2006) Epistemological Constructivism. In: *Philosophy of Science. Issue 12: Phenomenon of Consciousness* (pp. 133–152). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Pub. (in Russian).

Knyazeva H.N. (2015) Universal Evolutionism: Patterns Which Connect. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2015. No. 3, pp. 90–103 (in Russian).

Lektorsky V.A. & Garai L. (2015) The Theories of Activity: A Dialogue about How Successful They Were and What They Lack. *Voprosy filosofii*. 2015. No. 2, pp. 25–37 (in Russian).

Leontiev A.N. (1975) *Activity, Consciousness, Personality*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Leontiev A.A. (2003) *The Life and Creative Path of A.N. Leontiev*. Moscow: Smysl (in Russian).

Leontiev A.A. & Leontiev D.A. (2003) The Myth about the Breakup: A.N. Leontiev and L. S. Vygotsky in 1932. *Psikhologicheskyy zhurnal*. 2003. No. 1, pp. 14–21 (in Russian).

Marx K. (1955) *Theses on Feuerbach*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 3, pp. 1–4). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Marx K. (1974) *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 42, pp. 41–174). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Orlov A.B. (2003) A.N. Leontiev – L.S. Vygotsky: An Essay on the Development of Division. *Voprosy psikhologii*. 2003. No. 2, pp. 70–85 (in Russian).

Ovchinnikov O.V., Tikhomirov A.K., Zaporozhets A.V., & Zinchenko V.P. (Eds.) (1983) *A.N. Leontiev and Modern Psychology (Collected Articles in Memory of A.N. Leontiev)*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).

Petrenko V.F. (2018) On the Problem of Collective Unconscious in the Framework of Philosophy of Post-Non-Classical Rationality and Constructivism Psychology. *Voprosy filosofii*. 2018. No. 2, pp. 89–101 (in Russian).

Platonov K.K. (1972) *On the System of Psychology*. Moscow: Mysl (in Russian).

Sergeev S.F. (2012) Regulation, Self-Regulation, Self-Organization, Self-Development in the Conceptual Basis of Psychology. In: Bodrov V.A. & Zhuravlev A.L. (Eds.) *Actual Problems of Psychology of Work, Engineering Psychology and Ergonomics* (Issue 4, pp. 238–259). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Pub. (in Russian).

Sergeev S.F. (2014) Ergonomics and Engineering Psychology of the Technogenic World: Issues of Methodology and Theory. In: Anokhin A.N.,

Paderno P.I., & Sergeev S.F. (Eds.) *Proceedings of the international scientific and practical conference "Psychology of labor, engineering psychology and ergonomics 2014" (Ergo 2014) (Saint Petersburg, Russia, July 3–5, 2014)* (pp. 35–42). Saint Petersburg: Interregional Ergonomic Association (in Russian).

Smirnov S.D. (1993) General Psychological Theory of Activity: Prospects and Limitations (On the 90th Anniversary of the Birth of A. N. Leontiev). *Voprosy psikhologii*. 1993. No. 4, pp. 94–101 (in Russian).

Sonin A.S. (1994) *"Physical idealism": History of One Ideological Campaign*. Moscow: Fizmatlit (in Russian).

Sukhodolsky G.V. (1988) *Foundations of the Psychological Theory of Activity*. Leningrad: Leningrad University Press (in Russian).

Sukhodolsky G.V. (2006) On the Leningrad (Saint Petersburg) and Moscow Psychological Schools. In: Krylov A.A. & Tsvetkova L.A. (Eds.) *Saint Petersburg School of Psychology: Past, Present, Future* (pp. 328–332). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press (in Russian).

Yudin E.G. (1978) *System Approach and Principle of Activity*. Moscow: Nauka (in Russian).

Zinchenko V.P. (1993) Cultural-Historical Psychology and Psychological Theory of Activity: Live Contradictions and Points of Growth. *Bulletin of Moscow State University. Series 14: Psychology*. 1993. No. 2, pp. 41–50 (in Russian).

Zinchenko V.P. (2013) Psychology of action. The contribution of the Kharkov psychological school. *Cultural-Historical psychology*. 2013. No. 1, pp. 92–107 (in Russian).

Zinchenko V.P. & Morgunov E.B. (1994) *Developing Man. Essays on Russian Psychology*. Moscow: Trivola (in Russian).

Zhuravlev A.L. & Ushakov D.V. (2011) Fundamental Psychology and Practice: Issues of Interaction. *Psikhologichesky zhurnal*. 2011. No. 3, pp. 5–16 (in Russian).

Существует ли индивидуальная социальность, или На пути к индивидуализированной социальной теории

И.И. Резвицкий

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-62-79

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье исследуется проблема индивидуальной социальности, которая возникла при переходе от традиционного к индивидуализированному обществу и приобрела актуальное значение для познания новых социальных проблем в современном обществе. В центре статьи – понятие социальности, ее новые свойства и новое значение, открывающееся в ее индивидуальном измерении. В связи с этим в статье выделяется две формы, два типа социальности – коллективная и индивидуальная, указываются причины их возникновения, анализируется их роль в образовании общества. Индивидуальная социальность рассматривается в статье как новая форма социальности, возникшая в результате эволюции, анализируется ее роль в организации современной социальности, в образовании общества как индивидуализированного социума. В статье показано, что для его изучения необходима новая, индивидуализированная социальная теория. Дается описание этой теории, определяются те проблемы, которые возникают перед ней в новом социальном познании. Это прежде всего проблема индивидуального субъекта познания, проблема индивидуального языка познания, проблема индивидуального метода познания и др. Наконец, в статье выделяются вопросы, встающие перед новой социальной теорией и связанные с определением новых путей развития современного общества, определяются те социальные силы, которые будут решать эти вопросы. Среди них – индивидуальный интеллект как основной резерв творческих сил современного человечества.

Ключевые слова: индивидуальность, индивидуализация, индивидуальные миры, индивидуальные методы, индивидуальный капитал, индивидуальная самость, самобытность, социальность, коллективная социальность, индивидуальная социальность.

Резвицкий Иван Иванович – доктор философских наук, профессор, почетный профессор Государственной полярной академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для цитирования: Резвицкий И.И. (2019) Существует ли индивидуальная социальность, или На пути к индивидуализированной социальной теории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 62–79. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-62-79

Is There an Individual Sociality, or On the Way to Individualized Social Theory

I.I. Rezvitsky

Independent researcher, Saint-Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-62-79

Original research paper

Abstract

The article discusses the problem of individual sociality, which developed during the transition from the traditional to the individualized society and become relevant for the knowledge of new social problems in modern society. The article focuses on the concept of sociality, its new properties and new meaning, revealed through its individual dimension. In this regard, the author identifies two types of sociality – collective and individual socialities, indicates the conditions of their development, analyzes their role in the formation of society. Individual sociality is considered as a new form of sociality that emerged as a result of evolution. The article demonstrates the role of individual sociality in the organization of modern sociality, in the formation of society as an individualized society. The author argues that the research of these issues requires a new, individualized social theory. Thus, the description of this theory is presented, the problems that arise before it in the new social cognition are determined. These are primarily the problem of the individualized subject of knowledge, the problem of the individualized language of knowledge, the problem of the individualized method of knowledge and others. Finally, the article highlights the issues facing the new social theory in order to comprehend the development of modern society, the article identifies the social forces that will solve these issues. Thus, one of these social forces is individual intelligence as the main reserve of the creative forces of modern humanity.

Keywords: individuality, individualization, individual worlds, individual methods, individual capital, individual self, originality, sociality, collective sociality, individual sociality.

Ivan I. Rezvitsky – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honorary Professor at the State Polar Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

rezvitsky@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-0348-0586>

For citation: Rezvitsky I.I. (2019) Is There an Individual Sociality, or On the Way to Individualized Social Theory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 62–79.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-62-79

Введение

Индивидуальность – древнейшее явление человеческой жизни. О ее тайнах задумывались уже древнеиндийские монахи. Ее философское осмысление началось с античной философии в связи с поисками первоначал мира, в качестве которых атомисты (Левкипп, Демокрит) предложили «атомы-индивидуальности».

Но в своем собственном значении проблема индивидуальности, по словам В. Дильтея, появляется и становится доступной научному обсуждению, начиная с XVIII в. [Dilthey 1924]. В это время возникли сами понятия: «индивидуальность», «индивидуализация», «индивидуализм», которые начинают широко использоваться в философии (Кант, Гердер, Шлейермахер и др.). Сама индивидуальность уходит от замкнутого в себе атома и приобретает самостоятельное значение. Частные науки (физика, биология, психология) начинают использовать понятие индивидуальности в своих исследованиях. Если раньше индивид брался ими лишь как единичный представитель вида, рода, то теперь он наделяется индивидуальными свойствами, которые оцениваются как существенные для организации жизни целого.

Но сама индивидуальность была взята при этом лишь в своих неповторимых, специфических свойствах, в которых усматривалась ее преобразующая сила. Ф. Шлейермахер заявлял, что индивидуальные различия есть высшая ценность современного человечества.

На этом пути социальность и индивидуальность оказались разорванными, несовместимыми понятиями. И в современной социальной науке социальность взята как групповая, коллективная реальность. Что же касается индивидуальности, то она здесь противопоставлена социальности как нечто единичное, неповторимое в человеке, не имеющее общего значения, и поэтому

должна быть подвергнута социализации, а основным методом социального познания является, соответственно, метод сведения индивидуального к социальному. В общем, современная социальная теория ориентирована на коллективистский подход к социальности. В результате, социальное и индивидуальное оказались здесь разорваны и противопоставлены друг другу как параллельные миры.

Мы придерживаемся другого, противоположного мнения и намерены показать, что индивидуальность уже по своей природе есть явление социальное, общественное и поэтому имеет общее значение и что она предназначена в конечном счете объединять людей посредством их собственного стремления к индивидуальной самореализации в единый социум, обладающий высшей антропологической ценностью. Вместе с тем мы намерены показать, что сама социальность индивидуальна по своим первоисточкам, по способу своей реализации и может реально существовать как индивидуализированная социальность. Поэтому разрыв социального и индивидуального, существующий в современной науке, оценивается нами как негативный факт, который отрицательно сказывается на состоянии современных социальных исследований и на состоянии самой социальной реальности в целом.

В общем, мы ставим задачу, опираясь на процессы индивидуализации в современном обществе, переосмыслить понятие социальности с позиций ее индивидуализации, обосновать «индивидуализированную социальность» как особый тип социальности, образующий собой новый способ организации современного общества, что требует для ее изучения новой, индивидуализированной социальной теории.

Индивидуальная социальность

Современное общество вступило в новую эпоху, «эпоху индивида», оно становится все больше индивидуализированным, а индивидуализация выступила новым способом его социальной организации. Вопреки многовековой традиции, считавшей социальное и индивидуальное противоположными и несовместимыми образованиями, процессы индивидуализации современного общества свидетельствуют об обратном. Современная социальность стремится к своей индивидуализации на всех уровнях своей организации, затрагивая массовые формы своего выражения. Она все больше уходит от погруженности в общинные, групповые, коллективные формы своей

организации, выдвигая на передний план социального бытия отдельных индивидов в качестве своих новых субъектов.

В свою очередь, сама индивидуальность все глубже проникает в суть современной социальности в поисках социальных форм своего выражения. В результате оказалось, что социальное в своем истоке, в своем реальном существовании есть явление индивидуальное, а индивидуальное по своей природе есть явление социальное, общественное.

Все это требует переосмысления проблемы социальности с позиции ее индивидуализации, выделения «индивидуальной социальности» как нового типа социальной реальности.

Вообще, проблема социальности стала сегодня общей проблемой социальной науки, т.к. в ней сошлись основные пути реорганизации современного общества. Последнее стало динамичным, вариативным, что уже не укладывается в старые социальные понятия стабильности, устойчивости, порядка и требует своего переосмысления в новых социальных понятиях.

На этом пути в современной социальной науке уже предприняты попытки переосмыслить понятие социальности в связи с новыми социальными процессами, возникшими в современном обществе. Среди них такие концепции, как «переоткрытие социальной реальности» (С.А. Кравченко), «пересборка социального» (Б. Латур), «текущая современность» (З. Бауман), «турбулентный социум» (В.В. Щекотин), в которых выделены некоторые новые свойства социальности (динамизм, неопределенность, текучесть, турбулентность и др.).

Однако эти новые социальные свойства исследуются здесь в рамках старой парадигмы социальности как групповой организации связи людей, в то время как они есть проявления уже новой индивидуализированной социальной реальности и поэтому требуют новой логики для своего осмысления и могут быть адекватно поняты в конечном счете в рамках новой, индивидуализированной социальной теории.

Нельзя сказать, что проблема индивидуальности вообще не рассматривается в современной социальной науке. Уже со времен М. Вебера в западной науке была выделена рубрика «социология индивидуальности», где обсуждались такие вопросы индивидуализации в социальной жизни, как «социальное действие» (Э. Гидденс), как «социологическое воображение» (С.Р. Милс) и др. Наряду с «коллективной социологией» В. Ванбергом была

выделена «индивидуалистическая социология» [Vanberg 1975]. Наконец, Н. Луман включил индивидуальность в свою «Теорию социальных систем» в качестве их предпосылки, выделив для этого в своей монографии специальную главу об индивидуальности [Луман 2017, 332].

Вместе с этим все больше внимания уделяется индивидуальному методу в современных социальных исследованиях. Примечательно здесь, что на XXXVIII конгрессе Международного института социологии (июнь 2008) специальное заседание было посвящено «Методологическому индивидуализму в социологии».

Однако во всех этих случаях речь идет об индивидуальности в сфере социальности. В центре размышления здесь взята индивидуальность в ее социальном проявлении.

У нас же в центре размышления – другая проблема: в качестве объекта исследования взята сама социальность в ее индивидуальном измерении как «индивидуализированная социальность», включающая в себя индивидуальное начало в качестве своего первоисточка и определяющего принципа своей организации. Именно эта новая, индивидуализированная динамическая социальность идет на смену старой социальности, застывшей в социальных группах и организациях в качестве новой формы социальной жизни и поэтому требует своего нового научного осмысления.

Но трудность здесь состоит, прежде всего, в том, что общезначимого понятия социальности в современной науке пока не выработано. Оно здесь:

- 1) отождествляется с понятием общества;
- 2) берется как одна из его сфер, в отличие от экономической и политической сферы;
- 3) определяется как надприродная реальность, независимая от коллективной и индивидуальной форм своего выражения;
- 4) взята как коллективная, надиндивидуальная реальность.

Именно этот последний подход является определяющим в современной социальной философии, где социальность представлена как коллективно организованная реальность. В этом направлении движется и современная социология, которая, по словам ее представителей, «изучает общество на уровне средней абстракции», на уровне «социальных групп, коллективов» [Словарь... 2005, 540]. Она считается «не индивидуальным, а коллективным занятием».

В действительности, коллективность – лишь одна из форм социальности. Их отождествление идет к нам от Э. Дюркгейма, считавшего, что из коллективной комбинации «проистекает социальная жизнь» [Дюркгейм 1991, 493]. Другой формой социальности является индивидуальность, составляющая иной тип связей людей в обществе. К. Маркс отмечал, что именно «индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создавало – и повседневно воссоздает – существующие отношения» [Маркс, Эннелс 1955, 440].

Само слово «социальность» (от лат. *socius* – общий, связанный) означает буквально «связанность». Но люди могут вступать во взаимосвязь в обществе двумя путями:

- 1) как члены социальных групп, коллективов, сформировавшихся на основе реализации своих групповых, общих интересов;
- 2) индивидуально для самореализации, выражая себя уже не как «мы», а как «я».

В результате образовались два различных типа социальности – коллективная и индивидуальная.

Коллективная социальность – это групповая социальность, состоящая из множества индивидов, соединенных общими связями и интересами. Ее наиболее полное исследование представлено в современной литературе в работе Роберта Суссмана «Происхождение и природа социальности», где она раскрывается в процессе эволюции как результат действия культуры и ответственности человека [Sussman 2017].

В рамках коллективного подхода социальность определяется как способность индивидов «думать и заботиться о других». В более широком значении коллективная социальность определяется как способ организации общества через социализацию личности, имеющий социально-адаптивное значение.

Но при переходе от традиционного общества к индивидуализированному обществу коллективная форма социальности утрачивает свое определяющее значение, вытесняется из сферы социальной жизни и заменяется другой, индивидуальной формой социальности, придавая социальности ее собственное, самостное значение.

Но суть индивидуальной социальности и ее собственное социальное значение открывается нам, если саму индивидуальность понимать не как «неповторимость» свойств индивидов, как это она представлена в современной научной литературе, а как «самость»

индивидов, как самостный способ их бытия. Предпринятое нами исследование понятия индивидуальности в других работах показало справедливость данного подхода [Резвицкий 1984].

Индивидуальность происходит не от «неповторимости» индивида, а от других его свойств. Она произошла от древнегреческого «атома» и первоначально обозначала индивида в его «отдельности» и «неделимости». Фома Аквинский писал, что «индивидуальное же то, что неделимо и при этом отделено от другого» [Фома Аквинский 2002, 378]. Затем Лейбниц придал индивидуальности свойство внутренней активности, определив ее как самостоятельную «монаду», как «зеркало Вселенной». Наконец, Гегель определил индивидуальность как «самость мыслящего духа» [Гегель 1977, 379], придав ей статус общего принципа бытия.

Именно это понятие индивидуальности как «самости» индивидов, как самостного способа их бытия открыло путь в социальность. Что же касается понимания индивидуальности как неповторимости свойств индивида, то оно было предложено немецкими романтиками (Шлегель, Новалис, Шлейермахер), которые считали задачей «возрожденческого» человека, освободившегося от религиозной зависимости, развитие всех своих особенностей. Однако Гегель подверг резкой критике это представление об индивидуальности как внешнее и случайное, уводящее в дурную бесконечность. Поэтому, считал он, «своеобразие человека не следует придавать чрезмерно большого значения» [Гегель 1977, 74].

Индивидуальность, следовательно, это не психологическое, а онтологическое, бытийное понятие, выражающее самостный способ бытия индивидов. Другое дело, что сама индивидуальность, как это заметил еще Л. Фейербах, может выражать себя как в общих, так и в неповторимых формах. Фейербах пишет: «Но эта моя индивидуальность распространяется не только на те отличительные признаки и свойства, при помощи которых я различаю себя от других, но также и на те свойства, которые я, в отличие от первых, мыслю, как общие и охватываю в одном общем понятии человека» [Фейербах 1955, 495–496]. Неповторимость поэтому относится не к самой индивидуальности, а к одной из форм ее выражения.

Именно понятие индивидуальности как «самости» индивидов позволяет нам отнести его не только к отдельным индивидам, но и к отдельным общностям, когда они берутся как отдельные и самобытные образования.

Индивидуальная социальность и возникла, когда социальные группы в ходе эволюции достигли такого уровня своей внутренней организации, на котором они обрели новый статус своего существования, – выступили как особые «индивиды», обладающие самостью бытия, т.е. они выступили как определенные индивидуальности.

Это уже не просто «сумма связей», не «социальная множественность», а определенная социальная целостность, образовавшая «ранг бытия» – новый тип социальной реальности.

В качестве формы бытия индивидуальная социальность приобрела общее значение, она присуща не только человеческому, но и природному миру. Первоначально она, как показано в работе Фредерика Бушара и Филиппа Хьюмена «От групп к личностям: эволюция и возникшая индивидуальность», и возникла в ходе эволюции биологических групп, когда они достигли уровня своей целостности и отдельности, «образуя индивидов более высокого уровня» (например, колонии пчел), на котором они выступили как определенные индивидуальности [Bouchard, Huneman 2013].

Другие авторы считают, что индивидуальная социальность имеет не только общее, но и частное значение, выступая средством самозащиты индивидов от агрессивности социальных групп. Для этого они объединяются в особые «альянс-группы» для взаимной выгоды, а не из приверженности общей группе [Chung 2018].

Индивидуальная социальность возникла в процессе эволюции. Поэтому современные биологи придали ей статус эволюционного понятия («эволюционная индивидуальность») и включили его в современную эволюционную теорию в качестве определяющего понятия [Clarke 2016].

Итак, индивидуальность явилась нам в своей новой роли, как жизненная сила социального бытия. В этом своем качестве она выступила как определяющий фактор в организации социальности и ее образований. Вот как Гегель определил организующую роль индивидуальности в отношении к государству: «Индивидуальность есть первое и высшее всепроникающее определение в организации государства» [Гегель 1977, 357]. Это относится и к обществу в целом, где индивидуальность связывает всех людей в единую социальную организацию глубинными связями самореализации.

Напротив, в рамках коллективной социальности социальные роли заданы извне, а социальная жизнь находится на формальном

уровне ее организации. Поэтому на уровне групповой социальной организации люди еще не освоили социальные связи, еще не живут социальной жизнью. По словам К. Маркса, здесь «общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности» [Маркс 1959, 78]. Здесь «люди еще находятся в процессе создания условий социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий» [Маркс 1968, 105]. Это становится возможным на индивидуальном уровне организации социальной жизни. Суть индивидуализации социальной жизни в том и состоит, чтобы люди получили возможность выйти из состояния внешней социальности и обрести способность жить социальностью. Тем самым индивидуализация вводит в социальность ее человеческий, экзистенциальный смысл, делает социальную жизнь осмысленной. Социальность – это не просто «связь». Такая «социальность» есть и у муравьев. Социальность – это связь индивидов, наполненная духовными значениями, опосредованная моральными критериями. Но такая социальность не задается извне. Она вырастает и концентрируется уже не в социальных группах, а в индивидуальных мирах отдельных людей, из которых соткана реальная социальная жизнь.

Индивидуальные миры – это малые социализированные жизненные миры, возникшие в пространстве социального бытия. Здесь строится реальная социальная жизнь индивидов, определяются их социальные статусы, выбираются социальные роли, вырабатываются социальные ценности, наконец, формируется собственная социальная картина мира. Вообще, все социально значимое, существенное, глубокое впервые создается в индивидуальных мирах, творится индивидуальными субъектами, которые выступили здесь в своем новом качестве, уже не просто как «носители» социальных функций, а как «авторы» социальной жизни.

Выделение индивидуального субъекта в качестве самостоятельной социальной силы, творца социальности означает поворот всей проблемы субъектности с коллективного на индивидуальный уровень существования, на котором социальность обретает свою субъектность как свое собственное свойство. Можно утверждать, что именно на индивидуальном уровне социальности возникает сама проблема субъектности. Уже первоисточком субъектности является индивидуальный субъект (т.к. у коллективного субъекта

нет для этого своей особой головы). Но главное здесь состоит в том, что уровень абстракции и воображения у индивидуального субъекта значительно выше, чем у коллективного субъекта, что позволяет ему проникать в глубину социальности, в ее суть. Это позволяет индивидуальному субъекту получать глубинные социальные знания. Как отмечает В.А. Лекторский «знания, присущие индивидуальному и коллективному субъекту, не совпадают полностью, а взаимно предполагают друг друга» [Лекторский 1980, 282]. Идя дальше по этому пути, надо сказать, что они дополняют друг друга, делая социальное знание целостным и полным.

Но роль индивидуального субъекта здесь особая. Он вводит в социальность каждого отдельного индивида, образуя новую ее модель уже не как «совокупность общественных отношений», а как «мир людей», где каждый значим и незаменим, где у каждого образуется свой индивидуализированный социальный мир, свое социальное пространство, в котором он рождается, живет и умирает.

Переход человека из большого социального мира в малые индивидуализированные социальные миры составляет новую тенденцию современного общества, которая в принципе изменяет традиционный образ жизни современного человека, движущегося от коллективных к индивидуальным формам и способам существования. Как показали последние социологические исследования российского социума, в системе ценностных ориентаций россиян «коллективные действия остаются малоэффективными», растет «тренд на индивидуализм», наблюдается дрейф «нормативно-ценностной системы от культуры коллективного типа к индивидуалистически ориентированному типу культуры» [Горшков 2017, 12]. Наряду с этим отмечается, что современная модель жизненного успеха современного россиянина «замкнута на самом человеке, создании им своей “крепости”» [Горшков 2017, 12].

Вместе с этим следует заметить, что безграничная индивидуализация социальной жизни, которая превращается в сплошную безопорную текучесть, выпадающую из рода, может уводить индивидов в состояние социальной самоизоляции, замкнутости в своей «крепости», что таит в себе риск нового индивидуализма, более опасного и разрушительного, чем прежние его исторические формы (возрожденческий и буржуазный индивидуализм), разрушающего саму социальность. Поэтому критика методологического индивидуализма, предпринятая нами ранее в других работах, сохраняет свою актуальность [Резвицкий 1984].

Вообще, разрыв больших и малых жизненных миров, выпадение человека из одного из них в любом случае ведет к утрате человеком собственного «я», то растворяющегося в больших

социальных структурах, то трансформирующегося в индивидуализм и эгоизм.

В современном обществе индивидуализация нарастает, затрагивая все его сферы, превращаясь из события частной жизни в общее явление, приобретая черты массовости. Это изменяет традиционное представление о массе как сплошной неразличимой толпе. Современная масса также индивидуализируется, становится «мозаичной» реальностью. Она сосредотачивается уже не в усредненности индивидов, а собирается вокруг индивидуальных авторитетов, ориентируясь на их движение. Она все больше уходит от своей усредненности в индивидуально организованную социальную реальность. Сегодня переход индивидуального в социальное все больше осуществляется через массовые формы выражения. При этом индивидуализация идет теперь не столько «сверху», сколько «снизу», от самих людей, от их жизненных потребностей в индивидуальной самореализации. Н. Бердяев назвал такую индивидуальность «народной индивидуальностью», в которой находятся корни идентичности и самобытности народа, истоки его духа и культуры, специфика самого социума, в конечном счете и являющегося результатом развертывания человеческой индивидуальности в социальном пространстве бытия народа.

Если для западного социума характерен индивидоцентрический тип индивидуальности, сосредоточенный в монадности индивидов, то для русского социума характерен родовоцентрический тип индивидуальности, расширяющей себя до границ рода, уходящий своими корнями в широту души русского народа, русского жизненного пространства. Н. Бердяев писал: «в душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» [Бердяев 1992, 38]. Именно здесь, в духовно-соборном образе жизни русского народа, находятся истоки русской индивидуальности, отсюда вытекает ее роль в организации русского социума.

Итак, индивидуализация открыла нам тот факт, что сама социальность существует не только как коллективная, но и как индивидуальная реальность, сосредоточенная уже не в группах людей, а в индивидуальных мирах отдельных индивидов, составивших энергетические «точки» социального бытия. Они, как своего рода энергетические «узлы», связали социальные потоки в живую «мускулистую» социальность (М.К. Мамардашвили), образовавшую новую модель общества – «индивидуализированный социум», обладающий самоорганизацией и динамизмом.

Общество в своем историческом самоопределении и шло по пути от своих общинных, групповых форм организации через коллективность к своей индивидуализации, обретая на этом пути свои новые, самостные социальные свойства – способность к самоопределению, самоорганизации, саморазвитию. Двигаясь к себе таким способом, социальность оказалась достроенной доверху, достигла своей полноты, приобрела в этом своем новом качестве способность образовывать различные способы организации общества – то коллективный (тренд на стабильность), то индивидуальный (тренд на изменчивость). Поэтому реальная социальность – это не застывшая социальная структура, но и не сплошная текучесть. Это – динамическая, самобытная социальная система, способная перетекать из одного своего состояния в другое, двигаясь от социальной стратификации к собственной индивидуализации, в зависимости от потребностей общества. Конечный смысл социальности в том и состоит, что она возникла как способ организации и существования общества, соединяя людей в связь то как членов социальных групп, то как отдельных индивидов, обеспечивая тем самым то устойчивость общества, то его изменчивость.

В итоге своего движения индивидуализация образовала собой новый принцип социального бытия, определивший новый способ организации общества как индивидуализированного социума. Впервые принцип индивидуализации выступил в качестве принципа бытия в Античности, но был отнесен лишь к предметному миру, как принцип «индивидуации» (Демокрит, Аристотель), дробящий мир на отдельные вещи и таким способом организующий его существование. В современном мире он выступил и как социальный принцип, организующий устройство общества на новых, самостных началах, изменивший социальный образ жизни людей.

Индивидуализированная социальная теория и ее проблемы

Возникшее индивидуализированное общество потребовало для своего познания новой, индивидуализированной социальной теории, построенной на новых социальных принципах. Старые социальные принципы, сконцентрированные в дилемме «коллективизм-индивидуализм», разорвавшие социальность на противоположности, сегодня утрачивают свое определяющее значение. Усредняющий коллективизм в условиях индивидуализированного общества теряет свое организующее социальное значение. Но и буржуазный индивидуализм, рассыпавший индивидов в

эгоизме и потребительстве, также утратил свою стимулирующую роль в организации социального бытия. В. Соловьев назвал такое состояние «иллюзией бытия» [Соловьев 1988, 533].

В качестве новых принципов, организующих современную социальность, теперь выступили «универсализация-индивидуализация», в рамках которых она обрела свою целостность и самобытность, что сделало ее способной выступать новым способом социальной организации современного индивидуализированного общества, изучение которого составляет новую задачу современной социальной науки.

Это относится, прежде всего, к социальной философии и социологии, которые должны выработать новый взгляд на современное общество. Однако современная социология, будучи раздробленной в частных социологических концепциях (социология государства, социология политики, социология образования и т.д.), замкнутой на «групповом (коллективном) уровне социальной стратификации», оказалась в затруднении выразить новый образ индивидуализированного общества и найти здесь «свой» срез в качестве предмета собственного исследования. В связи с этим В.А. Ядов заявил, что современная социология находится в новом самопоиске, поскольку она «вступила в качественно новую фазу развития», и предложил создать новую глобалистскую социологическую теорию («гранд-теорию») посредством объединения различных социологических парадигм применительно к конкретным обществам и культурам и направить ее на изучение «жизненных миров», на «повседневность» социального бытия [Ядов 2012].

Предназначение социальной философии – переосмыслить основные социальные понятия с позиции индивидуализации. Прежде всего, это понятие социальности, взятое в его индивидуальном измерении, которое в этом качестве является ключом, открывающим путь движения современной социальной теории в направлении ее собственной индивидуализации.

На этом пути открывается возможность выделить индивидуальный уровень социального бытия как особый тип бытия и в его рамках обосновать самостоятельный статус «индивидуализированной социальности» как особой формы социальной реальности, составляющей предмет социального познания.

В связи с этим возникла необходимость в разработке индивидуализированного социального мышления (самостного, нелинейного, вариативного), способного познать и осмыслить новую социальную реальность. Оно необходимо и для того, чтобы люди могли жить в условиях новой социальности (динамичной, текучей,

неопределенной), принимать нестандартные решения в условиях социальной нестабильности.

В рамках нового индивидуального мышления возникает потребность в переосмыслении понятия субъекта познания с индивидуальных позиций, что требует вывода индивида за границы «субъектно-объектных» отношений в сферу его самости, в сферу «авторства» собственного мышления. В конечном счете индивидуальный подход требует вывода проблемы субъектности из потребностей индивидуального бытия в собственной самореализации.

Наконец, возникает потребность в разработке новых, индивидуализированных методов познания, которые следует отличать как от «индивидуализирующих методов» неокантианцев, замкнутых на единичность и однократность социальных явлений, так и от индивидуалистических методов позитивистской социологии. Индивидуальные методы – это другие методы, составляющие самостоятельные способы движения социальной мысли к новому знанию.

Заключение.

Новая социальная теория и пути развития современного общества

Основной круг вопросов, встающих перед новой социальной теорией, связан с определением новых путей развития современного общества, с поиском новых резервов в связи с его индивидуализацией. Ориентация на стабильность уже не отвечает новым потребностям современного динамического общества. Сегодня тренд – на перемены, на развитие.

До сих пор выбор пути социального развития, поиск его резервов, человеческий капитал усматривались в коллективных силах. В последнее время резервы развития стали искать в информации, в робототехнике, в цифровой экономике. Но, как это теперь становится очевидным, основные энергетические ресурсы современного развития находятся не вовне человека, а в нем самом, в его индивидуальных силах и способностях. В отличие от общих, коллективных сил, которые имеют, в общем, адаптивное значение, индивидуальные силы обладают творческим, преобразовательным характером. В них заключена глубинная, неисчерпаемая энергия творчества. А. Шопенгауэр утверждал, что «только индивидуальность действует постоянно, непрерывно, более или менее сильно в различные моменты, тогда как все остальное проявляет свое влияние временами, случайно» [Шопенгауэр 2017, 19]. Только резервы человеческой индивидуальности неограниченны, тогда как все другие резервы человечества исчерпаемы, конечны. Человеческий капитал – это, следовательно,

И.И. РЕЗВИЦКИЙ. Существует ли индивидуальная социальность, или На пути...

индивидуальный капитал. В человеческой индивидуальности сосредоточены основные резервы человеческого существования. Поэтому будущее человечества связано не столько с его «технологизацией», сколько с его «индивидуализацией», которая составляет сегодня основной путь современного человечества в собственную историю. Именно здесь находится проблема индивидуального и искусственного интеллекта, проблема их роли в судьбе человечества. Если сегодня главное – это поиск современным человечеством своего нового образа, то этот образ лежит на пути его индивидуализации. Вообще, как заметил В. Дильтей, по словам В. Гумбольдта, «в индивидуальности кроется тайна всякого существования» [Дильтей 1996, 141].

Это означает, что современное человечество, вступившее в «Эпоху индивида», ожидают на пути его индивидуализации различные неожиданности, непредвидимые социальные повороты, изменяющие социальную картину мира. Индивидуализация рушит на своем пути застывшие социальные структуры, высвобождая из-под их зависимости различные этносы, нации, народы, целые государства, пробуждая их к жизни, придавая им суверенность, способность к самосуществованию и саморазвитию, что сопряжено с новыми социальными трансформациями, меняющими образ современного общества. Предвидеть и осмыслить эти новые, грядущие социальные процессы – первостепенная задача новой социальной теории, потребность в которой сегодня все больше осознается на всех уровнях современного общества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1992 – *Бердяев Н.А.* Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федоров / сост. и отв. ред. А.Ф. Замалеев. – СПб.: Наука, 1992.

Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3: Философия духа. – М.: Мысль, 1977.

Горшков 2017 – *Горшков М.И.* Русский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 5–13.

Дильтей 1996 – *Дильтей В.* Описательная психология. – СПб.: Алетейя, 1996.

Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.

Лекторский 1980 – *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980.

Луман 2017 – *Луман Н.* Социальные системы. – СПб.: Наука, 2017.

Маркс 1959 – *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959.

Маркс 1968 – *Маркс К.* Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968.

Маркс, Энгельс 1955 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955.

Резвицкий 1984 – *Резвицкий И.И.* Личность. Индивидуальность. Общество. – М.: Политиздат, 1984.

Словарь... 2005 – Словарь философских терминов / под науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. С. 540.

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Сочинения в 2 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988.

Фейербах 1955 – *Фейербах Л.* О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. В 2 томах. Т. 1. – М.: Политиздат, 1955.

Фома Аквинский 2002 – *Фома Аквинский.* Сумма теологий. Ч. 1. Вопр. 1–43. – Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2002.

Шопенгауэр 2017 – *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. – М.: АСТ, 2017.

Ядов 2012 – *Ядов В.А.* Как мне видится будущее социологии // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 3–7.

Bouchard, Huneman 2013 – *Bouchard F., Huneman P.* From Groups to Individuals: Evolution and Emerging Individuality. – Cambridge, MA: MIT Press, 2013.

Chung 2018 – *Chung D.* The Mental Protection System for Protective Behaviors: The Social Brain and the Mental Immune System // *Journal of Behavioral and Brain Science.* 2018. Vol. 8. No. 8. P. 31–55.

Clarke 2016 – *Clarke E.* A Levels-of-Selection Approach to Evolutionary Individuality // *Biology & Philosophy.* 2016. Vol. 31. No. 6. P. 893–911.

Dilthey 1924 – *Dilthey W.* Beiträge zum Studium der Individualität // *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. V. – Leipzig: Teubner, 1924. S. 241–316.

Sussman 2017 – *Sussman R.* The Origins and Nature of Sociality. – New York: Routledge, 2017.

Vanberg 1975 – *Vanberg V.* Die zwei Soziologien. Individualismus und Kollektivismus in der Sozialtheorie. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1975.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1992) Russian Idea. In: Zamaleev A.F. (Ed. & Comp.) *The Thinkers of the Russian Abroad: Berdyayev, Fedorov.* Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Bouchard F. & Huneman P. (2013) *From Groups to Individuals: Evolution and Emerging Individuality.* Cambridge, MA: MIT Press.

Chung D. (2018) The Mental Protection System for Protective Behaviors: The Social Brain and the Mental Immune System. *Journal of Behavioral and Brain Science.* Vol. 8, no. 8, pp. 31–55.

Clarke E. (2016) A Levels-of-Selection Approach to Evolutionary Individuality. *Biology & Philosophy.* Vol. 31, no. 6, pp. 893–911.

Gorshkov M.I. (2017) Russian Society in Crisis Development: A Context Approach (article 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 1, pp. 5–13 (in Russian).

Dilthey W. (1924) Beiträge zum Studium der Individualität. In: Dilthey W. *Gesammelte Schriften* (vol. 5, pp. 241–316). Leipzig: Teubner (in German).

Dilthey W. (1996) *Descriptive Psychology*. Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Durkheim E. (1991) *The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Feuerbach L. (1955) On Spiritualism and Materialism, Especially in Relation to the Freedom of the Will. In: Feuerbach L. *Selected philosophical works. In 2 volumes* (vol. 1). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1977) *Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 vols.* (vol. 3). Moscow: Mysl' (in Russian).

Kuznetsov V.G. (Ed.) (2005) *Dictionary of Philosophical Terms*. Moscow: Infra-M (in Russian).

Lektorsky V.A. (1980) *Subject, Object, Cognition*. Moscow: Nauka (in Russian).

Luhmann N. (2017) *Social Systems*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Marx K. (1959) *Capital. Volume 1*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (vol. 13). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Marx K. (1968) *A Contribution to the Critique of Political Economy*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (vol. 46, part 1). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Marx K. & Engels F. (1955) *The German Ideology*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (vol. 46, part 1). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Rezvitsky I.I. (1984) *Personality. Individuality. Society*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Schopenhauer A. (2017) *Aphorisms on the Wisdom of Life*. Moscow: AST (Russian translation).

Solovyov V.I. (1988) *Works in 2 volumes* (vol. 2). Moscow: Mysl' (in Russian).

Sussman R. (2017) *The Origins and Nature of Sociality*. New York: Routledge.

Thomas Aquinas (2002) *Summa Theologiae* (part 1). Kiev: Elga; Moscow: Nika-Tsentr (Russian translation).

Vanberg V. (1975) *Die zwei Soziologien. Individualismus und Kollektivismus in der Sozialtheorie*. Tübingen: Mohr Siebeck (in German).

Yadov V.A. (2012) How Do I See the Future of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012. No. 4, pp. 3–7 (in Russian).

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия сознания

К вопросу об атрибутах сознания

С.С. Мерзляков

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Одной из основных задач науки о сознании является определение функции сознания. В статье рассматривается вопрос о гипотетической функции сознания как атрибуте сознания на примере воображения. В контексте вопроса об атрибутах сознания рассмотрен феномен афантазии, т.е. отсутствия воображения. Несмотря на отсутствие оформленных представлений о функции сознания и сужение наукой о мозге пространства, в котором субъективный опыт необходим для функционирования человека, в современной западной философии наблюдается тенденция к расширению присутствия сознания в мире. Результатом этой «эмансипации сознания» являются представления о теоретической сущностной близости человека и других агентов: животных, искусственного интеллекта, растений. Следствием «эмансипации сознания» становится и появление современных версий панпсихизма, которые предлагают расширить пространство распространения сознания на мир в целом. Однако исследования в области сознательных когнитивных процессов показывают, что задачи, выполнение которых нуждается в участии сознания согласно привычным установкам, в некоторых случаях успешно выполняются без него. Например, феномен афантазии показывает, что задачи на воображение выполняются в отсутствие способности воображать. Поэтому важно принимать во внимание теоретическую возможность отсутствия реализации функции сознания. Это позволяет задать вопрос о наличии сознания в том пространстве, которое наделяется сознанием согласно доминирующим в философии интуициям. В данной статье на примере вопроса об атрибутах сознания показаны ограничения программы по

эмансипации сознания, а также обсуждается альтернативный вариант решения вопроса о распространении сознания в мире.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, воображение, эмансипация сознания, субъект, афантазия.

Мерзляков Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории философии хозяйства Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
merzlyakovss@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5047-1690>

Для цитирования: Мерзляков С.С. (2019) К вопросу об атрибутах сознания // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 80–96.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

On the Attributes of Consciousness

S.S. Merzlyakov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

Original research paper

Abstract

One of the main fields of consciousness studies is the search for the function of consciousness. The article deals with the hypothesis of the function of imagination as an attribute of consciousness. In the regard of the issues of the attributes of consciousness, the author analyzes the phenomenon of aphantasia, that is, lack of imagination. Despite the lack of formalized ideas about the function of consciousness and despite the scientific trend of the narrowing research areas where subjective experience is necessary for a normal behavior of brain, there is a tendency to expand the presence of consciousness in the world in the modern Western philosophy of consciousness. The result of this “emancipation of consciousness” is the idea of the theoretical essential closeness of a human being and other agents: animals, artificial intelligence, plants. A consequence of the “emancipation of consciousness” is the emergence of modern versions of panpsychism, which propose expanding the space of consciousness to the world as a whole. However, studies in the field of conscious cognitive processes show that the processes that need the participation of consciousness, according to the standard intuitions, in some cases successfully performed without it. For example, the phenomenon of aphantasia shows that the tasks of imagination are performed in the absence of the ability to imagine. Therefore, it

is important to take also into account the theoretical possibility of the lack of the realization of the function of consciousness. This makes it possible to ask a question about the presence of consciousness in the space that is traditionally endowed with consciousness, according to the dominant views in philosophy. Therefore, by approaching the question of the attributes of consciousness, the author demonstrates the limitations of the program for the emancipation of consciousness and offers an alternative solution to the question of the scale of the presence of consciousness in the world.

Keywords: hard problem of consciousness, imagination, emancipation of consciousness, subject, aphantasia.

Sergei S. Merzlyakov – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow at the Laboratory of the Philosophy of Economics, Lomonosov Moscow State University.

merzlyakovss@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5047-1690>

For citation: Merzlyakov S.S. (2019) On the Attributes of Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 80–96. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

Введение

Одним из основных вопросов философии является вопрос о природе и функции сознания. В современной интерпретации этот вопрос известен как «трудная проблема сознания», которая указывает на онтологическую несводимость субъективных переживаний к механике физического мира [Chalmers 1995]. При этом в качестве главного атрибута сознания указывается феноменальное переживание [Sytsma 2014].

Попытка описания феноменальных переживаний человека на языке физикализма наталкивается на психофизическую проблему, одним из следствий которой является сложность определения функции сознания и механизмов ее реализации: в настоящее время не существует общепринятого представления о том, зачем сознание вообще нужно.

Для физикалиста очевидно, что идеальное не способно оказывать какое-либо влияние на мир физических объектов. Из чего следует, что функции у сознания как феноменального переживания нет и быть не может. Однако подобная позиция не позволяет двигаться вперед в исследовании сознания, поскольку упирается в эпифеноменализм, т.е. в представление о том, что ментальные феномены не могут быть причинами изменений в

материальном мире. Иначе говоря, позиция, согласно которой сознание существует, но не оказывает влияния на мир, является тупиком в исследовании сознания. Поэтому одной из основных задач исследования сознания является поиск возможной функции субъективных переживаний (1), т.е. поиск момента актуализации сознания.

Функционализм как одна из ведущих теорий в современной философии строит свою теоретическую базу на определении сознания через функциональные состояния [Block 1996]. В этом случае атрибутивным свойством сознания оказывается выполняемая им роль. При этом функция сознания может не зависеть от того материала, на котором она реализуется. Другими словами, сознание, согласно функционализму, может быть реализовано не только на основе мозга человека, но и на базе нервной системы других животных. Более того, функционализм предполагает, что сознание может быть реализовано и на небиологическом субстрате. В этом смысле, «...если ответить на вопрос “Для чего нужно сознание?”, то это будет ответом и на вопрос “Что такое сознание?”» [Прист 2000, 171].

Несмотря на критику со стороны философов, занимающих иные исследовательские позиции (в частности, они критикуют функционализм за игнорирование самой проблемы существования феноменального переживания, см., например: [Чалмерс 2013, 242]), функционализм указывает на принципиальную важность определения роли сознания: этот подход позволяет дискуссии о сознании выйти в область практики, поставить вопрос об эволюционной причине появления сознания, пытаться указать на момент актуализации сознания и т.д. Таким образом, вопросы о природе сознания и его функции связаны и являются элементами одной и той же проблемы [Blackmore 2005, 46]. Эта связь позволяет рассмотреть феноменальную природу сознания и его потенциальную функцию в контексте вопроса об атрибутивных свойствах сознания.

Говоря о свойствах сознания, Ф.И. Гиренок в книге «Аутография языка и сознания» пишет: «У сознания есть два атрибута: воображение и изображение» [Гиренок 2010, 8]. В более поздней работе «Клиповое сознание» тот же автор отмечает, что воображение и изображения – это свойства сознания [Гиренок 2016, 6]. Однако атрибут – это не просто свойство, но свойство необходимое, то есть сущностное. Другими словами, термин «атрибут» несет более сильную смысловую нагрузку, чем термин «свойство».

Скорее всего, Ф.И. Гиренок в данном случае просто не придает значения терминологии, считая, что в контексте самих текстов термины «атрибут» и «свойство» являются равнозначными. Возможно, в контексте указанных работ это действительно так, но это различие в терминах является поводом для нас рассмотреть вопрос об атрибутах сознания. В данном случае нас интересует именно свойство атрибутивности: без каких свойств сознание перестает быть сознанием? И к каким теоретическим следствиям может привести вопрос об атрибутах сознания?

Проблема атрибутов сознания

В тезисе «у сознания есть два атрибута: воображение и изображение» под изображением Ф.И. Гиренок понимает само существование субъективных переживаний, а под воображением понимается функция сознания, его актуализация. Идея связи воображения и сознания является одной из самых устойчивых в философии. Ж.-П. Сартр пишет об этой связи: «Воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания; любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального» [Сартр 2001, 306]. При этом «выход за пределы реального», т.е. способность реагировать не только на стимулы из окружающего мира, но и на представляемые объекты, является одной из наиболее вероятных функций сознания. Бергсон по поводу способности человека моделировать некоторую ситуацию в воображении и реагировать на нее пишет следующее: «Чтобы вызвать прошлое в форме образа, надо иметь способность отвлекаться от настоящего действия, надо уметь придавать цену бесполезному, нужна воля к грезам. Возможно, что один только человек способен к усилению этого рода» [Бергсон 2008, 247]. Таким образом, Бергсон указывает на возможную видоспецифичность воображения.

Деннет в работе «Виды психики» предлагает мысленный эксперимент на воображение: «Пожалуйста, представьте себе, достаточно детально, человека в белом халате, который взбирается вверх по веревке, держа в зубах красное пластмассовое ведро. Вам будет несложно это представить, – Деннет указывает на способность человека реагировать на внутренние переживания и тут же высказывает сомнения по поводу наличия данной способности у

животного. – Может ли шимпанзе выполнить такое же мысленное задание? Не знаю» [Деннет 2004, 161]. Таким образом, воображение не просто связано с сознанием, но потенциально является сущностным видоспецифическим признаком человека.

Но является ли воображение атрибутом сознания? Является ли вообще необходимостью функциональная состоятельность сознания или достаточно лишь факта наличия феноменальных переживаний для того, чтобы мы говорили о сознании? Если мы определяем сознание без обращения к его функции, то возвращаемся к тупиковой исследовательской позиции. Потому что даже если мы определим функцию сознания у человека, а потом каким-либо способом обнаружим, что эта функция не реализуется у другого человека или даже у животного, то все равно не сможем отказать ни первому, ни даже второму в наличии сознания, поскольку сам онтологический статус сознания как восприятия от первого лица препятствует этому: мы не можем отказать кому-либо в наличии сознания, потому что в принципе не обладаем доступом к чужому субъективному миру. Разумеется, в этом случае воображение (либо другая функция) ни в коем случае не является атрибутом сознания, т.е. необходимым свойством: если субъективные переживания можно отделить от их функции, то эта функция не может быть атрибутом сознания. Но достаточно ли наличия воспринимающего субъекта для того, чтобы мы говорили о сознании?

Таким образом, проблема атрибутов сознания осложняется тем, что в случае обнаружения функции сознания без эмпирического подтверждения реализации этих функций мы не сможем с уверенностью указать на отсутствие субъективных переживаний, т.е. на отсутствие сознания: если функция сознания не является его атрибутом, то говорить о его отсутствии нельзя.

Обратим внимание на одно из самых любопытных следствий обнаружения функции сознания: после определения функции субъективных переживаний мы попадаем в пространство этики, и проблема субъективных переживаний становится этической проблемой. Если у сознания есть функция, то может ли она по-разному реализовываться у людей? И что делать в том случае, если у человека эта функция вообще не реализована?

Здравый смысл нам подсказывает, что субъективный мир людей более или менее схож. То есть мы переносим свой внутренний опыт на остальных людей, предполагая, что их внутренние пере-

живания напоминают наши. Однако исследования в области психологии восприятия, неврологии и других смежных дисциплин указывают на ошибочность этого представления: субъективный опыт людей может существенно различаться. Например, большинству людей сложно даже представить, что значит воспринимать звук цветным. Однако есть люди, для которых восприятие определенного звука сопровождается восприятием определенного цвета [Рамачандран 2006, 72–96]. Вариантом этой особенности является восприятие черных цифр на бумаге в различном цвете. Например, цифра «5» воспринимается как красная, а цифра «9» – как желтая: некоторые переживания влекут за собой параллельную активацию другого чувства. Подобное смешение чувств получило название синестезии. Пример синестезии демонстрирует существование психических феноменов, которые нельзя считать универсальными для всех людей. В этом случае возникает вопрос: является ли сознание универсальным феноменом? Если мы не найдем у кого-либо эмпирического подтверждения актуализации того, что указывает на существование феноменального переживания, то что это будет значить? Если допустить, что функцией сознания является воображение, а сущностный признак человека – это именно сознание, то как быть с теми, у кого эта функция реализована минимально или не реализована вообще?

«Слепое воображение»

Способность создавать воображаемые образы предметов, оперировать ими и откликаться эмоцией на эти образы при отсутствии внешнего стимула является одним из самых привычных и неотъемлемых элементов нашей повседневной жизни. Однако еще в XIX в. были описаны случаи отсутствия воображения как способности создавать ментальные образы и управлять ими [Galton 1880]. В течение долгого времени этот феномен оставался малоизученным, и только в начале XXI в. исследования отсутствия воображения попадают в фокус «большой науки» (см., например: [Faw 2009]). В 2010 г. вышла статья, где рассматривается случай «слепого воображения», названный так исследователями этого феномена по аналогии со «слепым зрением» [Zeman et al. 2010]. «Слепое зрение» – это способность слепых людей корректно реагировать на визуальные стимулы, несмотря на то, что эти стимулы не попадают в субъективно воспринимаемое пространство. В этом случае человек говорит, что он ничего не видит, но при этом верно

определяет то, что находится перед ним. Этот феномен показывает, что способность реагировать на визуальные стимулы из внешнего мира не привязана жестко к субъекту и может реализовываться, по крайней мере в некоторой степени, без его участия.

В статье 2010 г. авторы описывают пациента, потерявшего способность оперировать воображаемыми образами после перенесенной операции. Он не мог произвольно представлять себе тот или иной объект, хотя остальные когнитивные функции работали у него нормально. Однако наиболее любопытным является не само по себе отсутствие воображения, но то, что, несмотря на неспособность создавать воображаемые объекты и оперировать ими, этот пациент справлялся со стандартными задачами на воображение. При этом в ходе выполнения этих задач у него функционировали не те области мозга, которые активизировались при выполнении тех же задач на воображение у людей из контрольной группы. Получается, корректное выполнение задач на воображение оказалось возможным в отсутствие самого воображения. Авторы отмечают, что их исследование демонстрирует альтернативные стратегии выполнения тех задач, выполнение которых традиционно связывалось со способностью оперировать внутренними образами. При этом одна из этих стратегий вообще не нуждается в представляемых феноменальных переживаниях. Поэтому в статье этот феномен назван авторами «слепое воображение» – задача на воображение выполняется, несмотря на отсутствие субъективно воспринимаемых воображаемых образов.

Это исследование демонстрирует разные когнитивные способы кодирования и актуализации информации. Пациент со «слепым воображением» верно и с корректными визуальными деталями описывал пригород Эдинбурга. Но когда его спросили, как ему это удастся, он ответил: «Я могу вспомнить визуальные детали, но я не могу увидеть их... Я не могу объяснить это...». Таким образом, то поведение, которое, как нам кажется, с необходимостью нуждается в феноменальном представлении, вовсе в нем не нуждается. По крайней мере, результат может не зависеть от наличия или отсутствия у нас способности к мысленному представлению образов. В последующей статье авторы описываемого исследования предложили название исследуемому феномену – афантазия, т.е. отсутствие фантазии как способности иметь ментальные образы [Zeman et al. 2015].

После опубликования статьи о пациенте с афантазией к авторам начали обращаться люди со схожими особенностями, что указывает

на то, что описанный случай отсутствия воображения не является единичным. Интересен один из случаев афантазии, ясно демонстрирующий, что воображение как способность оперировать представляемыми образами не является ни универсальной чертой человека, ни, что крайне удивительно, условием его нормального существования. Блэйк Росс, американский программист и бывший сотрудник компании «Facebook», описывает отсутствие у себя способности воображать [Ross 2016]. Он пишет, что никогда в своей жизни не обладал способностью визуализировать предметы и всегда считал, что «считать овец» – это метафора. По его словам, если ему предложить представить в воображении, например, пляж, то он скорее начнет думать о «концепте» пляжа: он знает, что там есть песок; знает, что там есть вода; знает, что там есть солнце и, возможно, спасатели. То есть он обладает фактической информацией о пляже и использует пропозициональное знание для того, чтобы корректно работать с этой информацией, в том числе использовать ее в коммуникации: он может свободно и корректно использовать слово «пляж». Но он не может представить себе пляж: у него нет никакого феноменально переживаемого опыта – ни визуального, ни звукового, ни эмоционального, ни какого-либо другого сенсорного опыта.

Его описание своей жизни без воображения довольно детально и демонстрирует способность человека вполне корректно справляться с теми задачами, которые в традиционном представлении нуждаются в воображении для того, чтобы быть выполненными. То есть его опыт указывает на альтернативный способ решения подобных задач без использования субъективно воспринимаемых ментальных конструкций. При этом Блэйк Росс был искренне обескуражен тем, что другие люди имеют некий опыт визуализации объектов. Следовательно, для него воображение примерно то же самое, что для обычного человека синестезия – неизвестное и непонятное переживание.

Таким образом, даже такое привычное нам явление, как воображение, оказывается в некоторой степени «лишним» в списке обязательных характеристик человека: воображение как способность оперировать образами не является ни универсальной, ни даже важной для нормального функционирования человека способностью. Однако все же обратим внимание на то, что феномен афантазии в том виде, в каком он описывается в настоящее время, не указывает на отсутствие воображения как такового. Нельзя оценивать воображение исключительно по характеристикам ярко-

сти или живости ментальных образов и понимать под воображением только способность оперировать оформленными образами (см., например: [Pylyshyn 1973]). Во-первых, потому что яркость или живость образов – это субъективные оценки людей. Отсутствие субъективно переживаемых образов может быть не результатом отсутствия воображения, но следствием искажения метакогниции (2). Во-вторых, не очевидно, что реагировать без внешнего стимула можно исключительно на образ предмета. Вместо образа могут быть, например, двигательные паттерны, пропозиции или пространственные восприятия. В-третьих, феномен афантазии может иметь в основании психологическую дисфункцию [De Vito, Bartolomeo 2016; Zeman et al. 2016]. Поэтому нельзя уверенно сказать, что если воображение является функцией сознания, то у людей с афантазией сознание свою функцию не выполняет. Феномен отсутствия воображения только начинает изучаться.

Пример афантазии нам нужен был не столько для выяснения является ли воображение атрибутом сознания, сколько для того, чтобы указать на принципиальную возможность отсутствия реализации функции сознания и, следовательно, на принципиальную возможность отсутствия самого сознания. Если даже воображение может быть успешно заменено «слепыми» когнитивными процессами, то что еще находится в тени наших представлений и скрывается за ширмой здравого смысла? Таким образом, указание на возможную разницу в реализации функции сознания обращает наше внимание на то, что само влияние сознания на поведение (если оно вообще есть) может не являться универсальным свойством человека. Это значит, что теоретически не у каждого человека сознание следует искать, потому что не у каждого человека его можно найти.

Обратим внимание, что это направление исследований дает выход не только в науку о сознании, но и в этику. Если сущностная черта человека – сознание, а воображение – функция сознания, но при этом мы обнаруживаем, что эта функция у какого-то человека не реализуется, то что это значит? Можно ли в этом пространстве найти этические основания?

Эмансипация сознания

Идея исключительности человека была подвергнута сомнению в процессе накопления научных данных о природе человека и других животных. На смену представлению о специфике человека пришла идея о близости людей и других видов живых

организмов. Это означало, что предполагаемые ранее видоспецифическими характеристики человека распространились и на других животных. Это касается и сознания. Так, в XX в. высшими психическими функциями были наделены некоторые животные (см., например: [Зорина, Смирнова 2006, 283–301]). Закономерным результатом развития этого направления стал анимализм [Olson 2015]. Далее эта «эмансипация сознания» расширила пространство считавшихся ранее сугубо человеческими свойств уже на неживую природу: появилась идея реализации сознания на искусственном носителе (см., например: [Тьюринг 2003]). Эта идея послужила катализатором для начала обсуждения различных версий компьютерного интеллекта (см., например: [Чалмерс 2013, 389–412]). Дальнейшее расширение пространства сознания привело к появлению современных версий панпсихизма и обсуждению протофеноменальных свойств материи (см., например: [Koch 2014]).

В процессе «эмансипации сознания» сознание проделало путь от исключительного свойства человека до универсального свойства материи. Таким образом, апофеозом этого процесса становится представление о повсеместном распространении сознания в мире.

Однако обратим внимание на то, что по этой дороге можно идти и в противоположном направлении. Исследования в области осознаваемых процессов показывают, что задачи, выполнение которых, согласно традиционным исследовательским установкам, требует участия сознания, в некоторых случаях успешно выполняются и без него. Например, феномен афантазии демонстрирует, что задачи на воображение могут быть выполнены без способности воображать. Несмотря на отсутствие у человека способности оперировать ментальными образами, он корректно справляется с задачами на воображение. Более того, как показывает пример Блэйка Росса, врожденное отсутствие воображения не мешает построить карьеру и реализоваться в качестве успешного субъекта социального взаимодействия. То есть те задачи, для решения которых большинство людей используют такую функцию, как воображение, могут быть успешно решены альтернативными способами. Таким образом, мы должны принимать во внимание теоретическую возможность отсутствия реализации функции сознания, что позволяет задать вопрос о наличии самого сознания. Возможно, у животных есть сознание в виде субъективных переживаний; возможно, мож-

но создать сознание на искусственном носителе; возможно, верен панпсихизм; но также возможно и то, что находится на противоположной от панпсихизма стороне спектра распределения сознания в мире – отсутствие сознания там, где оно должно быть согласно традиционным установкам здравого смысла.

Д. Деннет в работе «Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании» рассуждает о мысленном эксперименте «философский зомби», который предлагает представить гипотетического двойника человека, не обладающего внутренним миром: «Никто из философов не думает, что действительно существуют какие-то там зомби, но многие философы считают, что важно учитывать (логическую) возможность того, что зомби могли бы существовать, а также то, каковы следствия такой возможности» [Деннет 2017, 133]. Эти слова Д. Деннета показывают, насколько избирательны философы в вопросе распределения сознания в мире: никто из философов всерьез даже не задумывается о том, чтобы наложить ограничения в распределении сознания на самого человека (3), хотя движение в противоположном направлении, т.е. расширение присутствия сознания в мире, не встречает особого сопротивления. Возможно, этот вектор на эмансипацию сознания может являться следствием парадигмы толерантности западной культуры, основанием которой является запрет на ограничения по какому-либо признаку. В данном случае по признаку наличия сознания. При всей своей этической привлекательности эта парадигма обладает отрицательным свойством, характерным для любой системы взглядов: парадигмы в принципе слепы к альтернативам. В случае науки о сознании альтернативой эмансипации сознания будет вектор на ограничение присутствия сознания в мире, в том числе и за счет представления о гипотетически неравномерном распределении сознания в том пространстве, которое сегодня наделяется сознанием равномерно.

Исследования психических процессов показывают, что большинство явлений, сопровождающихся субъективным опытом, в нем не нуждаются: наш организм способен корректно выполнять свои функции и без сопровождения субъективными переживаниями. При этом пространство не нуждающихся в сознании когнитивных функций продолжает расширяться. Кроме того, корректное выполнение некоторых задач может реализовываться благодаря альтернативным когнитивным процессам, которые проходят «в темноте», т.е. не нуждаются в феноменальном переживании.

Но если сознание не является необходимостью в поведении человека, то какие у нас основания расширять присутствие сознания в мире? Логичнее ограничивать это присутствие. Таким образом, мы наблюдаем противоречие между эмпирической наукой о мозге, сужающей пространство необходимости сознания, и процессом эмансипации сознания, т.е. расширением представлений о присутствии сознания в мире.

Заключение

Вопрос об атрибутах сознания, а точнее о потенциальной функции сознания как атрибуте сознания, приводит нас к идее о возможности ограничения распространения сознания в мире.

Если вопрос о функции приводит функционалистов к выводу о том, что сознание может быть реализовано на разных носителях, т.е. к движению в направлении эмансипации сознания, то нас — к ограничению распространения сознания. Эта методологическая позиция вместо вопроса «Может ли сознание реализовываться на разных носителях?» задает вопрос «Может ли сознание не реализовываться на одном и том же носителе?».

Альтернативой вектору на эмансипацию сознания является вектор на ограничение распространения сознания в мире. Если панпсихизм как представление о широком распространении сознания в мире находится на одном конце спектра распределения сознания и дает отдаленный по времени выход из теории в физику, то вектор на ограничение сознания в качестве стратегии поиска функции сознания и значимых отличий в реализации этих функций между людьми дает выход в современную науку: психологию, психиатрию и биологию.

Кроме того, представление об ограничении распространения сознания может быть полезно как теоретический конструкт, позволяющий выйти в пространство этики и задать вопрос об этических следствиях отсутствия реализации функции сознания. Если изображение, т.е. феноменальное переживание, является атрибутом сознания, то является ли атрибутом сознания его функция? Что делать, если эта функция у человека не реализуется, и мы вообще не можем указать на наличие сознания, которое потенциально является сущностным свойством человека и его онтологическим отличием от всех остальных объектов мира? Возможна ли онтологическая разница между людьми? Таким образом, вопрос об атрибутах сознания позволяет говорить об альтернативах и огра-

ничениях программы по эмансипации сознания, а также выйти в пространство новых этических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Обратим внимание на то, что у сознания может и не быть адаптивной функции, появившейся в ходе эволюции. Появление признака может не носить приспособительного характера, быть случайным или сопровождать появление другого признака. В этом случае нас интересует не функция сознания, но эффекты, оказываемые сознанием на поведение, т.е. следствия сознания. Если таких эффектов нет, то мы снова возвращаемся на позицию эпифеноменализма.

(2) Хотя есть исследования, которые указывают на то, что феномен афантазии все же не является следствием нарушения метакогниции. См., например: [Keogh, Pearson 2018].

(3) Программа по элиминации сознания самого Д. Деннета не является примером такого ограничения, потому что предполагает отсутствие «трудной проблемы сознания», а не поиск ее решения в противоположном от эмансипации сознания направлении.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бергсон 2008 – *Бергсон А.* Две памяти // Психология памяти. – М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 244–256.

Гиренок 2010 – *Гиренок Ф.И.* Аутография языка и сознания. – М.: МГИУ, 2010.

Гиренок 2016 – *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2016.

Деннет 2004 – *Деннет Д.* Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004.

Деннет 2017 – *Деннет Д.* Сладкие грезы: Чем философия мешает науке о сознании. – М.: УРСС, 2017.

Зорина, Смирнова 2006 – *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006.

Прист 2000 – *Прист С.* Теории сознания. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

Рамачандран 2006 – *Рамачандран В.С.* Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: Олимп-Бизнес, 2006.

Сартр 2001 – *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. – СПб.: Наука, 2001.

Тьюринг 2003 – *Тьюринг А.* Вычислительные машины и разум // *Хофштадтер Д., Деннет Д.* Глаз Разума – Самара: Бахрах-М, 2003. С. 47–59.

Чалмерс 2013 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС, 2013.

Blackmore 2005 – *Blackmore S.* Conversations on Consciousness. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Block 1996 – *Block N.* What is functionalism? // *Borchert D.M. (Ed.)* The Encyclopedia of Philosophy Supplement. – New York: Simon and Schuster Macmillan, 1996. – URL: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/block/papers/functionality.pdf> (дата обращения: 12.09.2017).

Chalmers 1995 – *Chalmers D.* Facing up to the Problem of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. Vol. 2. No. 3. P. 200–219.

De Vito S., Bartolomeo P. 2015 – *De Vito S., Bartolomeo P.* Refusing to Imagine? On the Possibility of Psychogenic Aphantasia. A Commentary on Zeman et al. // *Cortex*. 2015. Vol. 74. P. 334–335.

Faw 2009 – *Faw B.* Conflicting Intuitions May Be Based On Differing Abilities: Evidence from Mental Imaging Research // *Journal of Consciousness Studies*. 2009. Vol. 16. No. 4. P. 45–68.

Galton 1880 – *Galton F.* Statistics of Mental Imagery // *Mind*. 1880. Vol. 5. No. 19. P. 301–318.

Keogh, Pearson 2018 – *Keogh R., Pearson J.* The Blind Mind: No Sensory Visual Imagery in Aphantasia // *Cortex*. 2018. Vol. 105. P. 53–60.

Koch 2014 – *Koch C.* Ubiquitous Minds // *Scientific American Mind*. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 26–29.

Olson 2015 – *Olson E.* What Does It Mean to Say That We Are Animals? // *Journal of Consciousness Studies*. 2015. Vol. 22. No. 11–12. P. 84–107.

Pylyshyn 1973 – *Pylyshyn Z.W.* (1973) What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain: A Critique of Mental Imagery // *Psychological Bulletin*. 1973. Vol. 80. No. 1. P. 1–24.

Ross 2016 – *Ross B.* Aphantasia: How It Feels To Be Blind In Your Mind // Facebook. April 22, 2016. – URL: <https://www.facebook.com/notes/blake-ross/aphantasia-how-it-feels-to-be-blind-in-your-mind/10156834777480504/> (дата обращения: 24.09.2017)

Sytsma 2014 – *Sytsma J.* Attributions of Consciousness // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2014. Vol. 5. No. 6. P. 635–648.

Zeman et al. 2010 – *Zeman A.Z., Della Sala S., Torrens L.A., Gountouna V.E., McGonigle D.J., Logie R.H.* Loss of Imagery Phenomenology with Intact Visuo-Spatial Task Performance: A Case of “Blind Imagination” // *Neuropsychologia*. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 145–155.

Zeman et al. 2015 – *Zeman A., Dewar M., Della Sala S.* Lives without Imagery – Congenital Aphantasia // *Cortex*. 2015. Vol. 73. P. 378–380

Zeman et al. 2016 – *Zeman A., Dewar M., Della Sala S.* Reflections on Aphantasia // *Cortex*. 2016. Vol. 74. P. 336–337.

REFERENCES

Bergson H. (2008) Two Types of Memory. In: Gippenreiter Y.B. & Romanov V.Y (Eds.) *Psychology of Memory* (pp. 244–256). Moscow: AST; Astrel' (Russian translation).

- Blackmore S. (2005) *Conversations on Consciousness*. Oxford: Oxford University Press.
- Block N. (1996) What is Functionalism? In: Borchert D.M. (Ed.) *The Encyclopedia of Philosophy Supplement*. New York: Simon and Schuster Macmillan. Retrieved September 12, 2017, from <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/block/papers/functionality.pdf>
- Chalmers D. (1996) *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory* (Russian translation: Moscow: LIBROCOM, 2013).
- Chalmers D. (1995) Facing up to the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 2, no. 3, pp. 200–219.
- Dennett D. (1996) *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness* (Russian translation: Moscow: Ideya-Press, 2004).
- Dennett D. (2005) *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness* (Russian translation: Moscow: URSS, 2017).
- De Vito S. & Bartolomeo P. (2015) Refusing to Imagine? On the Possibility of Psychogenic Aphantasia. A Commentary on Zeman et al. *Cortex*. Vol. 74, pp. 334–335.
- Faw B. (2009) Conflicting Intuitions May Be Based On Differing Abilities: Evidence from Mental Imaging Research. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 16, no. 4, pp. 45–68.
- Galton F. (1880) Statistics of Mental Imagery. *Mind*. Vol. 5, no. 19, pp. 301–318.
- Girenok F.I. (2010) *Autography of Language and Consciousness*. Moscow: MGIU (in Russian)
- Girenok F.I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt (in Russian)
- Keogh R. & Pearson J. (2018) The Blind Mind: No Sensory Visual Imagery in Aphantasia. *Cortex*. Vol. 105, pp. 53–60.
- Koch C. (2014) Ubiquitous Minds. *Scientific American Mind*. Vol. 5, no. 1, pp. 26–29.
- Olson E. (2015) What Does It Mean to Say That We Are Animals? *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 22, no. 11–12, pp. 84–107.
- Priest S. (1993) *Theories of the Mind* (Russian translation: Moscow: Ideya-Press, 2000).
- Pylshyn Z.W. (1973) What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain: A Critique of Mental Imagery. *Psychological Bulletin*. Vol. 80, no. 1, pp. 1–24.
- Ramachandran V.S. (2003) *The Emerging Mind* (Russian translation: Moscow: Olimp-Biznes, 2006).
- Ross B. (2016, April 22) Aphantasia: How It Feels To Be Blind In Your Mind. In: *Facebook*. Retrieved September 24, 2017, from <https://www.facebook.com/notes/blake-ross/aphantasia-how-it-feels-to-be-blind-in-your-mind/10156834777480504/>
- Sartre J.-P. (2001) *The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Sytsma J. (2014) Attributions of Consciousness. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. Vol. 5, no. 6, pp. 635–648.

Turing A.M. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind* Vol. 49, pp. 433–460.

Zeman A.Z., Della Sala S., Torrens L.A., Gountouna V.E., McGonigle D.J., & Logie R.H. (2010) Loss of Imagery Phenomenology with Intact Visuo-Spatial Task Performance: A Case of “Blind Imagination.” *Neuropsychologia*. Vol. 48, no. 1, pp. 145–155.

Zeman A., Dewar M., & Della Sala S. (2015) Lives without Imagery – Congenital Aphantasia. *Cortex*. Vol. 73, pp. 378–380.

Zeman A., Dewar M., & Della Sala S. (2016) Reflections on Aphantasia. *Cortex*. Vol. 74, pp. 336–337.

Zorina Z.A. & Smirnova A.A. (2006) *What Did the “Speaking” Apes Tell About: Are the Higher Animals Capable to Operate with Symbols?* Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

**Аспекты аналитической и трансцендентальной
феноменологий
в контексте современной философии сознания***

Д.Э. Гаспарян

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-97-123

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья рассматривает особенности и специфические черты феноменологического подхода в рамках современной аналитической философии. Несмотря на значительный рост доверия к феноменологическим подходам и феноменологии в целом со стороны аналитической философии, необходимо учитывать наличие заметных различий между классической трансцендентальной феноменологией Э. Гуссерля и более современными версиями феноменологии, разработанными в рамках современной аналитической философии. Разбору и анализу наиболее значимых из этих различий и посвящена данная статья. В частности, отмечено, что в отличие от скепсиса трансцендентальной феноменологии в отношении естественнонаучной методологии при исследовании сознания, аналитическая традиция феноменологии настроена на конструктивный диалог и сотрудничество с наукой. Показано, что феноменология в аналитической философии возлагает большие надежды на возможность сделать сознание предметом совместной исследовательской работы нейроученых и феноменологов. В статье показано, что при реализации этой задачи, феноменология в аналитической традиции нередко начинает толковаться с реалистских и отчасти натуралистских позиций, что не вполне согласуется с проектом трансцендентальной феноменологии. В качестве иллюстрации данного положения рассматриваются определенные подходы аналитической феноменологии, в частности те, в которых феномены толкуются с позиции логико-лингвистического анализа, а интенциональность связывается с деятельностью мозга и размещается в природном мире. Таким образом, феноменальное сознание интерпретируется как осознание высокого порядка, а феномены предполагают градуаль-

---

* В данной научной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта по гранту РФФИ № 18-011-00124 «Особенности феноменологии (феноменологического подхода) в современной аналитической философии сознания» (2018–2020).

ную природу и нередко отождествляются только с чувственными переживаниями, предполагающими коррелятивное соответствие субстратных данных физиологии мозга. На базе данного материала, в статье рассматриваются основания для толкования некоторых феноменологические теории, фундированных аналитической традицией, как примеров своеобразной феноменологии внетрансценденталистского происхождения.

Ключевые слова: феноменология, феноменальное сознание, аналитическая философия сознания.

Гаспарян Диана Эдиковна – кандидат философских наук, Ph.D., старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

anaid6@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5541-074X>

Для цитирования: *Гаспарян Д.Э.* (2019) Аспекты аналитической и трансцендентальной феноменологий в контексте современной философии сознания // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 5. С. 97–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-97-123

Key Aspects of Analytical and Transcendental Phenomenology within the Framework of Modern Philosophy of Consciousness*

D.E. Gasparyan

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-97-123

Original research paper

Abstract

The article discusses the peculiarities and specific features of phenomenological approach developed in contemporary analytical philosophy. Despite the fact that the trust in phenomenological approaches continue to

---

* This article makes use of the results obtained during the project “The Features of Phenomenology (Phenomenological Approach) in Contemporary Analytical Philosophy of Mind” (2018–2020), funded by the grant no. 18-011-00124 from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

grow in analytical philosophy, it is necessary to recognize the presence of noticeable divergence between the classical transcendental phenomenology of E. Husserl and contemporary versions of phenomenology in analytical philosophy. The article examines some of these divergences. It is shown that, unlike the skepticism of transcendental phenomenology in relation to scientific methodology in the research of consciousness, the analytical tradition of phenomenology is oriented toward cooperative dialogue with science. Phenomenology in analytical philosophy places great hopes on the possibility of making consciousness a subject of joint research of neuroscientists and phenomenologists. The article claims that in the course of realization of this task, phenomenology in analytical tradition often starts to be interpreted from realistic and partly from naturalistic positions, and that does not meet the project of transcendental phenomenology. As an illustration of this idea, certain approaches of analytical phenomenology are considered, in particular: phenomena are interpreted from the point of view of logical and linguistic analysis, intentionality is connected with the activity of the brain and is located in the natural world, phenomenal consciousness is interpreted as the awareness of a high order, and the phenomena have a gradual nature and are often identified only with sensual experience, which implies a correlative correspondence of the substrate data of brain physiology. In that regard, there are reasons to interpret phenomenological theories that are funded by analytical tradition as an example of a specific phenomenology of non-transcendental origin.

Keywords: phenomenology, analytical phenomenology, transcendental phenomenology, phenomenal consciousness, analytical philosophy of mind.

Diana E. Gasparyan – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Laboratory of Transcendental Philosophy, Associate Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

anaid6@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5541-074X>

For citation: Gasparyan D.E. (2019) Key Aspects of Analytical and Transcendental Phenomenology within the Framework of Modern Philosophy of Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 97–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-97-123

Введение

Обычно феноменологию обозначают как дисциплину, которая стремится зафиксировать переживание психических состояний с их внутренней стороны – так, как они даны своему обладателю. При этом сам обладатель понимается как тот, кто придает пережи-

ваниям реальность, и, в свою очередь, благодаря им, приобретает собственную фактичность. Таким образом, переживания субъекта (феномены) и субъект – взаимопределимы: без феноменов нет субъекта, но без субъекта нет феноменов.

Несмотря на то, что данные характеристики связываются по большей части с *традиционной или т.н. трансцендентальной феноменологией* Гуссерля, они также в значительной степени применимы к феноменологии внутри аналитической философии сознания [Sokolowski 2000]. Несмотря на бытующее мнение о выраженной противопоставленности этих двух направлений, в целом феноменологический подход к сознанию переплетается с современной аналитической философией сознания. Часто приходится слышать, что в то время как основные методы и концепции феноменологии противостоят эмпирическим и когнитивным наукам или конкурируют с ними, то аналитическая философия сознания, напротив, всячески настроена на конструктивный диалог с наукой. Отчасти это действительно так, однако с некоторых пор аналитическая традиция ищет методы примирения и диалога между всеми тремя ветвями – наукой, феноменологией и аналитической философией сознания. В частности, в аналитической традиции можно встретиться с интерпретацией ранней феноменологии Brentano, как попыткой дополнения, а не конкуренции с разделами эмпирической науки – нейрофизиологии, экспериментальной психологии, эволюционной биологии и т.д. [Bickle, Ellis 2005].

Это приводит к появлению особого раздела *аналитической феноменологии*, который несмотря на свое вырастание из традиционной трансцендентальной феноменологии, имеет, между тем, ряд специфических черт и особенностей. В настоящей статье мы попробуем вкратце охарактеризовать и рубрицировать некоторые из них.

Попутно мы рассмотрим то, как подход аналитической феноменологии стремится преодолеть некоторые ограничения современной философии сознания. Феноменологический подход в аналитической философии сознания привел к определенному разнообразию средств анализа сознания. До определенной степени, эти изменения приводят к освобождению аналитической традиции от методологических обременений, вытекающих из ее ориентации на естественно-научные подходы к сознанию. Но мы также покажем, в какой степени феноменологии в рамках аналитической традиции не удается преодолеть ограничений

натуралистической парадигмы и в какой степени она уклоняется от требований денатурализации сознания.

Таким образом, ниже мы попытаемся обнаружить определенные различия в аналитической традиции истолкования феноменологического подхода в сопоставлении с классической (восходящей к Гуссерлю) трансцендентальной традицией.

Особенности феноменологического подхода в аналитической философии сознания

Прежде чем перейти к отличительным особенностям феноменологии в аналитической философии сознания, вначале зафиксируем некоторые инварианты феноменологического подхода.

Первым инвариантом будет качественная трактовка феномена. Переживательная, т.е. собственно феноменальная, природа состояний сознания существенна как для традиционной феноменологии Гуссерля, так и для современной аналитической феноменологии. В аналитической феноменологии переживания зачастую трактуются как квалиа, которые в свою очередь обозначают чувственные данные: ощущения цвета, вкуса, боли и т.д. Это, как правило, простые «феномены», имеющие ближайший коррелят в форме ощущений, которые можно описать как совокупность физиологических реакций в теле. Например, феномен красного цвета, это качественное переживание, которому можно поставить в соответствие нейронные состояния в мозге. Более сложные трактовки феноменов, такие, которые трудно разложить на простые односоставные чувственные ощущения, в аналитической традиции рассматриваются реже. Например, скорее мы встретимся с такими примерами феноменов как «боль» или «запах», чем с примерами «тревоги», «заботы» или «ужаса». Отсюда можно сделать некоторый промежуточный вывод о том, что в качестве феноменов в аналитической традиции рассматривается то, что можно более понятным способом связать с неким наблюдаемым извне физиологическим состоянием с легко обнаруживаемой субстратной коррелятивностью.

Вторым инвариантом будет субъективность или точка зрения, которые существенны для определмости значения того или иного феномена. С этим согласна как феноменология Гуссерля, так и современные аналитические подходы в феноменологии [Petitot et al. (Eds.) 1999]. Феномен – это то, что реально для конкретного переживающего. Ключевое свойство феноменальных

состояний заключается в существенности их принадлежности кому-то. Эта субъективная характеристика переживаний есть неотъемлемая часть структуры сознательного опыта и она выступает равно феноменологической и онтологической границей всякого переживания.

Еще одно совпадение – нефизическая трактовка феномена. В аналитической философии сознания феноменам (синонимичным квалиа или ментальным фактам) также придается нефизическая трактовка. Феномены не обладают протяженностью, количественной измеримостью и не подлежат наблюдению в режиме перспективы от третьего лица. Их нельзя трактовать как вещи или явления объективного происхождения. Однако, в традиционной феноменологии описание феномена не ограничивается одной лишь этой констатацией. Речь идет также о преодолении любых дуалистических разделений на физическое и не-физическое. Феномен обесмысливает подобные разделения, поскольку ничто физическое никогда не является непосредственным опытом нашего сознания. Между тем, в аналитической традиции мы не всегда встречаемся с подобными дополнениями к тезису о нефизичности феноменов.

Данные совпадения исчерпывают набор однозначных сходств, и последующий анализ особенностей трансцендентальной и аналитической феноменологий скорее указывает на определенные различия.

Так если традиционная феноменология Гуссерля ориентировалась на внутреннее измерение опыта сознания или, иными словами, на то, как сознание дано самому себе в актах порождения смыслов, то феноменология в современной аналитической философии сознания, так или иначе, намерена не терять из виду субстратную основу данного опыта. Феноменология изучает структуру различных форм опыта, общей для которых является их интенциональная организация. Однако феноменология в аналитической философии сознания под феноменами или переживаниями часто понимает что-то, чему сопутствуют физические (в частности, нейронные) процессы, которые могут регистрироваться внешними процедурами наблюдения. В этом смысле в аналитической феноменологии зачастую остается непроявленным или не вполне последовательно установленным модус описания состояний сознания. Не всегда ясно с какой позиции высказывается «феноменолог». Если он подчеркивает сопутствующий

характер феноменального для физического или физического для феноменального, то это указывает на некоторую третью позицию, из которой могут формулироваться подобные положения. Традиционный феноменолог, как правило, ничего не может сказать о природе сопутствующих сознанию физических состояний, т.к. он ничего не знает о физиологических коррелятах с точки зрения самих этих коррелятов. Он может знать о них лишь как феноменолог, т.е. как о данностях сознанию, но не может ничего сказать как ученый – исследователь, который отвлекается от первичности опыта и заключает сознание в кавычки. Так, трансцендентальная феноменология Гуссерля заключает в скобки физический мир.

Трансцендентальная феноменология опиралась на несколько ключевых стратегий. Во-первых, это чисто дескриптивный метод, который призван не замещать описание феноменов их объяснением. Феномен нельзя объяснить, но лишь описать. Под этим правилом понимается невозможность перехода на метауровень по отношению к феноменальной жизни сознания. Отношение к тому или иному состоянию сознания есть лишь другое состояние сознания в пределах одного сознания. Сознание, составляющее горизонт продвижений мыслительного опыта, никогда не выводит нас за пределы самого себя. Во-вторых, в отношении сознания и внутри сознания не может быть использована каузальная модель, предпосылаемая объяснительным моделям. В силу этого обстоятельства феноменология не использует понятие каузальности, заменяя его на принцип коррелятивности. В-третьих, это метод бесконечной интерпретации. Сознание имеет дело со смыслами, но пояснение смыслов не предполагает жесткой фиксации с референтными объектами, сигнализирующими о завершении процедуры означения. В феноменологической перспективе одни смыслы поясняют другие и данное движение ограничено внутренними рамками смыслопорождения, хотя и не ограничено в своих реконфигурациях и уточнениях [Gasparyan 2012].

Феноменология в аналитической философии не вполне ориентирована на перечисленные подходы, но, напротив, стремится привнести свои собственные. В частности, она применяет метод анализа языка при работе с феноменами. Описать феномен – значит локализовать его смысл средствами языка и, если угодно, логическими средствами языка. Зачастую лингвистическая логика или «лингвистические инстинкты» анализируются с точки зрения феноменальных аспектов сознания. Подробный анализ того, как

мы говорим, по сути, представляет собой попытку феноменологического анализа лингвистических структур сознания. В аналитической традиции можно также встретить лингвистическую интерпретацию ключевых феноменологических операций. В частности, можно встретить подходы, в которых метод заключения в скобки поясняется по аналогии с некоторыми методами логического или лингвистического анализа. Фундаментальная идея феноменологической редукции предполагает заключение в скобки (в аналитической традиции – bracketing), которое позволяет перейти от обыденной «наивной» установки, полагающей мир и его вещи существующими в том виде, в котором они предстают нашему восприятию, к собственно самому восприятию [Гуссерль 2009]. Условие возможности этой наивной установки в том, чтобы «не замечать» самого наблюдателя или наблюдения, поступая с ними как с прозрачной средой, не объективируя которую мы сразу переходим к вещам и миру. На этапе феноменологической редукции совершается методологическое переключение фокуса, исключаящее из рассмотрения эмпирические составляющие опыта, такие как предположительное отражение в феноменах сознания реального физического мира. Здесь заключается в скобки сама естественная установка, а именно вера в то, что окружающий нас мир существует, равно как мир фактов и природных объектов. Приняв этот тезис, мы можем рассматривать наш опыт как нечто самодостаточное независимо от того, был ли этот опыт чем-то образован. В любом случае, все, что у нас есть, это наш опыт, который в момент заключения в скобки мира по ту сторону сознания перестает быть прозрачной средой, но обретает реальность самого мира. Феноменологическая редукция предполагает перенос внимания и «взгляд» на собственный опыт. Если в трансцендентальной феноменологии редукция понимается описанным способом, то в аналитической традиции она иногда уподобляется логическим операциям с языком [Smith, McIntyre 1982]. Так редукция может рассматриваться как процедура референции без привязки к условиям верификации содержания референции. Этот принцип может поясняться при помощи механизма построения цитаты. Фрагмент языка помещается в кавычки тогда, когда мы не собираемся использовать эти слова для собственного утверждения; это позволяет рассматривать значимое содержание фрагмента языка без привязки к его истине. Таким образом, феноменологическая редукция в семантической интерпретации

аналитической традиции иногда трактуется как лингвистический опыт переключения языковых конструктов, в частности переключения внимания с репрезентативного содержания высказывания на само высказывание.

Наряду с лингвистическими подходами в современной аналитической философии применяется характерная для многих ультрасовременных разделов философии сознания интегративная модель, которая намерена соединить достижения нейронаук и когнитивных дисциплин с феноменологией сознания [Gallagher, Zahavi 2007]. Данная тенденция вдохновляется целями взаимного обогащения и расширения нейронаук и феноменологии. Центральная идея этих подходов в том, что методологически разделить области, занимающиеся только сознанием (например, философская феноменология) или деятельностью мозга (нейронауки), не представляется возможным. Когда нейронауки или когнитивные дисциплины изучают работу мозга или мышления, они неизбежно сталкиваются с сознанием, т.е. в каком-то смысле сталкиваются с феноменологической стороной дела. Апологеты данной программы резонно указывают на общий тезис, разделяемый большинством критиков редукционистских подходов в аналитической философии сознания, а именно тезис о невозможности полностью исключить субъекта (перспективу от первого лица) из исследований деятельности мозга [Metzinger 2003; Baker 1998]. Однако, вопреки сугубо философской постановке вопроса о редуцируемости или нередуцируемости сознания, сторонники данной программы указывают на вполне конкретные способы работы, которые могут иметь научно релевантное значение. Мы знаем так много о законах мышления, психологических закономерностях поведения индивидов, а знание о нейрозакономерностях нашей психики столько обширно, что, возможно, феноменологии с этим знанием приходится как-то считаться. Под взаимным обогащением подразумевается процесс установления взаимного соответствия между феноменальными состояниями, когнитивными законами и нейронными процессами. Идеалом интегративных программ является установление некоего сложного трехстороннего единства различных проявлений сознания, психики и мозга. На практическом уровне реализации этих программ речь идет о верификации феноменологических состояний с помощью измерительных процедур, направленных на нейронную активность мозга. В частности, эти цели ставит перед собой нейрофеноме-

нология и различные разделы энктивистских теорий сознания [Varela et al. 2001; Varela 1996]. Так в нейрофеноменологии нейронные состояния сверяются с данными феноменологических отчетов самих испытуемых. Не только феноменология может иметь дело с «самим сознанием», равно как не только наука может претендовать на верифицируемое знание. Феноменология сможет производить экспериментально релевантные наблюдения, если только согласится учитывать нейронные корреляты в качестве сопутствующей сознанию реальности. В этом случае внутренне имманентную сознанию описательность можно будет поставить в соответствие с эксплицитными и количественно измеряемыми параметрами. Напротив, данные о физических процессах в мозге можно соотносить не только с другими физическими процессами, но, собственно, с самим сознанием, если принять во внимание феноменальную отчетность, сообщаемую самим субъектом.

Поговорим теперь о намеченных отличиях чуть подробнее.

Реализм и трансцендентализм в феноменологии

Разрабатываемый Гуссерлем тип феноменологии принято называть трансцендентальным. Данный термин подразумевает поиск общих инвариантных условий возможности различных опытов сознания [Гуссерль 1994]. Кроме того, трансцендентальный аспект феноменологии Гуссерля строится на важнейшем принципе воздержания от суждения в отношении того, что не может верифицироваться изнутри самого переживания. Мы выносим за скобки вопрос о существовании внешнего мира и фокусируемся на самом опыте сознания, который дан фактически как ничем не ограниченный. Если я имею опыт созерцания дома, то вопрос о его реальном существовании не подразумевает ответа на основе чистого созерцания. И поскольку кроме опыта созерцания у нас ничего нет, то вопросы подобного рода выносятся за пределы феноменологического исследования. В рамках сознания осмысленными окажутся другие вопросы – к примеру, как воспринимается этот дом: из какого настроения или рамочного культурного или языкового опыта мы судим об этом доме. Уместным будет вопрос о том, изнутри каких ценностных и смысловых ожиданий и установок, мы можем продвигаться в своем понимании этого дома. Вынося за скобки дом как объект внешнего мира, мы обращаем внимание на переживание дома, на его смысл. Феномен дома как пережи-

вания, Гуссерль называет ноэмой или ноэматическим смыслом опыта.

Соответственно, трансцендентальный извод феноменологии понимается как теория конституирования феноменов в качестве смыслов: только через переживания образуются значения, замечающие объекты. Другими словами, мы воспринимаем объект только «как таковой», и этот способ представления составляет содержание феномена. Гуссерль вводил термин «ноэма» для подобных значений, характеризуя ноэматическое значение опыта как «интендируемый объект». Постановка вопроса о соответствии данных сознания внеположенным сознанию вещам в реальном мире характерна для естественной (натуралистической) установки, которая кардинально отличается от трансцендентальной, поскольку всегда направлена на вещи «в обход» самих условий. Если мы «отключаем» эту установку, то вопрос о соответствии феноменов вещам не встает. Отключение естественной установки означает автоматическое включение трансцендентальной установки. Понятие «трансцендентального» у Гуссерля сохраняет значение кантовской философии, но добавляет собственные нюансы. У Канта под трансцендентальным аспектом понимаются условия возможности эмпирического (опыта). Мысля трансцендентально, мы переносим внимание с опыта на то, что опыту вероятно предшествует, а именно логику формирования этого опыта (саму в опыт не попадающая). Для феноменологии Гуссерля подобное понимание трансцендентального сохраняет свою актуальность, однако этого ему недостаточно. Один лишь перенос внимания на условия опыта означал бы отнесение феноменологии к сугубо кантовской традиции, что неверно в силу известной критичности проекта феноменологии по отношению к трансцендентальному идеализму Канта. Ограничение понятия трансцендентального кантовской редакцией ведет к признанию трансцендентного мира, что феноменология не приемлет. Поэтому Гуссерлю важно подчеркнуть перенос внимания на сами феномены как данные сознания, а именно на тот факт, что мы всегда имеем дело только с собственными переживаниями. Согласно классической гуссерлианской феноменологии, наше сознание интендирует (представляет) вещи исключительно *через* конкретные смыслы (понятия, комплексы идей, образы). Они образуют содержание конкретного переживания, а их предположительная связь от вещей, репрезентируемых ими или интендируемых, остается за скобками.

Для феноменологических подходов в аналитической традиции именно этот подход представляется не вполне рабочей. Часто можно встретить мнение, согласно которому Гуссерля следует считать «реалистом, а не идеалистом», поскольку «объекты феноменологического опыта – это что-то в мире, а не в голове» [Smith, Thomasson (Eds.) 2005, 20]. Для аналитической традиции, в свою очередь, крайне нежелателен переход из натуралистической установки в трансцендентальную. По сути, оба значения трансцендентальности, как классическое кантовское, так и феноменологическое в духе Гуссерля, оказываются в аналитической философии незадействованными. Поскольку не всегда понятно, как работать с трансцендентальными категориями и какой могла бы быть философия, пытающаяся вписать эти категории в научное поле, например, когнитивных наук или нейронаук о сознании, постольку часто можно встретиться с такими интерпретациями, в которых принцип брекетинга трактуется как условный, а связь переживаний с вещами внешнего мира сохраняется как требование здравого смысла. Это позволяет говорить о реалистической направленности в интерпретациях гуссерлевской феноменологии в аналитической традиции.

Конкретно это проявляется в том, что ряд аналитических философов, которые готовы сохранить феноменальное сознание как особую сущность, делают это с оглядкой на науку и естествознание в частности, полагая сознание частью природы [Baker 1998; Baker 2000; Chalmers 1996; Searle, Willis 1983; Чалмерс 2015]. В феноменологии же Гуссерля подобное допущение не рассматривается, поскольку считается, что оно нарушает субординацию установок.

В аналитической философии сознания, как правило, принято считать, что к сознанию можно подходить с помощью трех различных, но вполне паритетных, методов. В первом, собственно феноменологическом подходе, сознание изучается с его феноменальной, т.е. качественной стороны. Этот подход рассматривает сознательные переживания с точки зрения их существенно приватной природы, того, «как» они даются тому, кто ими владеет. Второй, когнитивный, подход рассматривает механизмы и принципы сознания (скорее, мышления) с точки зрения определенных законов его работы. К этому же, когнитивному, подходу примыкает третий, нейронаучный, подход, изучающий нейронную деятельность в качестве коррелятов феноменального сознания.

Роль всех трех подходов признается важной и существенной для изучения сознания. Так когнитивное знание хоть и абстрагируется от феноменальной стороны ментальных актов, но зато изучает важные закономерности того, как функционирует наше мышление. Например, с когнитивной точки зрения нас не интересует, как проживается сознанием опыт прошлого, но мы знаем, что эффекты памяти имеют определенные характеристики. Для аналитической феноменологии, учитывающей данные когнитивных наук, будет характерным считать, что если даже корреляты – это не само сознание, но то, что сопутствует сознанию, то их действие может пролить свет на формирование сознательного опыта. К примеру, визуализации образов сопутствует определенный тип нейронной активности, или притом что эта активность хоть и не тождественна самому переживанию образа, но позволяет косвенно судить о нем – устанавливать само наличие и следить за физической стороной протекания.

Подобное положение языков описания нередко трактуют в аналитической философии сознания как, своего рода, разделение труда [Smith 2004]. В этом случае говорят о взаимодополнительности применения двух установок – феноменологической и натуралистической. Натуралистической установке соответствует нейронаучный подход и когнитивные науки, а феноменологической – описание феноменального сознания с точки зрения его качественности. Согласно аналитической позиции два этих подхода описывают сознание с разных ракурсов: в начале как феноменальный опыт, а потом как физиологический процесс. Но с точки зрения трансцендентальной феноменологии, описание нейронных процессов не будет описанием сознания вообще. Натуралистическая установка не будет описанием сознания, но будет описанием мозга. С точки зрения феноменологии, натурализм не просто недостаточен, а скорее ошибочен, поскольку в той версии, которая стала мишенью критики Гуссерля, он производил редукцию сознания как автономного онтологического региона к региону материальной природы. С натуралистической точки зрения сознание – это объект, предмет естественнонаучного объяснения. Феноменология же не удовлетворяется идеей дополнительности натурализма, но скорее противопоставляет себя ему [Гуссерль 2004].

Феноменология, как мы писали выше, ориентирована на дескриптивный подход к феноменам, в то время как объяснительный

подход к сознанию не будет подходом к сознанию в принципе. Феномены нельзя объяснять, поскольку объяснение в данном случае будет новым феноменальным опытом. Метод объяснения предполагает мета-позицию по отношению к своему объекту, но сознательные акты невозможно выстроить в субъект-объектной вертикали. Кроме того, метод объяснения предполагает обнаружение каузальных отношений, например, поиски ответа на вопрос, что является причиной определенных феноменальных состояний. Однако, применение объяснительного языка к сознанию, с точки зрения установления каузальности, также не представляется вполне релевантным шагом. Причиной феноменального состояния вновь будет лишь иное феноменальное состояние, поскольку феноменальность протекает в поле смыслов – «причиной» одного смысла будет другой, но рядоположенность смыслов скорее укладывается в стратегию описания. Если я слышу обидные слова и расстраиваюсь, то обидная речь не является причиной моего расстройства в значении субстанциальной автономии. Следует вначале придать обидный смысл услышанным словам, чтобы потом расстроиться, но, несмотря на последовательность состояний, они являются частями одного процесса интерпретации и интенционально коррелятивны. В смысловом плане они не предшествуют друг другу, поскольку интерпретировать слова как «обидные» и значит «обидеться». Однако в некоторых трактовках можно увидеть, что речь идет об эквивалентизации двух стратегий – объяснительной и описательной при условии того, что они по-разному относятся к одной и той же реальности [Mohanty 1989]. Такая трактовка часто приводит к тому, что вещи и сознания размещаются в единой реальности. В частности, у Бейкер или у Чалмерса мы встречаемся с идеями, толкующими ментальные состояния как факты природного мира [Чалмерс 2015; Baker 1998]. В ряде подходов не выполняется даже эквивалентизация, но скорее речь идет о том, что если в дополнение к натуралистической установке, мы подключим трансцендентальную, то сможем обнаружить в мире (природы) не только вещи, но и сознания.

Примером такой методологии можно считать определенное своеобразие истолкования понятия интенциональности. Некоторые авторы определяют интенциональность как существенную характеристику сознания [Kim 1998; Searle, Willis 1983], однако добавляют к этому ее биологическую интерпретацию. В частности, согласно Серлу, ментальные состояния отличаются особым

свойством интенциональности, но сами эти состояния порождаются мозгом. Интенциональность есть необходимое свойство сознания, которое отличает ментальные факты от физических. Эта трактовка имеет много сходного с положениями Brentano, призванными найти критерий отличия физических фактов от ментальных [Brentano 1995]. Однако у некоторых аналитических философов есть важное уточнение – у них сознание обладает этим свойством как неким качеством [Dreyfus, Hull 1982]. Нередко сущностью, обладающей этим качеством, объявляется сам мозг [Searle, Willis 1983], т.е. интенциональность становится частью природного мира, что вновь указывает на нетрадиционное истолкование естественной и феноменологической установок [Horgan, Tienson 2002].

Значение и смысл

Аналитическая философия в толковании природы смысла отсылает к традиции взаимоотношений между логической семантикой и феноменологией [Ладов 2001]. По большей части речь идет о традиции, восходящей к Фреге, а именно к его знаменитому разделению на смысл и значение (нем. Sinn и Bedeutung) [Фреге 2008]. Гуссерль также ставил вопросы, связанные с логикой, в ракурсе того, как возможно аподиктическое знание, каковы его природа и способ обоснования [Гуссерль 2009]. Определенный корпус исследований в аналитической феноменологии посвящен линии исследования, в которой прокладываются исторические и концептуальные отношения между феноменологией Гуссерля и логической семантикой Фреге [Seebohm et al. (Eds.) 2012]. Речь идет о сопоставлении тройственного отношения между объектом, смыслом и значением у Фреге и сходным мотивом у Гуссерля, где переживание интендирует объект посредством нозмы. У Фреге такие выражения как «полководец, одержавший победу при Аустерлице», и «полководец, потерпевший поражение при Ватерлоо», выражают разный смысл, но имеют одинаковое значение (Бонапарта Наполеона), поскольку указывают на один и тот же объект. Суть этого наблюдения в том, что разные по смыслу выражения могут соотноситься с одним и тем же объектом. Надо сказать, что сходство подходов у Гуссерля и Фреге не будет прослеживаться с абсолютной точностью. Известно, что во втором томе «Логических исследований» Гуссерль, действительно, учел результаты их совместной с Фреге переписки. В своей концепции «наполне-

ния значения» он учитывает уточненную четырехчленную схему соотношения смысла и значения: *имя понятия – смысл имени понятия – значение имени понятия – предмет, который подпадает под значение* [Серкова 2015]. Акты сознания соотносятся с объектами посредством ноэмы (смысла) так, что самые различные акты, реализуя различные способы презентации объекта в сознании, могут соотноситься с одним и тем же объектом (к примеру, одного и тоже человека мы идентифицируем в визуальном восприятии как одного и тоже человека, хотя однажды можем наблюдать его в шляпе, в другой раз – в надвинутом капюшоне, а в третий раз – с непокрытой головой).

Между тем, несмотря на перекличку тем, ключевыми различиями в подходах Фреге и Гуссерля станут следующие аспекты. Во-первых, Гуссерль воздерживается от избыточной логико-семантической формализации своих идей, по большей части используя собственно феноменологические примеры, а именно психические состояния и ментальные образы сознания, что в свою очередь нетипично для Фреге и школы логико-семантического анализа языка. Во-вторых, Гуссерль довольно быстро отходит от языковых тем, в частности темы «наполнения значения», и переключается на имплицитную проблематику сознания, в частности природу интенциональности и аспекты внутренней жизни сознания. Наконец, Гуссерль не перестает подчеркивать дескриптивный и «горизонтальный» характер исследований феноменов, в том числе способности оперировать смыслами. Поскольку ему совершенно неважно, существует ли объект (референт), который можно описывать с помощью различных смыслов (коннотаций) сам по себе, более того, сама подобная постановка вопроса является некорректной, то в отличие от возможной трактовки позиции Фреге, как фиксирующей «объекты», к которому отсылают различные способы данности, для Гуссерля ни о какой фиксации объекта говорить нельзя. Каждый «объект» может в любой момент превратиться в ноэматический смысл, равно как любой ноэматический смысл может временно побыть объектом. Одно трансформируется в другое именно потому, что Гуссерль воздерживается от различения предметов в реальности и их содержаний в познании. Более того, решить одну из традиционных философских проблем о соответствии идей вещам можно только в том случае, если отказаться от доктрины двух миров, где в одном мире вещи существуют, а в другом – отображаются. Очень

близко к этому заключению находится и сам Фреге, который пишет: «совместить представление о вещи с самой вещью было бы возможно, если бы сама вещь также была бы представлением» [Фреге 2008, 24]. Однако, именно в силу того, что Фреге не работает с сознанием, он не решается на утверждение о первичном характере интенционального акта, конституирующего равно и объект, и его переживание.

Между тем, в аналитической феноменологии разделение на смысл и значение скорее толкуется как психический способ данности реального объекта. Иными словами, феноменологический акт скорее интерпретируется как психическая репрезентация референта, который может разнообразно отражаться в сознании. Сознание формирует образ, но делает это в связи с неким реальным предметом. Содержание акта сознания является смыслом, а значения представляют собой объекты, находящиеся в мире. Однако при толковании того, как понимать мир, в ряде контекстов зачастую включается «естественная установка» [Менш 2010].

Кроме того, в традиционной феноменологии содержание актов сознания имеет горизонт фонового смысла, т.е. смысла, который присутствует в опыте имплицитно, а не в качестве локализованного значения. Если же интерпретировать весь массив смыслов как совокупность значений, то мы можем получить области «бессмысленного», т.е. не имеющего значений. Речь идет о «значениях», которым не может быть поставлено что-либо в соответствие, удостоверено в фактическом опыте с помощью «протокольных высказываний». Однако, для традиционной феноменологии сознание всегда имеет дело со смыслами. Смысл «бессмысленного» будет в том, чтобы выразить «бессмысленное».

Градуальный характер феноменальности.

Что включать в феномены?

В аналитической философии сознания часто можно встретиться с дискуссией о статусе ментального. Как отличить ментальное от нементального, какие критерии для этого стоит использовать? Как правило, указывается на три возможных претендента – рефлексивность, приватность и интенциональность. Рефлексию можно считать классической характеристикой сознания. В классической философской эпистемологии считалось, что только сознание обладает свойством прозрачности для самого себя – оно не только переживает, но и присваивает переживания. Собственно, фено-

менология Гуссерля была одной из первых, которая предложила важное уточнение в отношении природы рефлексии. Рефлексия не устроена по принципу картезианской модели – в качестве иерархической структуры, выстраивающей знание о знании. По Гуссерлю сознание лишено внутренней иерархии, но есть имманентное состояние «себя к себе». Напротив, часто в аналитической традиции можно встретиться с трактовками, согласно которым сознание есть надстраиваемая структура – «осознание» ощущений или первичных перцепций. Речь идет о теориях сознания высшего порядка (*higher-order theories of consciousness*), стремящихся объяснить отличительные качества сознания в терминах некоторого отношения между сознательным состоянием низшего уровня и представлением об этом состоянии высшего порядка [Rosenthal 1986]. Состояния низшего порядка сродни ощущениям качественности характера, это некие переживания на уровне чистой чувственности. Такими переживаниями могут быть чувства холода или жара, вкуса сладкого, кислого, чувство засыпания или пробуждения. Чем более высокоуровневым является то или иное состояние, тем ближе оно к феноменальному. Как правило, это состояния некоего присвоения чувства или осведомленности о том, что это чувство переживается неким сознанием. Именно самый высокий порядок сознания, собственно, осознание или осведомленность, трактуется как феноменальное сознание.

В аналитической философии можно встретить различные модели, трактующие аспект осведомленности как сознательное свойство более высокого уровня. Вместо классического понятия рефлексии чаще используется термин «(само)мониторинг», призванный указать не только на отражательные, но и контролирующие функции сознания [Kriegel, Williford 2006]. По сути, в подобные трактовки вписывается известный феноменологический вопрос о наличии дорефлексивного или допредикативного слоя сознания. На языке аналитической феноменологии это означает, что дорефлексивным является самомониторинг. Данный тип осведомленности не является частью высокоуровневого мониторинга, хоть и встроен в само сознание. Блок вопросов о степени рефлексивности мониторинговых аспектов сознания направлен на прояснение процессуальной работы осознания вообще и мышления в частности. Всегда ли сознание прозрачно для себя? Иными словами, всегда ли акты сознания структурированы внутри рефлексии или есть такие акты, которые проходят до и помимо рефлексивного

схватывания? Если рефлексия или самомониторинг относятся к более высокому уровню, то выстраивается ли в отношении каждого ментального акта дополнительный надстраивающийся ментальный уровень, мониторящий первичный акт? В качестве альтернативы мониторинговые акты могут принадлежать тому же уровню, что и первичные акты. В этом случае они попросту имманентны первичным актам. По сути, данная имманентность необходима, чтобы любой акт мог быть осознан.

Надо отметить, что, с точки зрения феноменологии Гуссерля, подобная группа вопросов является не вполне аутентичной феноменологическому подходу к сознанию. Сама идея градуации феноменов внутри сознания будет не совсем релевантной для феноменологии Гуссерля в силу принципа рядоположенности феноменов, о котором мы уже писали. Сама иерархия уровней более высокого или более подчиненного порядков не вполне созвучна его феноменологии, т.к. в ней все состояния сознания суть феноменальные акты. Кроме того, в силу дескриптивного характера фиксации феноменов, их диспозиция не может описываться в терминах иерархической лестницы, характерной для объяснительных или каузальных стратегий. Феномены коррелятивны относительно друг друга, но не каузальны, что не позволяет располагать их в иерархическом порядке.

Между тем, дискуссия о градуальности довольно типична для аналитических контекстов феноменологии, в частности раздела т.н. «когнитивной» феноменологии [Bayne, Montague (Eds.) 2011]. В частности, согласно дискуссии о распределенности феноменального в сфере ментального, встает вопрос о том, в какой области ментальной жизни наиболее выражен феноменальный аспект. Также ставится вопрос о том, что считать феноменальным в различных проявлениях ментальной активности? Следует ли разделять переживания (как ментальные акты), вызванные ощущениями, и переживания, вызванные мыслительными операциями? Иными словами, есть ли различие между феноменологией чувственности и феноменологией мышления? Существуют ли различия в феноменологии эмоций и других аспектов сознания – феноменологии памяти, воображения, визуализации образов и пр. Многие из подобных вопросов очевидно пересекаются с областью когнитивных наук. Можно заметить, что они сконструированы на основе задач совмещения феноменологии и науки. Многие из заданных вопросов отсылают также к философским контекстам

философии сознания, где феноменальный опыт по большей части поясняется и мотивируется на примере качественных состояний, фундированных чувственными данными – ощущениям цвета, вкуса, звука, боли и пр.

Это связано с тем, что ряд философов полагает, что феноменальный аспект проще всего проследить в качественных состояниях. Ощущения лучше обособляются как состояния сознания, а кроме того, они лучше подходят под критерий приватности и качества «what is likeness». Сам характер дискуссии о «степенях» феноменальности включает в себя вопрос о том, стоит ли ограничиваться определенными состояниями как феноменальными или их следует дополнить более сложными и трудно локализуемыми (ментально) интеллектуальными состояниями.

Для традиционной феноменологии такая сортировка феноменальных состояний не вполне типична. В частности, у Гуссерля сознание феноменально во всем богатстве своих проявлений. Его подход предполагает феноменальную природу у любых ментальных актов. Доказательство теоремы Пифагора или ощущение вкуса апельсина равно являются феноменальными переживаниями. Их отличия, если они все-таки имеются, лежат в плоскости феноменального происхождения, но не в характере природы самого переживания.

Феномены суть все и любые переживания. Все, что дано нам в опыте, есть феноменальное поле со «снятыми перегородками» иерархичности [Gurwitsch 1964]. Для классической феноменологии каждый тип сознательного опыта феноменален. Фиксация разнообразия этих состояний возможна только изнутри феноменального поля как качественных различий характера переживаний этих феноменов. Поэтому классическая феноменология признает наличие феноменального характера у всех типов опыта. Действительно, феномены в гуссерлевском смысле суть любые элементы опыта, как они даны сознанию. Поэтому любые переживания имеют феноменальный характер, причем их интерпретация как чувственная или когнитивная также феноменальна.

Разделение по границе телесного и ментального, также нередко тематизируемое в контекстах аналитической феноменологии [Kelly 2005; Siewert 2005; Norgan 2011], не вполне релевантно для традиционной феноменологии. У нас нет феноменальной границы, отделяющей ощущение телесного от ментального. Кроме того, сами телесные ощущения даны как феноменальные, равно

как феноменальные ощущения так или иначе отсылают к опыту телесных переживаний (переживаний пребывания в теле). Это положение дает основание для бурного развития различных энктивистских и нейрофеноменологических разделов аналитической философии сознания, однако они не всегда последовательны с точки зрения толкования телесного. Нередко к этим истолкованиям примешиваются сугубо естественнонаучные описания, где телесное берется как объективированный физический объект, к которому приложимы внешние натуралистски заданные методы описания. Однако такой подход не вполне разделяется традиционной, например гуссерлевской, феноменологией. Когда Гуссерль пишет о «живом теле» [Гуссерль 2009], то подразумевает единство данности тела в опыте сознания и опыт сознания как самоосознанность в теле. При таком подходе разделение на телесное и феноменальное не предусмотрено не только как осуществленное внешними процедурами, но и внутри сознания в качестве различных видов опыта.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели ключевые особенности трансцендентального и аналитического подходов феноменологии в современной философии сознания. Главной целью было вкратце очертить те параметры аналитического подхода в феноменологии, которые задают ее специфику и указывают на линии расхождения с классической трансцендентальной феноменологией. Феноменология как направление и метод зачастую толкуется слишком широко, что приводит к размыванию границ и последующему применению термина «феноменологический» в отношении тех объектов и явлений, которые не вполне вписываются в дисциплинарные рамки феноменологии. В частности, аналитический подход предпочитает интерпретировать феноменальное и феноменологию по большей части в рамках аналитической философии сознания, в значительной степени вырастающей вокруг различных редакций психофизической проблемы. Это, в свою очередь, приводит к тому, что под феноменальным (сознанием) понимается сугубо качественная природа ментальных состояний, приватность и нефизичность состояний сознания, однако общая дисциплинарная и методологическая рамка, сохраняющаяся при этом, несет в себе все признаки сохранения словаря науки. В ряде феноменологических дискуссий внутри аналитической философии, феномены

нередко градуируются согласно своему происхождению. В частности, ведется обсуждение того, какое место в феноменальной иерархии занимают простейшие переживания, соответствующие чувствам и ощущением и более сложные переживания – осведомленности и осознания. В трансцендентальной феноменологии в силу дескриптивной методологии упорядочения феноменов идею градуации феноменов нельзя назвать вполне релевантной. Формируя определенный вектор на сотрудничество с наукой и естествознанием, аналитическая феноменология стремится к синтезу когнитивных дисциплин и нейронаук с философией сознания. Это приводит к осознанному сохранению натуралистической составляющей в аналитических подходах феноменологии и попыткам синтезировать естественную и трансцендентальную установки. Однако, этот синтез едва ли может вписаться в проект трансцендентальной феноменологии. В аналитической традиции сильны также философские положения реализма, согласно которым мы все же должны учитывать внешний мир, несмотря на правила феноменологической редукции. Такой подход также не вполне соответствует положениям традиционной феноменологии. Между тем, натурализм и реализм аналитической феноменологии приводит к любопытным трактовкам, в которых интенциональность возникает как продукт мозга, а феноменальное сознание появляется в ходе эволюции природы. Положения, в которых феноменальное формируется как аспект природного мира, являются следствием смещения установок, что для традиционной трансцендентальной феноменологии будет являться ошибкой. Натуралистские и реалистские установки приводят также к любопытным наблюдениям, в которых феноменальное сознание толкуется как часть природного мира, в котором наряду с физическими фактами есть также и ментальные, а законы сознания являются фундаментальными законами Вселенной. Однако с точки зрения традиционной феноменологии Гуссерля трансцендентальные условия структуры не могут размещаться в той же онтологии, куда помещается обусловленное ими. Особый интерес представляет собой дискуссия о фундаментальном характере языка при формировании феноменов. Давней дискуссии между Фреге и Гуссерлем в отношении связи смысла и значения в современной аналитической традиции придаются новые интерпретации. Наиболее продуктивной и любопытной в этой связи представляется дискуссия о лингвистической природе конституирования феноменов.

В общем и целом можно утверждать, что феноменологические теории, фундированные аналитической традицией, являют собой пример своеобразной феноменологии внетрансценденталистского происхождения. Вместе с тем, очевидно, что тематическое единство и целый ряд совпадений и инвариантов, присущих обеим школам, дает определенное основание для диалога между традициями.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гуссерль 1994 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1 // Гуссерль Э. *Философия как строгая наука.* – Новочеркасск: Сагуна, 1994.

Гуссерль 2004 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. – СПб.: Владимир Даль, 2004.

Гуссерль 2009 – *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 – М.: Академический проект, 2009.

Ладов 2001 – *Ладов В.А.* Соотношение тем и методов аналитической философии и феноменологии // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2001. № 3 (28). С. 7–28.

Менш 2010 – *Менш Д.* К вопросу о натурализации феноменологии // *Ежегодник по феноменологической философии.* 2009/2010 [II]. – М.: РГГУ, 2010. С. 302–316.

Серкова 2015 – *Серкова В.А.* Логика очевидного в философии Э. Гуссерля // *Логико-философские штудии.* 2015. № 4. С. 259–278.

Чалмерс 2015 – *Чалмерс Д.* Как объяснить сознание // *Лекция на TED.* 2015. – URL: <https://scisne.net/a-2747> (Дата обращения: 21.05.2019).

Фреге 2008 – *Фреге Г.* Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.

Baker 1998 – *Baker L.R.* The First-Person Perspective: A Test for Naturalism // *American Philosophical Quarterly.* 1998. Vol. 35. No. 4. P. 327–348.

Baker 2000 – *Baker L.R.* Persons and Bodies: A Constitution View. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Bayne, Montague (Eds.) 2011 – *Bayne T., Montague M.* (Eds.) *Cognitive Phenomenology.* – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Bickle, Ellis 2005 – *Bickle J., Ellis, R.* Phenomenology and Cortical Microstimulation // *Smith D.W., Thomasson A.L.* (Eds.) *Phenomenology and Philosophy of Mind.* – Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 140–163.

Brentano 1995 – *Brentano F.* *Psychology from an Empirical Standpoint.* – London: Routledge, 1995.

Chalmers 1996 – *Chalmers D.J.* *The Conscious Mind: Toward a Fundamental Theory.* – Oxford: Oxford University Press, 1996.

Smith 2004 – *Smith D.W.* *Mind World: Essays in Phenomenology and Ontology.* – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

Dreyfus, Hull 1982 – *Dreyfus H., Hull H.* Husserl, Intentionality and Cognitive Science. – Cambridge, MA: MIT Press, 1982.

Gallagher, Zahavi 2007 – *Gallagher S., Zahavi D.* The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science – London: Routledge, 2007.

Gasparyan 2012 – *Gasparyan D.* Absolute Imperatives of Rationality in Transcendental Pragmatics and Communication Theory // Middle East Journal of Scientific Research. 2012. Vol. 12. No. 9. P. a1210–1215.

Gurwitsch 1964 – *Gurwitsch A.* The Field of Consciousness. – Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 1964.

Horgan 2011 – *Horgan T.* From Agentive Phenomenology to Cognitive Phenomenology: A Guide for the Perplexed // *Bayne T., Montague M.* (Eds.) Cognitive Phenomenology. – Oxford: Oxford University Press. 2011.

Horgan, Tienson 2002 – *Horgan T., Tienson J.L.* The Intentionality of Phenomenology and the Phenomenology of Intentionality // *Chalmers D.* (Ed.) Philosophy of Mind: Classical and Contemporary readings. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Kelly 2005 – *Kelly S.D.* Temporal Awareness // *Smith D.W., Thomasson A.L.* (Eds.) Phenomenology and Philosophy of Mind. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Kim 1998 – *Kim J.* Mind in a Physical World. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

Kriegel, Williford (Eds.) 2006 – *Kriegel U., Williford K.* Self-Representational Approaches to Consciousness. – Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

Metzinger 2003 – *Metzinger T.* Phenomenal Transparency and Cognitive Self-Reference // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2003. Vol. 2. No. 4. P. 353–393.

Mohanty 1989 – *Mohanty J.N.* Transcendental Phenomenology: An Analytic Account. – Oxford: Basil Blackwell, 1989.

Petitot et al. (Eds.) 1999 – *Petitot J., Varela F. J., Pachoud B., Roy J.-M.* (Eds.) Naturalizing Phenomenology: Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science. – Stanford: Stanford University Press, 1999.

Rosenthal 1986 – *Rosenthal D. M.* Two concepts of consciousness // Philosophical Studies. 1986. Vol. 49. No. 3. P. 329–359.

Searle, Willis 1983 – *Searle J. R., Willis, S.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983.

Seebohm et al. (Eds.) 2012 – *Seebohm T.M., Føllesdal D., Mohanty J.N.* (Eds.) Phenomenology and the Formal Sciences. – Dordrecht: Springer Science & Business Media, 2012.

Siewert 2005 – *Siewert C.* Attention and Sensorimotor Intentionality // *Smith D.W., Thomasson A.L.* (Eds.) Phenomenology and Philosophy of Mind. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Sokolowski 2000 – *Sokolowski R.* Introduction to Phenomenology. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000.

Smith, McIntyre 1982 – *Smith D.W., McIntyre R.* Husserl and Intentionality: A Study of Mind, Meaning, and Language. – Dordrecht: D. Reidel, 1982.

Smith, Thomasson (Eds.) 2005 – *Smith D. Thomasson A.* (Eds.) Phenomenology and Philosophy of Mind. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Varela 1996 – *Varela F.* Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem // *Journal of Consciousness Studies*. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 330–349.

Varela et al. 2001 – *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

Zahavi 2012 – *Zahavi D.* The Oxford Handbook on Contemporary Phenomenology. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

REFERENCES

Baker L.R. (1998) The First-Person Perspective: A Test for Naturalism. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 35, no. 4, pp. 327–348.

Baker L.R. (2000) *Persons and Bodies: A Constitution View*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bayne T. & Montague M. (Eds.) (2011) *Cognitive Phenomenology*. Oxford: Oxford University Press.

Bickle J. & Ellis R. (2005) Phenomenology and Cortical Microstimulation. In: Smith D.W. & Thomasson A.L. (Eds.) *Phenomenology and Philosophy of Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Brentano F. (2005) *Psychology from an Empirical Standpoint*. London: Routledge.

Chalmers D.J. (1996) *The Conscious Mind: Toward a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Chalmers D. (2015) How Do You Explain Consciousness? In: *TED*. Retrieved from <https://tedandtalks.map4b.com/2014/07/how-do-you-explain-consciousness-david-chalmers/>

Dreyfus H. & Hull H. (1982) *Husserl, Intentionality and Cognitive Science*. Cambridge, MA: MIT Press.

Frege G. (2008) *Logico-Philosophical Works*. Novosibirsk: Siberia University Pub. (Russian translation).

Gallagher S. & Zahavi D. (2007) *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. London: Routledge.

Gasparyan D. (2012) Absolute Imperatives of Rationality in Transcendental Pragmatics and Communication Theory. *Middle East Journal of Scientific Research*. Vol. 12, no. 9, pp. a1210–1215.

Gurwitsch A. (1964) *The Field of Consciousness*. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.

Horgan T. (2011) From Agentive Phenomenology to Cognitive Phenomenology: A Guide for the Perplexed. In: Bayne T. & Montague M. (Eds.) *Cognitive Phenomenology*. Oxford: Oxford University Press.

Horgan T. & Tienson J.L. (2002) The Intentionality of Phenomenology and the Phenomenology of Intentionality. In: Chalmers D. (Ed.) *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary readings*. Oxford: Oxford University Press.

Husserl E. (1994) Logical Investigations. In: Husserl E. *Philosophy as a Rigorous Science*. Novocherkassk: Saguna (Russian translation).

Husserl E. (2004) *Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Husserl E. (2009) *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book*. Moscow: Academic Project (Russian translation).

Kelly S.D. (2005) Temporal Awareness. In: Smith D.W. & Thomasson A.L. (Eds.) *Phenomenology and Philosophy of Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Kim J. (1998) *Mind in a Physical World*. Cambridge, MA: MIT Press.

Kriegel U. & Williford K. (2006) *Self-Representational Approaches to Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press.

Ladov V.A. (2001) Interrelation of Subjects and Methods of Analytical Philosophy and Phenomenology. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2001. No. 3, pp. 7–28 (in Russian).

Mensh D. (2010) The Question of Phenomenology Naturalization. *Annual Review of Phenomenological Philosophy 2009–2010*. Moscow: RSUH (in Russian).

Metzinger T. (2003) Phenomenal Transparency and Cognitive Self-Reference. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 2, no. 4, pp. 353–393.

Mohanty J.N. (1989) *Transcendental Phenomenology: An Analytic Account*. Oxford: Basil Blackwell.

Petitot J., Varela F. J., Pachoud B. & Roy J.-M. (1999) *Naturalizing Phenomenology: Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science*. Stanford: Stanford University Press.

Rosenthal D. M. (1986). Two Concepts of Consciousness. *Philosophical Studies*. Vol. 49, no. 3, pp. 329–359.

Searle J.R. & Willis S. (1983) *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Seebohm T.M., Føllesdal D. & Mohanty J.N. (2012) *Phenomenology and the formal sciences*. Dordrecht: Springer Science & Business Media.

Serkova V.A. (2015) Logic of Obvious in Philosophy. *Logiko-filosofskie shtudii = Logico-Philosophical Studies*. Vol 4, pp. 259–278 (In Russian).

Siewert C. (2005) Attention and Sensorimotor Intentionality. In: Smith D.W. & Thomasson A.L. (Eds.) *Phenomenology and Philosophy of Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Sokolowski R. (2000) *Introduction to Phenomenology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Smith D.W. (2004) *Mind World: Essays in Phenomenology and Ontology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Smith D.W. & McIntyre R. (1982) *Husserl and Intentionality: A Study of Mind, Meaning, and Language*. Dordrecht: D. Reidel.

Smith D.W. & Thomasson A. (Eds.) (2005) *Phenomenology and Philosophy of Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Varela F. (1996) Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 3, no 4, pp. 330–349.

Varela F.J., Thompson E., & Rosch E. (2001) *The Embodied Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Zahavi D. (2012) *The Oxford Handbook on Contemporary Phenomenology*. Oxford: Oxford University Press.

The Role of Theories of Embodied Cognition in Research and Modeling of Emotions

A.V. Shiller

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-124-138

Original research paper

Abstract

The article analyzes the role of theories of embodied cognition for the development of emotion research. The role and position of emotions changed as philosophy developed. In classical and modern European philosophy, the idea of the “primacy of reason” prevailed over emotions and physicality, emotions and affective life were described as low-ranking phenomena regarding cognitive processes or were completely eliminated as an unknown quantity. In postmodern philosophy, attention focuses on physicality and sensuality, which are rated higher than rational principle, mind and intelligence. Within the framework of this approach, there is a recently emerged theory of embodied cognition, which allows to take a fresh look at the place of emotions in the architecture of mental processes – thinking, perception, memory, imagination, speech. The article describes and analyzes a number of empirical studies showing the impossibility of excluding emotional processes and the significance of their research for understanding the architecture of embodied cognition. However, the features of the architecture of embodied cognition remain unclear, and some of the discoveries of recent years (mirror neurons or neurons of simulation) rather raise new questions and require further research. The rigorously described and clear architecture of the embodied cognition can grow the theoretical basis that will allow to advance the studies of learning processes, language understanding, psychotherapy techniques, social attitudes and stereotypes, highlight the riddle of consciousness and create new theories of consciousness or even create an anthropomorphic artificial intelligence that is close to “strong artificial intelligence.”

Keywords: theory of embodied cognition, simulation theory, theory theory, mirror neurons, neurons of simulation, emotions, modeling of emotions.

Alexandra V. Shiller – postgraduate student at the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

shiller.a@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2466-9476>

For citation: Shiller A.V. (2019) The Role of Theories of Embodied Cognition in Research and Modeling of Emotions. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 124–138. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-124-138

Роль теорий воплощенного познания в исследованиях и моделировании эмоций

А.В. Шиллер

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-124-138

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье анализируется роль теорий воплощенного познания для развития исследований эмоций. Отношение к эмоциям менялось по мере развития философии – в классической и новоевропейской философии господствовала идея «примата разума» над чувствами и телесностью, эмоции и аффективная жизнь описывались как низко-ранговые феномены относительно когнитивных процессов или вовсе элиминировались как неизвестная величина. В современной пост-модернистской философии внимание, напротив, акцентируется на телесности и чувственности, ценящихся выше рационального начала, разума и мышления. В рамках такого подхода существует недавно возникшая теория воплощенного познания, которая позволяет по-новому взглянуть на место эмоций в архитектуре психических процессов: мышления, восприятия, памяти, воображения, речи. В статье описан и проанализирован ряд эмпирических исследований, показывающих невозможность исключения эмоциональных процессов и значимость их изучения для понимания архитектуры воплощенного познания. Однако особенности архитектуры воплощенного познания остаются неясными, а открытия последних лет – зеркальные нейроны или нейроны симуляции – скорее вызывают все новые вопросы и требуют дальнейших исследований. При этом необходимо помнить, что строго описанная и ясная архитектура воплощенного познания может стать той теоретической основой, которая позволит создать теорию, способную продвинуть изучение процессов обучения, понимания языка, техник психотерапии, социальных установок и стереотипов, осветить загадку возникновения сознания и создать новые теории сознания или даже создать антропоморфный искусственный интеллект в понимании программы «сильного искусственного интеллекта».

Ключевые слова: теория воплощенного познания, теория симуляции, теория теорий, зеркальные нейроны, нейроны симуляции, эмоции, моделирование эмоций.

Шиллер Александра Викторовна – аспирант кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

shiller.a@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2466-9476>

Для цитирования: Шиллер А.В. (2019) Роль теорий воплощенного познания в исследованиях и моделировании эмоций // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 124–138.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-124-138

Introduction

Recently emerged theory of embodied cognition allows us to take a fresh look at the processing of emotional information. Studies show that reasoning of emotions include perceptual (associated with multimodal perception of emotions), somatovisceral (associated with the somatovisceral nervous system, which includes a skin analyzer, proprioceptive analyzer and visceral analyzer) and motor (associated with motor memory) components of the experience (collectively called “embodiment”) of suitable emotions by the subject of perception.

The embodiment of emotions that are caused in the laboratory by changes in facial expressions and posture shows their connection with the processing of emotional information. The congruence between the bodily expression of the emotions of the “recipient” and the emotional tone of the language of the “subject-source” also promotes understanding and communication, while the discrepancy may violate understanding.

Studies show that the posture and overall emotional state of a person affects the perception of different kinds of information. People, who were told good news while sitting with their backs straight and in a assembled pose, reacted more positively to their success, than those subjects, who were told good news, when they sat bent over and relaxed [Stepper & Strack 1993]. In another experiment the subjects were presented with pictures that cause positive and negative emotions. Two groups of subjects received different instructions: one group had to pull the joystick on itself at each appearance of an incentive, and another – to push the joystick from itself. In the first group the rate

of reaction to positive stimuli was higher, and in the second group, on the contrary, the rate of reaction was higher to negative stimuli [Duckworth et al. 2002].

These experiments demonstrate that there is a direct link between the bodily expression of emotions and perceiving and interpretation of emotional information. Darwin also defined an attitude (predisposition of the subject to a certain social behavior) as a set of movements (mainly poses) that accompany the emotional response of the body to the object [Darwin et al. 1998]. Therefore, it assumes that he would not be surprised that the body is involved in receiving and using social attitudes and preferences. The following modern scientific data are in agreement with Darwin's ideas: 1) when people take postures that are characteristic for certain emotions, they begin to experience these emotions; 2) when people use facial expressions or emotional gestures, it affects their preferences and attitudes; 3) when people are encouraged to make movements, there is interference of motor activity in the experience of emotions and the processing of emotional information [Niedenthal et al. 2005]. Studies of the causal relationship between the embodiment and experience of emotions as well as the emergence and use of information about emotional states are the main object of interest in different areas of psychology, neuroscience and cognitive sciences in general.

Emotions and theory of embodied cognition

Studies of complex models of emotional information processing are only developing at present. Previously such models have received little attention, which is an omission, because emotional information determines the focus of human attention [Ohman et al. 2001], the availability of the meanings of words, principles of organization of data keeping in memory [Nygaard & Lunders 2002; Niedenthal et al. 1999]. For many scientists, the work with emotions as a field of research was extremely difficult.

To overcome these difficulties, a number of scientists have found a way out – to put emotions outside the models, that is, to refuse to study them. In the classical models of information processing, which arose in the bosom of cognitive sciences, the motor, sensory and emotional experience is described as devoid of empirical and perceptual basis. In the models implementing the metaphor of “brain as a computer,” the information obtained from different modalities is presented in memory symbolically. Information is stored in a way that is function-

ally separate from the nervous system, which originally encodes this information, although the nervous system itself is involved in the processes of perception in separate modalities [Fodor 1975; Newell 1980; Barsalou 1999; Barsalou 2003]. Such models of information processing replace information about emotions with equivalent information about other processes that occur simultaneously or in parallel with emotional processes. These models do not take into account the priority and role of emotions in the processing of information. It turns out that affective, sensory and motor systems are not required for thinking or using language, which is not consistent with modern data.

But there is another approach to the study of information processing, which can be called holistic approach and combines different concepts under the title “theory of embodied cognition.” This approach is based on modern data and technological innovations, but it is based at the same time on a well-known idea [Prinz 2002]. This idea is that high-level cognitive processes (such as thinking) use partial reactivation of states of other systems, namely affective, sensory and motor systems [Wilson 2002]. In other words, there is something that is in the basis of the knowledge about the object that are the primary states of the nervous system that appear at the moment when the information has just been received. If this position reflects real processes, then the use of information is partially similar to the experience of past practices enriched by information from different modalities. The hypothesis is that the brain “snatches out” the characteristics of the modalities, compares them with the characteristics stored in memory and, in case of coincidence, memory mechanisms are triggered, and the subject receives knowledge related to similar situations from past experience.

The theories of embodied cognition are now used to provide precise evaluation of emotions and to process information relating to emotions [Niedenthal & Barsalou 2005; Damasio 1994]. With their help, it was revealed that the experience of emotions, perception of emotional stimuli and the restoration of emotions in memory include many overlapping processes. Perception of an emotional stimulus, such as a roaring tiger, includes, among other things, visual and auditory perception and the conscious sense of fear of the tiger. Together, nervous, bodily and subjective experiences can be called “fear” of the perceived (although the same patterns can be called “arousal” for another perceived object or in another context). Sets of neurons in modal-specific sensory, motor, and affective systems are strongly related, and their activation

supports the integral and multimodal experience associated with the perception of tiger.

Later, even when remembering a meeting with a tiger, the nervous states that are responsible for the visual image of the tiger can be activated again. Restoring a combination of neurons in one network can cause cascading reactions in other systems and eventually cause a complete pattern. Due to the relationships between sets of neurons that were active during the initial experience, a partial multimodal reproduction of this experience occurs [Damasio 1989; Barsalou et al. 2003]. Critical to this observation is the fact that only part of the initial state is reactivated, since the attention is selective and the individual focuses only on certain aspects of the experience that are currently most significant. And exactly these aspects of the experience will be retained in memory for further reproduction [Barsalou 2003]. Since emotions are the component that provides the power of experience, they are “convex” and functional (provide adaptive function), so they will certainly be stored in memory [Niedenthal et al. 1999].

In the theories of embodied cognition, using knowledge in the processes of reproduction from memory (recollection), drawing conclusions and making plans, the knowledge is called “embodied,” since supposedly incomplete but cognitively useful reproduction occurs within the framework of the original sensorimotor systems, as if the individual was here and now in some situation or had an object of reflection [Gallese 2003]. The embodiment of anger can include tension in the muscles used to strike, the innervation of specific facial muscles to form a grin, and even the rise of diastolic blood pressure.

The concept of reproducibility and similar concepts such as simulation, resonance and emulation are widely used in the theories of embodied cognition, but very different mechanisms are proposed for them [Gallese & Lakoff 2005]. One possible explanation is that the simulation is provided by the work of “mirror neurons” or even the whole “mirror neural system,” which displays the links between the observed and reproducible actions. In any case, there is disagreement about the localization of these neurons, the possibility of connecting them to the system, the need to allocate them to a separate class of neurons (perhaps ordinary neurons can perform the function of “mirror,” if necessary). The original work on mirror neurons revealed the special role of neurons localized in the posterior parietal and posterior frontal cortex, which were activated simultaneously when the monkey performed actions and when it observed the actions of another monkey

or human [Gallese et al. 2004]. The findings of this work were immediately extended to people. Some scientists argue that people have discovered the “mirror neuron area,” located around the area of Brodman 44 (the human analog of area F5 in monkey's brain). This zone of mirror neurons can be responsible for complex operations, such as mapping the relationship of themselves and others, or differentiation between intentional or unconscious actions. But it has raised rather than solved more questions about the architecture of embodied cognition. Identifying the features of the underlying architecture of this mechanism will be a critical challenge for neuroscience in the coming years.

Perception of emotions

One of the hypotheses concerning emotions is that the perception of emotional meaning – the identification of the facial expression of an emotion or the meaning of the words “growling tiger” – includes the embodiment of an implied emotion [Adolphs 2002]. Currently significant empirical data are found in favor of this hypothesis. In one study subjects inhaled substances that evoked the emotion of disgust [Wicker et al. 2003]. The same subjects then watched a video of other people being disgusted. As a result, it was found that in both cases the same areas of the cerebral cortex are activated. A neuroimaging study found that two processes – recognizing facial expressions of another person's emotions and experiencing the same emotion on their own – involve overlapping neural circuits.

Also behavioral studies have shown that the imitation of another person's poses and gestures caused typical emotions for these actions [Chartrand & Bargh 1999]. The theory of embodied cognition offers theoretical grounds for explaining these processes: the imitation of emotional expressions of another individual is a part of the bodily reproduction of the experience of the state of another individual. When imitation of emotions occurs smoothly, it serves as the basis for the emergence of empathy [Decety & Jackson 2004]. Imitation of facial expressions of a communication partner improves communication, and sometimes this means that over time partners begin to resemble each other, because they constantly use the same facial muscles, as stated in one of the studies [Zajonc et al. 1987]. There is also evidence that errors in emotional simulation processes, such as those in autistic patients, are associated with significant problems in social interaction [McIntosh et al. 2006].

The new section of philosophical research called “mindreading” is also engaged in researches of the processes of the modeling/simulation of mental activity (mainly reasoning) of another person. In the interpretation of the mindreading there are many different points of view and approaches, which are conventionally combined into two large groups: theory theory (TT) and simulation theory (ST). Theory theory is an approach to the explanation of mental activity of the subject, which dominated in the philosophy of consciousness until recently. According to this approach, our understanding of the thinking of others is based on the theory of “common sense” psychology (folk psychological theory), which in turn represents a set of generalizations and concepts, both meeting the needs of everyday life [Churchland 1991]. On the basis of this theoretical knowledge, the subject creates particular rules and patterns that allow to explain the intellectual behavior of another. Initially, in the tradition of positivism, these laws and rules were interpreted as a literal analogue of scientific laws or empirical generalizations, in recent years they are often interpreted as hidden, implicit laws. Quite often it is believed that these naive psychological theories are internalized by children at an early age in the learning process [Carruthers 1996].

Recently simulation theory has been actively developed as an alternative to TT. According to ST mindreading is not provided by some naive psychological theory but by “the resources of our own consciousness to simulate others” [Davies & Stone 1995]. Both of these theories can also be considered to explain the mechanisms of emotion simulation.

It is interesting to note that recently a group of scientists published data that in the amygdala of chimpanzees was found a group of neurons, which are called “simulation neurons.” The main function of these neurons is to participate in the simulation of decision-making process of partners in social interaction by converting the value of objects in the prediction of the future choice of a partner. Watching their social partners, primates learn about the value of the reward for choosing an object. It was found that the neurons of the amygdala of primates are involved in the process of receiving the values of objects from observations and using these values to simulate the decision-making process of monkey-partner. In the experiment chimpanzees took turns choosing objects based on the value of the reward, at this time, the neurons of the amygdala of each of the monkeys coded object-specific values obtained from observations. Further these values as a result of certain patterns of neuronal activity were transformed in the representation

of recorded choices of the monkey itself. It was found that the same patterns of activity developed spontaneously before choosing a partner in individual neurons, as if these neurons were simulating partner decision-making. These “neurons of simulation” encode signatures of computation of mutual prohibition decisions, including comparing values and converting values to the choice that led to accurate predictions of partner’s choices. Population decoding has established the role of amygdala in this process. Biophysical modeling of the contours of the amygdala showed that the simulation neurons in natural way occur by convergence between the neurons responsible for the evaluation of the object and other neurons. By simulating decision-making process during observation these neurons allow primates to reconstruct the mental states of their social partners [Grabenhorst et al. 2019].

An important consequence of the ability to simulate emotions is their importance for learning processes through observation. When learning is carried out by observation, the positive and negative consequences of behavior are mastered in the process of observing the behavior of another person. Recent data obtained by imaging on fMRI revealed similar changes in brain activity in subjects-women in two different situations – with pain stimulation applied to their hands and in a situation where the stimulation was directed at the hands of their partners [Singer et al. 2004]. This suggests that learning through observation is supported by the observer through the reproduction of the emotional experience of the model. This hypothesis needs to be investigated for cases of unsupervised learning and by reading the instruction, however, a possible explanation may be a similar simulation mechanism, which is underlying the learning. In the case of learning by instruction, neither the person nor the other person experiences pain or pleasure. When children learn not to put their fingers in the socket or carefully cross the street, they are not taught this directly, their behavior is guided by verbal instructions. Therefore, they should be able to experience the emotion when they meet its description in the language. Consistent with this hypothesis, the modern studies of the activation of the amygdala in the processes of conditional teaching, observed teaching and teaching by instructions for causing fear situations have found that the emotional processes that accompany all three types of learning are similar [Phelps et al. 2001].

Emotions and memory, thinking, language

Laboratory studies have shown that the use of emotional information stored in memory includes embodiment [Niedenthal et al. 2009].

In one study, the subjects made judgments (answers “Yes” and “No”) about whether the words related to specific objects (for example, “child,” “slug”) with any emotions. Then the objects were arranged by other subjects on the strength of their connection with any emotion – joy, disgust, anger or with any other emotions. The activity of four facial muscles was recorded during the task using electromyography. In another study, the same method was used, but the words were associated with abstract concepts, there were adjectives that described affective states (“joyful,” “angry”).

As a result, both studies showed that people embodied a suitable specific emotion, which was demonstrated by their facial expressions, when made a decision. The results showed that the subjects took very little time to decide that the “slug” refers to the emotion (less than three seconds) and they expressed disgust on their faces. Subjects made their conclusions on the basis of the physical embodiment of reference objects or emotional states. Additional confirmation of this fact are the data obtained in the second part of the study – the subjects from the second group were asked to answer the question – whether the words are written with a capital letter (“Yes” for a capital letter). In order to make such a conclusion, the subjects did not need to physically experience the emotional meaning of the words, which was shown – these subjects did not demonstrate a systematic activation of the facial muscles. The same conclusions were obtained in other studies – if information can be processed simply on the basis of associative or perceptual processes, embodiment does not occur [Solomon & Barsalou 2004; Strack et al. 1985].

The study of the costs of the switching between sensory modalities and areas of emotion has provided an additional evidence of the embodiment of emotional concepts. Studies have shown that switching from processing in one modality to processing in another involves time costs: subjects spent more time processing the location of visual stimuli if they previously processed the location of auditory stimuli than if the stimuli for processing were in the same modality [Spence et al. 2001]. The cost of switching between modalities was also discovered by the compliance of a conceptual task – people have identified the typical characteristics of categories of objects slower, if these characteristics were from different modalities [Pecher et al. 2003]. Subjects needed more time to determine that the “bomb is loud” if they had previously given characteristics to objects in another modality, for example, in the modality of taste sensations (“sweet chocolate”). But if earlier they

determined the characteristics of objects in one modality (modality of sound sensations), then they needed less time to move from “bomb loud” to “crunchy flakes.” This confirms the forward hypothesis by the theories of embodied cognition that people simulate objects in similar modalities when using them in language or thinking.

Vermeulen investigated the costs of switching between modalities in determining the properties of positive and negative abstract concepts (“triumph,” “sacrifice”) [Vermeulen et al. 2007]. The properties of these concepts were taken from the modalities of vision, hearing and affective system. Vermeulen estimated the costs of switching from one modality to another for neutral concepts as well as the costs for switching for positive and negative concepts. The study showed similar results to those described above. The reaction time and the number of errors (costs) were greater for positive and negative concepts in determining their properties from different modalities than in determining the properties from one modality. This effect was observed when subjects switched from affective to sensory modality, and vice versa. Switching costs increased if the subjects needed to determine that the “victim” could be “shocked” if the previous task required to determine that the “spider” could be “brown.” But the costs did not increase if the previous task was about the “desperate orphan.” These data can serve as evidence that affective properties of concepts are simulated in the emotional system at the moment when these properties are the object of active reflection, and that they participate in thinking “here and now” [Vermeulen et al. 2007].

Research data of theories of embodied cognition regarding language provide an opportunity to argue that understanding of language is partly associated to the embodiment of the conceptualization of the described situations [Glenberg & Robinson 2000]. The first step in understanding language is to specify words or phrases that describe embodied states related to objects. Then the observer simulates possible actions with objects. Finally, a message is understood when a consistent set of actions is created.

The evidence that supports such representations of the understanding of emotional language was introduced 20 years ago, although a complete model that interprets all facts has not been developed. In the study, subjects clamped a pen between their teeth while performing a laboratory task, which included making a rating of the most ridiculous cartoons [Strack et al. 1988]. The holding pen in the mouth this way covertly forced the subjects to smile. Other subjects were given

the task of holding the pen between their lips and were forbidden to touch it with their teeth, so being deprived of the opportunity to smile. The results showed that those subjects who were forced to smile rated cartoons as more funny than those subjects who could not smile. We can say that those subjects who smiled “grasped” the meaning of cartoons better or easier than those subjects who could not smile [Larsen & Kasimatis 1992].

Currently there are studies confirming the role of emotion simulation in understanding the meaning of sentences [Havas & Glenberg 2007]. The idea behind the study was that if understanding sentences with emotional meaning requires a partial replay of the emotional states of the body, then playing congruent (or non-congruent) emotions should promote (or interfere) understanding of the language. The subjects had to evaluate whether the sentence describes a pleasant or unpleasant event, simultaneously holding a pen in the teeth or between the lips. The reading time for understanding sentences describing pleasant events was shorter for those subjects who were inclined to smile. On the contrary, the time to understand sentences describing unpleasant events was shorter for those subjects who could not smile. The same effect was observed in the second series of experiments when the subject had to assess whether the proposal is easy or difficult to understand.

Conclusion

The study of relationships and interactions between the embodiment of emotions, emotion experience, the emergence and use of information about emotions are pivotal in various areas of neuroscience, cognitive sciences and philosophy of consciousness. The theory of embodied cognition takes a new look at the role of emotions in perception, thinking, speech and as a result reflects the position of postmodern philosophy, which made a return to physicality and sensuality. However, the features of the architecture of embodied cognition remain unclear, and the discoveries of recent years (mirror neurons, simulation neurons) rather raise new questions and require further research.

Early criticism of the theory of embodied cognition argued that feedback from the body is very slow and poorly defined to reflect emotional experience [Cannon 1927]. In fact, the motor system alone can support the definition of very subtle differences. But more importantly theories of embodied cognition avoid such criticism by focusing on systems based on brain-specific modalities not just motor and nervous systems. The patterns of interaction of neurons in modal-specific areas

of the brain are fast, complex and capable to handle a huge number of states. These states can be reactivated without the need to observe the consequences explicitly (in the form of demonstrated behavior). But we must understand that in order to create a theory that can promote the study of learning processes, understanding of language, techniques of psychotherapy, social attitudes and stereotypes, it is not enough just to name and describe several psychological phenomena – it is necessary to understand the underlying mechanisms and offer a suitable methodology.

REFERENCES

Adolphs R. (2002) Recognizing Emotion from Facial Expressions: Psychological and Neurological Mechanisms. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Review*. Vol. 1, no. 1, pp. 21–62.

Barsalou L.W. (1999) Perceptual Symbol Systems. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 22, no. 4, pp. 577–660.

Barsalou L.W. (2003) Situated Simulation in the Human Conceptual System. *Language and Cognitive Processes*. Vol. 18, no. 5–6, pp. 513–562.

Barsalou L.W., Niedenthal P.M., Barbey A., & Ruppert J. (2003) Social Embodiment. In: Ross B. (Ed.) *The Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory* (vol. 43, pp. 43–92). San Diego, CA: Academic Press.

Cannon W.B. (1927) The James-Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory. *The American Journal of Psychology*. Vol. 39, no. 1/4, pp. 106–124.

Carruthers P. (1996) Simulation and Self-Knowledge: A Defence of Theory-Theory. In: Carruthers P. & Smith P.R. (Eds.). *Theories of Theories of Mind* (pp. 22–38). Cambridge: Cambridge University Press.

Chartrand T.L. & Bargh J.A. (1999) The Chameleon Effect: The perception–behavior link and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 76, no. 6, pp. 893–910.

Churchland P.M. (1991) Folk Psychology and the Explanation of Human Behavior. In: Greenwood J.D. (Ed.). *The Future of Folk Psychology* (pp. 51–69). Cambridge: Cambridge University Press.

Damasio A.R. (1989) Time-Locked Multiregional Retroactivation: A Systems-Level Proposal for the Neural Substrates of Recall and Recognition. *Cognition*. Vol. 33, no. 1–2, pp. 25–62.

Damasio A.R. (1994) *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York: Grosset/Putnam.

Darwin C., Ekman P., & Prodger P. (1998) *The Expression of the Emotions in Man and Animals* (3rd ed.). London: Harper Collins.

Davies M. & Stone T. (1995) Introduction. In: Davies M. & Stone T. (Eds.) *Mental Simulation* (pp. 1–18). Oxford: Blackwell.

Decety J. & Jackson P.L. (2004) The Functional Architecture of Human Empathy. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Review*. Vol. 3, no. 2, pp. 71–100.

Duckworth K.L., Bargh J.A., Garcia M., & Chaiken S. (2002) The Automatic Evaluation of Novel Stimuli. *Psychological Science*. Vol. 13, no. 6, pp. 513–519.

Fodor J. (1975) *The Language of Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gallese V. (2003) The Roots of Empathy: The Shared Manifold Hypothesis and the Neural Basis of Intersubjectivity. *Psychopathology*. Vol. 36, no. 4, pp. 171–180.

Gallese V., Keysers C., & Rizzolatti G. (2004) A Unifying View of the Basis of Social Cognition. *Trends in Cognitive Science*. Vol. 8, no. 9, pp. 396–403.

Gallese V. & Lakoff G. (2005) The Brain's Concepts: The Role of the Sensory-Motor System in Conceptual Knowledge. *Cognitive Neuropsychology*. Vol. 22, no. 3–4, pp. 455–479.

Glenberg A.M. & Robinson D.A. (2000) Symbol Grounding and Meaning: A Comparison of High-Dimensional and Embodied Theories of Meaning. *Journal of Memory and Language*. Vol. 43, no. 3, pp. 379–401.

Grabenhorst F., Báez-Mendoza R., Genest W., Deco G., & Schultz W. (2019) Primate Amygdala Neurons Simulate Decision Processes of Social Partners. *Cell*. Vol. 177, no. 4, pp. 986–998. DOI: 10.1016/j.cell.2019.02.042

Havas D., Glenberg A.M., & Rinck M. (2007) Emotion Simulation during Language Comprehension. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 14, no. 3, pp. 436–441.

Larsen R., Kasimatis M., & Frey K. (1992) Facilitating the Furrowed Brow: An Unobtrusive Test of the Facial Feedback Hypothesis Applied to Unpleasant Affect. *Cognition and Emotion*. Vol. 6, no. 5, pp. 321–338.

McIntosh D.R., Reichmann-Decker A., Winkielman P., & Wilbarger J. (2006) When the Social Mirror Breaks: Deficits in Automatic, but not Voluntary, Mimicry of Emotional Facial Expressions in Autism. *Developmental Science*. Vol. 9, no. 3, pp. 295–302, 2006.

Newell A. (1980) Physical Symbol Systems. *Cognitive Science*. Vol. 4, no. 2, pp. 135–183.

Niedenthal P.M., Halberstadt J.B., Innes-Ker A.H. (1999) Emotional Response Categorization. *Psychological Review*. Vol. 106, no. 2, pp. 337–361.

Niedenthal P.M., Barsalou L.W., Ric F., & Krauth-Gruber S. (2005) Embodiment in the Acquisition and Use of Emotion Knowledge. In: Barrett L.F., Niedenthal P.M., & Winkielman P. (Eds.) *Emotion and Consciousness* (pp. 21–50). New York: Guilford Press.

Niedenthal P.M., Winkielman P., Mondillon L., & Vermeulen N. (2009) Embodiment of Emotion Concepts. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96, no. 6, pp. 1120–1136.

Nygaard L.C. & Lunders E.R. (2002) Resolution of Lexical Ambiguity by Emotional Tone of Voice. *Memory & Cognition*. Vol. 30, no. 4, pp. 583–593.

Ohman A., Flykt A., & Esteves F. (2001) Emotion Drives Attention: Detecting the Snake in the Grass. *Journal of Experimental Psychological Genetic*. Vol. 130, no. 3, pp. 466–478.

Pecher D., Zeelenberg R., & Barsalou L.W. (2003) Verifying Different-Modality Properties for Concepts Produces Switching Costs. *Psychological Science*. Vol. 14, no. 2, pp. 119–124.

Phelps E.A., O'Connor K.J., Gatenby J.C., Gore J.C., Grillon C., & Davis M. (2001) Activation of the Left Amygdala to a Cognitive Representation of Fear. *Natural Neuroscience*. Vol. 4, no. 4, pp. 437–441.

Prinz J.J. (2002) *Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis*. Cambridge, MA: MIT Press.

Singer T., Seymour B., O'Doherty J., Kaube H., Dolan R.J., & Frith C.D. (2004) Empathy for Pain Involves the Affective but not Sensory Components of Pain. *Science*. Vol. 303, no. 5661, pp. 1157–1162.

Solomon K.O. & Barsalou L.W. (2004) Perceptual Simulation in Property Verification. *Memory and Cognition*. Vol. 32, no. 2, pp. 244–259.

Spence C., Nicholls M.E., & Driver J. (2001) The Cost of Expecting Events in the Wrong Sensory Modality. *Perceptual Psychophysiology*. Vol. 63, no. 2, pp. 330–336.

Stepper S. & Strack F. (1993) Proprioceptive Determinants of Emotional and Nonemotional Feelings. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 64, no. 2, pp. 211–220.

Strack F., Schwarz N., & Gschneidinger E. (1985) Happiness and Reminiscing: The Role of Time Perspective, Affect, and Mode of Thinking. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 49, no. 6, pp. 1460–1469.

Strack F., Martin L.L., & Stepper S. (1988) Inhibiting and Facilitating Conditions of the Human Smile: A Nonobtrusive Test of the Facial Feedback Hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54, no. 5, pp. 768–777.

Vermeulen N., Niedenthal P.M., & Luminet O. (2007) Switching between Sensory and Affective Systems Incurs Processing Costs. *Cognitive Science*. Vol. 31, no. 1, pp. 183–192.

Wicker B., Keysers C., Plailly J., Royet J.P., Gallese V., & Rizzolatti G. (2003) Both of Us Disgusted in My Insula: The Common Neural Basis of Seeing and Feeling Disgust. *Neuron*. Vol. 40, no. 3, pp. 655–664.

Wilson M. (2002) Six Views of Embodied Cognition. *Psychonomic Bulletin Review*. Vol. 9, no. 4, pp. 625–636.

Zajonc R.B., Adelman P.K., Murphy S.T., & Niedenthal P.M. (1987) Convergence in the Physical Appearance of Spouses. *Motivation and Emotion*. Vol. 11, no. 4, pp. 335–346.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

Философский журнал как пространство междисциплинарного и межпоколенческого диалога

Встреча шеф-редактора «Философских наук»
Хачатура Мариносяна с новыми авторами

Н.Б. Афанасов

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-139-150

Статья-мнение

Аннотация

Статья представляет собой размышление на тему научной коммуникации и формы представления результатов исследования в виде журнальных публикаций. Отправным пунктом для размышления стала состоявшаяся 28 марта 2019 года встреча шеф-редактора журнала «Философские науки» Хачатура Мариносяна с начинающими исследователями. Главным образом мероприятие было посвящено вопросам структуры репрезентации современного знания, решающую роль в которой продолжает играть научный журнал, выступающий в качестве особого феномена интеллектуальной культуры. Рассмотрение работы журнальной институции проводится, исходя из коммуникативной перспективы. Помимо основной темы научной коммуникации, в ходе диалога были затронуты актуальные для институционального функционирования знания вопросы эйджизма, междисциплинарности, трансмедийности, формализации знания, международной унификации и индексации журнальной работы. Встреча, представлявшая собой непривычный для современной российской науки формат, вызвала интерес у профессионального сообщества. Партнером в ее организации выступил сектор социальной философии Института философии РАН. Об актуальности и своевременности «диалогичного» подхода к функционированию науки свидетельствует состав участников – начинающих ученых из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института философии РАН, к которым также присоединились независимые исследователи,

не имеющие институциональной позиции в академических учреждениях, но занимающиеся исследовательской деятельностью. Важнейшим итогом встречи стал тезис о возможности и необходимости тематического обновления гуманитарного и, в особенности, философского знания силами начинающих перспективных авторов, к чему должна быть готова редакция журнала, если она хочет сохранить его ведущий статус и идти в ногу со временем.

Ключевые слова: научный журнал, философский журнал, коммуникация, междисциплинарность, эйджизм, трансмедийность, интеллектуальная культура.

Афанасов Николай Борисович – младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

n.afanasov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-9183-3849>

Для цитирования: *Афанасов Н.Б.* (2019) Философский журнал как пространство междисциплинарного и межпоколенческого диалога (Встреча шеф-редактора «Философских наук» Хачатура Мариносяна с новыми авторами) // *Философские науки.* 2019. Т. 62. № 5. С. 139–150. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-139-150

Philosophical Journal as a Space for Interdisciplinary and Intergenerational Dialogue

Notes on the Meeting of the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of the Philosophical Sciences* Khachatur Marinossyan with New Authors

N.B. Afanasov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-139-150

Original research paper

Abstract

The article presents the author's reflection on the topic of scientific communication and forms of presentation of scientific results in the form of journal publications. As a starting point for reflection served the meeting that took place on March 28, 2019 held by the editor-in-chief of the *Russian Journal of Philosophical Sciences* Khachatur Marinossyan with new researchers. The event was mainly devoted to the structure of the representation of modern knowledge, a crucial role in which is continued to be played by a scientific journal that should be considered as a special phenomenon of intellectual culture. The operation of a journal is considered from

the communicative perspective. In addition to the main topics of scientific communication, during the meeting some relevant to the institutional functioning of knowledge topics were also discussed: ageism, interdisciplinarity, transmedia, formalization of knowledge, international unification and formal indexation of journals. The meeting, which format was unusual for contemporary Russian science, aroused the interest of the professional community. The relevance and just-in-time character of the “dialogical” approach to the functioning of science was evidenced by the participants. The Social Philosophy Department of the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences hosted the meeting, which was attended by the beginning scientists from Lomonosov Moscow State University, National Research University Higher School of Economics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and independent researchers who do not have an institutional position in academic institutions but are engaged in research activities. The most important conclusion of the meeting is that there are the possibility and necessity of thematic updating of humanitarian and, in particular, philosophical knowledge by the work of beginning but promising authors, and editorial boards should be ready to that if they want to maintain journal’s leading status and keep up with the times.

Keywords: scientific journal, philosophical journal, communication, transdisciplinary, ageism, transmedia, intellectual culture.

Nikolai B. Afanasov – Junior Research Fellow at the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

n.afanasov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-9183-3849>

For citation: Afanasov N.B. (2019) Philosophical Journal as a Space for Interdisciplinary and Intergenerational Dialogue (The Meeting of the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of the Philosophical Sciences* Khachatur Marinosyan with New Authors). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 139–150.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-139-150

Введение

Одним из центральных вопросов для производства научного знания является вопрос коммуникации между учеными. Эта проблема особенно остро встает с формированием института науки в его современном виде, когда сложность задачи наукообразного понимания реальности превышает возможности отдельного человека самостоятельно, в одиночку с ней справиться: эпоха последних «универсальных гениев» ушла вместе с XVIII в. [Сафрански 2018, 17–18], но это не значит, что в наше время про-

цесс исследования обесценивается, становится менее увлекательным и важным. Скорее наоборот, калейдоскопичность «текучих» образов современности требует как никогда точного, строгого и вдумчивого взгляда. Для публичного выражения мысли об окружающей действительности требуется особая форма, которой становится формат журнальной статьи.

Любой современный научный журнал, который в данном контексте оправданно рассматривать в качестве ключевого «феномена интеллектуальной культуры» (1), представляет собой весьма сложную структуру. В рамках наукометрической систематизации и унификации форм представления знания издание должно адаптироваться к предъявляемым формальным требованиям: иметь внятную тематическую политику, следить за показателями оригинальности статей, оформлением рукописей, качеством рецензирования, стремиться к расширению «географии» авторов. Все это, безусловно, важно и даже необходимо, если мы всерьез думаем о науке. Наше, как авторов, так и редакторской команды, честное следование зачастую обременительным требованиям демонстрирует именно уважение к задаче познания, в которую включается и искусство презентации исследованного [West et al. 2017, 195]. Об этом не следует забывать.

Философский журнал

Впрочем, полагать, что все журналы одинаковы и отличаются только названиями и тематической направленностью, было бы наивно. По меньшей мере, следует рассматривать философские журналы, и именно они интересуют нас в рамках нашей работы, как представляющие отдельную категорию. Для них, как и для естественнонаучных изданий, будут иметь такое же значение институт репутации, индексация в базах данных и многое другое. Однако специфика философского знания накладывает содержательный отпечаток, отражающийся, по меньшей мере, уже в словосочетании «философский журнал»: это журнал, *где философия или о философии?* Чрезмерная специализация, на сегодняшний день присущая точным дисциплинам, уже стала предметом рефлексии над наукой и ее будущим [Maxwell 2017, 249]. Но, рискнем предположить, что аристократичность философии парадоксально сохраняет демократизм заинтересованности: не нужно быть тонким специалистом, к примеру, в акторно-сетевой теории, чтобы интересоваться результатами ее применения. Не обязательно быть

знатоком арабской мысли X в., чтобы чтением посвященных ей исследований обогатить свои представления об Аристотеле.

Специализированные философские журналы, созданные по образцу естественнонаучных, есть, и они представляют большой интерес для экспертов, являются значимым подспорьем в исследовательской практике, но все пространство философской мысли не может и не должно распадаться на изолированные области. Поэтому к вопросу внутренне-научного, частного взаимодействия между специалистами добавляется проблема общеполитической коммуникации. Она может решаться различными способами, в числе которых смягчение рамок тематической редакционной политики и расширение форм публикаций присутствующих в журнале. Круглые столы, обзоры конференций, даже философские эссе, которые для современной наукометрии могут казаться бессмысленными, обогащают сферу общения и взаимодействия ученых и делают его реальным [Пружинин 2014]. Диалогичность мышления неотделима от самого феномена знания, но, чтобы диалог состоялся, участники по меньшей мере должны находиться на равных позициях и иметь возможность высказаться.

На этом этапе в научный процесс вступают трудно квантифицируемые факторы, связанные с тем, что философию и науку создают живые люди. И, особенно если они только начинают свой исследовательский путь, им бывает сложно сориентироваться в мире подачи рукописей к печати, оформления *references* и редакторских правок к статьям. Автор, сам принадлежащий к их числу, мог бы добавить, что порой бывает сложно или, лучше сказать, «неловко» даже подать статью к публикации в престижный журнал с историей и репутацией, потому что до самого последнего момента не оставляют сомнения об успешности всего мероприятия в целом. Мир реальной, «взрослой» науки может представляться и многим в действительности кажется закрытым, герметичным и чужим. Однако, если бы все обстояло именно так, это было бы абсурдно по своей сути.

Диалог с авторами

28 марта 2019 г. была организована встреча «молодых» авторов с шеф-редактором издания Хачатуром Эмильевичем Мариносяном. Мероприятие дистанцировалось от жесткой регламентации, что можно определить и как издержки формата, не претендующего на производство нового знания. Оно было, в сущности, посвяще-

но одной важной проблеме – налаживанию диалога редакции с потенциальными авторами, многие из которых только начинают свой путь в философии. Помимо этого в процессе дискуссии были затронуты и менее прикладные вопросы коммуникации ученых с периодическими изданиями вообще. Местом проведения было выбрано ведущее российское исследовательское учреждение, специализирующееся на философии, – Институт философии Российской академии наук. Ответственность за организацию встречи и приглашение заинтересованных исследователей взял на себя руководитель сектора социальной философии Александр Владимирович Павлов, который также выступил модератором дискуссии. Формат отвечал задачам мероприятия: в первой части Хачатур Мариносян рассказал о журнале и его задачах, а во второй предложил задать любые интересующие авторов вопросы. Состав участников при этом отнюдь не был однородным, что свидетельствует об интересе к участию в работе современной науки: присутствовали представители Института философии, преподаватели, аспиранты и даже студенты старших курсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исследователи из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, независимые авторы.

Так как встреча не была собранием докладов и выступлений, из прозвучавшего имеет смысл отдельно выделить и рассмотреть ряд ключевых тем. Однако перед этим нужно внести ясность в определение того, кому главным образом была адресована презентация. При организации мероприятия и в начале общения использовался термин «молодой автор». Очевидно, что за его употреблением не стояло намерения создать или зафиксировать иерархию в философской среде. Однако, как заметил Александр Павлов, такое словоупотребление может восприниматься в качестве дискриминации по возрасту или «эйджизма», который несмотря ни на что имеет место не только в обыденной жизни, но, пусть и в меньшей степени, присутствует в научной деятельности [Клепикова, Колосницyna 2015, 70]. Причем негативная трактовка может быть направлена в обе стороны: как приоритет «молодым» авторам в ущерб остальным, так и как принципиальное непризнание за начинающими исследователями равного «немолодым» статуса. От возраста ученого как релевантной категории в науке необходимо преимущественно абстрагироваться,

тем более что речь шла совершенно о другом. В качестве предложения была выдвинута идея использовать определение «новый автор», возможностей для негативных трактовок которого куда меньше.

Хачатур Мариносян с целью обрисовать поле деятельности журнала и качественно определить тот научный продукт, который хотела бы получить в качестве рукописей статей редакция, предложил небольшой экскурс в историю «Философских наук». Философское пространство в России в силу исторических событий XX столетия не имеет большого количества философских журналов, чья история насчитывает более нескольких десятилетий. Старейшие непрерывно издающиеся на территории страны журналы – это «Вопросы философии», основанные в 1947 г., и «Философские науки», первый номер которых был опубликован в 1958 г. Однако, если «Вопросы философии» сразу же выходили под известным нам сегодня заглавием, то «Философские науки» до 1962 года назывались «Научные доклады высшей школы. Философские науки». Вторую часть названия вынесли вперед позднее, а «Философскими науками» издание стало лишь в 1987 г.

Изначально журнал задумывался как многопрофильное издание, посвященное главным образом проблемам широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин, и, в первую очередь, философии. При этом воспроизводилась классическая установка на публикацию результатов прироста нового знания, получаемых в учреждениях высшей школы, где преподавание должно осуществляться на переднем крае науки, и сами студенты наравне с профессорами участвуют в исследовательской деятельности [Шельски 2013, 77]. Журнал должен был стать площадкой коммуникации для тех, кто занимается наукой. Вторая часть духа «Философских наук», которой является «многопрофильность», содержательно важна в контексте замысла редакции. Во-первых, передний край современного знания смещается в сторону междисциплинарности [Rip, Elzinga 2002, 108–110], а, во-вторых, появляются новые предметы рассмотрения, требующие философского анализа. В качестве примера реально функционирующего плюрализма обозреваемых на страницах издания тем шеф-редактор привел традицию посвящать каждый девятый номер «Философских наук» французской мысли, где зарубежные авторы публикуют свои статьи наравне с отечественными специалистами.

Перспективные направления работы

В качестве подтверждения верности особой актуальности потребности в площадке для публикаций междисциплинарных, философски осмысляющих современность и метарефлексивных по отношению к другим дисциплинам статей, следует привести реплику доцента факультета права НИУ ВШЭ Юлии Владимировны Ерохиной, поделившейся проблемой, с которой столкнулась в рамках своей работы. Юлия Ерохина занимается теоретическими вопросами реабилитации и реинтеграции в социум заключенных после их освобождения. Находясь в тесных рамках теории права и специализированных юридических журналов, полноценно высказаться об этом практически невозможно. Формализм и специализация накладывают свои ограничения на реальное исследование. Многим из нас это знакомо. Скажем больше, постановка исследовательского вопроса в рамках одной дисциплины слишком сильно зависит от принятого канона и подчас может мешать исследователю, если он, во-первых, стремится дойти до сути, а, во-вторых, хочет сказать что-то новое. Ведь работа с предельными вопросами – это задача философии, важность которой нельзя упразднить до тех пор, пока нас беспокоит познание и истина.

Появление новых предметов философского рассмотрения связано с трансформациями общества под влиянием развития капитализма и новых технологий. Уже многие десятилетия процесс является очевидным, но приблизило ли это нас к его реальному пониманию, к осознанию его последствий? Скорее можно констатировать ситуацию, когда мир предлагает человеку и исследователю решать с каждым разом все более сложные и многообразные задачи. Это вызов для философии, когда будущее становится не только неизвестным, но наступает настолько быстро и незаметно, что времени на адаптацию к новым условиям остается исчезающе мало [Урри 2018, 260]. Просветительская задача, которая также входит в цели журнала, не должна отходить на второй план. «Культурный поворот» в социальных науках, произошедший в конце 80-х годов XX столетия [Alexander 1988], отвечал общественным новациям, которые включали в себя дробление некогда единого культурного поля на самостоятельные субкультуры, перемещение реальной жизни в виртуальность, трансформации повседневности в связи с новыми культурными канонами. Культура стала настолько влиятельна, что ряд соци-

альных теоретиков даже задались вопросом, о том, не является ли она сейчас второй природой [Джеймисон 2019, 162].

Важной новой областью исследования в этом контексте становится мир медиа, буквально становящийся «трансмедийным», как определяет этот процесс американский философ и социолог Генри Дженкинс [Jenkins 2003]. Сущность произошедшего изменения можно было бы описать так: независимые по форме медиа в сетевизованной современности функционируют с опорой друг на друга, на самом деле стирая различие в сфере производимого контента. Ключевой момент состоит в том, что диффузия форматов, из которых наиболее важным являются социальные сети и платформы, приводит к изменению восприятия информации, в том числе и научного знания. Мир современного человека становится сформированным новыми фрагментированными по содержанию, но стремящимися к единству по форме медиа. Обсуждая актуальные медиа, правильнее было бы говорить о «трансмедийности», понимая приставку слова «медиа» в двух смыслах. Во-первых, смешение цифрового мира происходит с самой реальностью, а, во-вторых, и внутри медиа как таковых.

Для философии и гуманитарной науки в целом это представляет особую важность, поскольку их функционирование подразумевает диалог с обществом, перед которым стоят как вопросы праздного философского познания, так и проблемы осмысления вызовов современности, в чем может помочь знание. Эту проблему на встрече артикулировал редактор отдела политики «Новой газеты», философ и блоггер Кирилл Мартынов. Дело в том, что наиболее важные и, в действительности, невероятно сложные вопросы проникновения, к примеру, робототехники в повседневность не всегда получают должное философское рассмотрение, довольствуясь поверхностными комментариями журналистов. К этому, впрочем, их подталкивает не отсутствие профессионализма, а, чаще всего, медиа-формат. Для философии вообще и философского журнала как средства философской коммуникации, таким образом, открывается окно возможностей заполнить пробел в понимании происходящих процессов, на которое есть очевидный общественный запрос.

Заключение

Современная культура, которая в том числе определяет нашу реальность и задает границы философствования, должна быть

исследована так, чтобы результаты ее осмысления были доступны думающему человеку, которым, несмотря на визуальную революцию в восприятии, остается читающий человек. Это перспективное направление, при работе с которым не может идти речи о том, что какой-то автор «молодой», а какой-то нет. Разница в подходах, укорененная в исследовательском духе времени, может создать то продуктивное напряжение, которое породит коммуникацию, но для этого нужно помочь преодолеть пропасть предубеждений, восстановить и интенсифицировать научную коммуникацию, выстроенную на принципах эгалитаризма.

В заключение следует еще раз тезисно остановиться на основных сюжетах, которые были затронуты. Во-первых, это вопрос философской коммуникации, центром которой остается научное периодическое издание, а также проблема его использования со стороны авторов, только начинающих свой путь в науке. Далее, важной проблемой стало обсуждение феномена «эйджизма» в научной среде, который может обесценить интересную мысль или же, наоборот, создать авторитетное мнение, там, где его качественно нет. Актуальность междисциплинарности исследований, а также интегрирующей роли философии были продемонстрированы на примере применения философских методов при работе с медиа и философией права. Эти проблемы должны решаться научно. Наука, в свою очередь, включает в себя момент коммуникации, соответственно, на роль посредника может претендовать философское знание. В конце были обозначены наиболее перспективные направления исследований в социальной философии, потребность в которых очевидна: теория медиа, проблемы роботизации, гуманизма и информации в современности.

Как участнику мероприятия, мне также хотелось бы отметить, что в академических буднях, полных тревог, страхов и отчуждения, разговор и диалог становятся особо ценными. Мы не можем знать заранее, оправдают ли «новые» авторы предоставленный им кредит доверия, какое значение будут иметь их публикации в журналах, да и будут ли они вообще в сколь-нибудь значимом количестве. Но, выразим осторожный оптимизм, что это шаг в верном направлении, о последствиях которого смогут судить сами читатели.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Особая важность научного журнала как формы коммуникации стала предметом всестороннего рассмотрения в коллективной моно-

графии «Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-летию журнала “Вопросы философии”» [Гусейнов и др. 2017], в которой представлены материалы круглых столов и дискуссий о судьбе и ценности периодических изданий социально-гуманитарного профиля для философии и науки.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гусейнов и др. 2017 – Гусейнов А.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. (ред.) Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры. К 70-летию журнала «Вопросы философии». – М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017.

Джеймисон 2019 – Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

Клепикова, Колосницына 2017 – Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 1. С. 69–88.

Пружинин 2014 – Пружинин Б.И. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 135–141.

Сафрански 2018 – Сафрански Р. Гете: жизнь как произведение искусства. – М.: Дело, 2018.

Урри 2018 – Урри Дж. Как выглядит будущее? – М.: Дело, 2018.

Шельски 2013 – Шельски Г. Уединение и свобода. К социальной идее немецкого университета // Логос. 2013. № 1. С. 65–86.

Alexander 1988 – Alexander J. The New Theoretical Movement // Smelser N.J. (Ed.) Handbook of Sociology. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1988. P. 77–101.

Jenkins 2003 – Jenkins H. Rethinking Media Change: The Aesthetics of Transition. Media in Transition. – Cambridge, CA: MIT Press, 2003.

Maxwell 2017 – Maxwell N. Science, Reason, Knowledge and Wisdom: A Critique of Specialism // Maxwell N. Karl Popper, Science and Enlightenment. – London: UCL Press, 2017. P. 233–290.

Rip, Elzinga 2002 – Rip A., Elzinga A. Science for the 21st Century // Tindemans P., Verrijn-Stuart A., Visser R. (Eds.) The Future of the Sciences and Humanities: Four Analytical Essays and a Critical Debate on the Future of Scholastic Endeavour. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2002.

West et al. 2017 – West R., Stenius K., Kettunen T. Use and Abuse of Citations / Stenius K., Babor T., Pates R., Miovsy M., O’Reily J., Candon P. (Eds.) Publishing Addiction Science: A Guide for the Perplexed. – London: Ubiquity Press, 2017. Pp. 191–206.

REFERENCES

Alexander J. (1988) The New Theoretical Movement. In: Smelser N.J. (Ed.) *Handbook of Sociology* (pp. 77–101). Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Guseynov A.A., Pruzhinin B.I., & Shchedrina T.G. (Eds.) (2017) *Scientific Journal as a Phenomenon of Intellectual Culture. On the 70th Anniversary of the Journal “Voprosy filosofii” Journal*. Moscow; Saint Petersburg: TsGI Print (in Russian).

Jameson F. (1989) Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism (Russian translation: Moscow: Gaidar Institute Press, 2019).

Jenkins H. (2003) *Rethinking Media Change: The Aesthetics of Transition*. Media in Transition. Cambridge, MA: MIT Press.

Klepikova E.A. & Kolosnitsyna M.G. (2017) Ageism at the Russian Labour Market: Wage Discrimination. *Russian Management Journal*. Vol. 15, no. 1, pp. 69–88 (in Russian).

Maxwell N. (2017) Science, Reason, Knowledge and Wisdom: A Critique of Specialism. In: Maxwell N. *Karl Popper, Science and Enlightenment* (pp. 233–290). London: UCL Press.

Pruzhinin B.I. (2014) Knowledge as a Value: An Essay on Cultural-Historical Epistemology. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2014. No. 1, pp. 135–141 (in Russian).

Rip A. & Elzinga A. (2002) Science for the 21st Century. In: Tindemans P., Verrijn-Stuart A., & Visser R. (Eds.) *The Future of the Sciences and Humanities: Four Analytical Essays and a Critical Debate on the Future of Scholastic Endeavour*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Safranski R. (2018) *Goethe. Kunstwerk des Lebens. Biografie* (Russian translation: Moscow: Delo, 2016).

Schelsky H. (2013) Solitude and Freedom. On the Social Idea of German University. *Logos*. 2013. No. 1, pp. 65–86 (in Russian).

Urry J. (2016) *What is the Future?* (Russian translation: Moscow: Delo, 2018).

West R., Stenius K., & Kettunen T. (2017) Use and Abuse of Citations. In: Stenius K., Babor T., Pates R., Miovsy M., O’Reily J., & Candon P. (Eds.) *Publishing Addiction Science: A Guide for the Perplexed* (pp. 191–206). London: Ubiquity Press.

Memoria

**Памяти Константина Николаевича Любутина –
учителя, коллеги, друга**

П.Н. Кондрашов

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-151-159

Personalia

Кондрашов Петр Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, pnk060776@gmail.com

Для цитирования: *Кондрашов П.Н.* (2019) Памяти Константина Николаевича Любутина – учителя, коллеги, друга // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 5. С. 151–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-151-159

**In Memoriam of Konstantin Nikolayevich Lyubutin:
A Teacher, Colleague, Friend**

P.N. Kondrashov

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-151-159

Personalia

Petr N. Kondrashov – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

pnk060776@gmail.com

For citation: Kondrashov P.N. (2019) In Memoriam of Konstantin Nikolayevich Lyubutin: A Teacher, Colleague, Friend. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 151–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-151-159

16 сентября 2018 г. скончался Константин Николаевич Любутин – советский и российский философ, один из ведущих современных марксистов в России.

Профессор Любу́тин был заслуженным деятелем науки РСФСР (1981), академиком РАЕН (1992), членом РФО, вице-президентом Российского философского общества (1993), почетным профессором Уральского государственного университета (2000), членом Кантовского общества (ФРГ). Награжден орденами «Дружбы» и «Знак Почета», медалями.

К.Н. Любу́тин родился в деревне Папулиха Мантуровского района Костромской области 25 февраля 1935 г. в крестьянской семье. Отец – Николай Петрович – был помощником районного лесничего, прошел всю войну, вернувшись из Австрии в ноябре 1945 г. домой. Мать вела хозяйство. Вспоминая свое детство, Константин Николаевич говорил: «Хозяйство было большое: корова, овцы, поросенок, курицы, огород со всем тем, что надо, – ведь жили-то своим хозяйством. Так что я с самого раннего детства был приобщен к миру природы. Очень любил домашнюю скотину... Вот так все шло да шло, а затем началась война. Отца призвали. Матери тогда было 28 лет. В то время была жива еще бабка, под 80 лет. И мы управлялись с огородом, с коровой, с овцами... Я начал рано косить, косил 18 лет, метал стога, – косил я до самого последнего времени, даже когда уже был деканом, ездил каждый год летом».

В 1942 году пошел в первый класс средней школы. Из воспоминаний Константина Николаевича: «Я научился читать еще до школы самостоятельно. Раньше до войны издавали очень много учебников для школы взрослых, а у нас в Папулихе была изба-читальня, я там все книги перерыл, нашел различные учебники, и по картинкам понемногу научился читать. Первая книга, которую я стал читать, была Библия, у бабки. Помню, как бабку учил о том, что “в начале было слово”».

В 1952 г. с серебряной медалью окончил школу и поступил на философский факультет МГУ. Попал на кафедру истории зарубежной философии, которой тогда руководил Т.И. Ойзерман, с которым Константин Николаевич поддерживал дружеские и научные отношения вплоть до самой смерти академика в марте 2017 г. Сохранилась их переписка, охватывающая несколько десятилетий.

В университете он стал учеником таких корифеев советской философии, как Т.И. Ойзерман, В.Ф. Асмус, И.С. Нарский, Э.В. Ильенков, В.В. Соколов, М.А. Дынник, А.С. Богомолов, со-

курсником (и сверстником – годом младше, годом старше) выдающихся современных российских философов П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошиловой, Э.Ю. Соловьева, В.М. Межуева, В.А. Лекторского, А.А. Гусейнова, Т.Б. Длугач, Н.И. Лапина, М.К. Мамардашвили и многих других, тех, кого Н.В. Мотрошилова назвала «неофициальным, неортодоксальным философским сообществом». Именно это сообщество философов-шестидесятников и сделало то, что сегодня мы называем творческой философией (которая, кстати, была как марксистской, так и немарксистской) советского периода.

В 1957 г. Константин Николаевич с отличием окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Для того чтобы иметь возможность поступить в аспирантуру, его направили на стажировку в Нижний Тагил, где он познакомился с известным философом и социологом Л.Н. Коганом, который и привел его на общую кафедру философии УрГУ, возглавляемую М.Н. Руткевичем.

В 1963 г. К.Н. Любутин окончил аспирантуру по кафедре философии Уральского государственного университета и защитил кандидатскую диссертацию «Антропологический принцип Людвиг Фейербаха» под руководством своего научного руководителя еще по университетским временам – И.С. Нарского. Хотелось бы заметить, что интерес к Фейербаху возник у Константина Николаевича совершенно случайно. Однажды, споря в университет на семинаре с Э.В. Ильенковым по поводу предмета марксистской философии, последний не выдержал и сказал: «Любутин, идите и занимайтесь Фейербахом!»

В 1965 г. в Уральском университете при непосредственном участии Константина Николаевича создается философский факультет, деканом которого стал М.Н. Руткевич, а уже в 1969 г. К.Н. Любутин создает кафедру истории философии, которой руководил до 2014 г. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию «Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии». В 1978–1989 гг. был деканом философского факультета УрГУ. Здесь, на Урале он работал и дружил с такими крупнейшими уральскими учеными, как М.Н. Руткевич, Л.Н. Коган, И.Т. Иовчук, А.Я. Лойфман.

В 1988 г. при непосредственном участии К.Н. Любутина, где он трудился главным научным сотрудником (1988–2018), в Сверд-

ловске создается Институт философии и права УрО РАН. Именно здесь реализовалась самая заветная научная мечта К.Н. Любутина: в 2000-х гг. вокруг него сплотилась небольшая группа последователей, которые составили *Уральскую школу марксистских исследований*, деятельность которой ориентирована на антропологическое прочтение философии К. Маркса, – так реализовалась его идея эксплицировать философскую антропологию *самого Маркса*, а не «марксизма». И здесь, наверное, девизом этой мечты К.Н. Любутина могли бы послужить слова французского теолога Мишеля Анри, который сказал: «Надо предоставить слово самому Марксу».

В последние годы Константин Николаевич вместе со своими молодыми учениками и соратниками (А. Коряковцев, П. Кондрашов, С. Вискунов, Н. Шихардин) в рамках Уральской школы марксистских исследований занимался исследованиями марксистской концепции повседневности, историчности, анализом прогностических и эвристических возможностей теоретического наследия К. Маркса, а также попыткой выявить некоторые экзистенциально-антропологические аспекты в целостной философии автора «Капитала».

Идеи К.Н. Любутина и Уральской школы марксистских исследований были представлены на I Всемирном конгрессе по марксизму в Пекине (2015) и Международной конференции Фуданьского университета по изучению российского марксизма в Шанхае (2018). Именно в Шанхае, один из ведущих знатоков российского марксизма в Китае, друг Константина Николаевича – профессор Ань Цинянь (Пекин) – назвал Уральскую школу самой перспективной марксистской школой в современной России.

Под руководством К.Н. Любутина защитилось около 70 кандидатов и около 30 докторов философских наук. Среди его учеников и последователей – известные сегодня философы, как А.В. Перцев, С.Е. Вершинин, Е.С. Черепанова, В.Д. Жукоцкий, М.А. Фадеичева, О.Ф. Русакова, В.М. Русаков, Р.А. Бурханов, В.Н. Шихардин, А.В. Гайда, В.А. Герт, В.С. Невелева, А.Б. Невелев, В.П. Щенников, А.С. Гагарин, А.А. Коряковцев, П.Н. Кондрашов и др.

Научные интересы К.Н. Любутина были весьма широки. К.Н. Любутин первым в отечественной философской литературе обратил внимание на наличие в философии Маркса такой (радикально отрицаемой официальным советским марксизмом-ленинизмом) составной

части, как *философская антропология*. Более того, идя параллельно с Э. Фроммом и югославскими философами из группы «Praxis», К.Н. Любутин показал, что именно учение о практике является социальной онтологией Маркса, а сама Марксова философия тогда оказывается *философией практики, практическим материализмом*.

К.Н. Любутин сформулировал гипотезу, согласно которой современная философия, в сущности, предстает в качестве общей теории субъекта и объекта. Она раскрывается как многоуровневая теория, включающая в себя иерархию разнообразных субъектов и объектов (человечество – часть природы, социальные общности: семья, социальная группа, класс, нация; индивид как субъект и объект). Любутин убедительно показал, что механизм взаимодействия субъекта и объекта (субъекта и субъекта) на каждом уровне (общее, особенное, единичное), как минимум, включает практическое, познавательное и ценностное отношения.

Константин Николаевич, прежде всего, историк философии. В этой области философской науки ему принадлежит заслуга постановки вопроса о специфике русского и советского марксизма, что нашло свое отражение в серии публикаций («Российские версии марксизма»), посвященных анализу таких мыслителей, как В. Ленин, М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов, И. Сталин и др. К.Н. Любутин показывает внутреннее многообразие отечественного марксизма советского периода и опровергает стереотип о его былом монолитном единстве и догматизме. Разработка этой темы ведется им без перечеркивания советского прошлого и собственных идей, но в то же время с современных позиций. Другая сторона историко-философских интересов К.Н. Любутина – история немецкой классической философии, особенно в лице И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха. И, наконец, третья сторона – работы, посвященные неомарксизму, в частности изучению идей Франкфуртской школы (особенно Э. Фромма). Можно утверждать, что именно работы К.Н. Любутина способствовали появлению интереса к идеям неомарксистов, например, к творчеству Э. Блоха.

В последние годы К.Н. Любутин обращает внимание на такую современную и модную область философских и социологических исследований, как повседневность. Он предлагает рассматривать это явление в рамках тотальности социального бытия, в качестве

одного из уровней социальной реальности, наряду с национальной культурой и формацией. Повседневная жизнь в работах К.Н. Любутина предстает в виде непосредственной человеческой деятельности, включающей весь спектр обыденных феноменов: материальную практику, труд, отдых, быт, язык, опыт, обыденное сознание, повседневную эстетику и т.д. Исследование повседневности К.Н. Любутина осуществляет на методологической основе учения К. Маркса о практической сущности человека и общества.

Мне посчастливилось слушать лекции Константина Николаевича на философском факультете УрГУ в 90-х гг., специализироваться на возглавляемой им кафедре истории философии, быть его аспирантом и докторантом в Институте философии и права УрО РАН. Во всех этих случаях я постоянно сталкивался с высокими требованиями к научной стороне дела и с бьющим через край юмором. Вообще надо сказать, что лекции и семинары К.Н. Любутина были чем-то невероятным: синтез изложения тех или иных философских теорий, всегда сопровождавшихся примерами из повседневной жизни с его интереснейшими воспоминаниями о своих беседах с виднейшими учеными, философами, реминисценциями из лекций, слушанных им в 50-е гг. в МГУ... Именно на лекциях К.Н. Любутина мы, студенты 90-х, понимали, что никакого «застоя» в советской философии на самом деле не было, а был таковой только в головах тех либеральных деятелей ельцинского окружения, которые сами редуцировали советскую философию к «Краткому курсу» и учебникам по марксизму-ленинизму в системе партийной учебы. Удивительно, но эти деятели на самом деле не читали так критикуемый ими на всех перекрестках «Краткий курс».

Те, кто знал Константина Николаевича Любутина не только как ученого, не только как «начальство» (декана, заведующего кафедрой, научного руководителя), но и как простого человека, соглашались, что трудно было в этом небольшого роста крепком человеке, без усов и бороды, с добродушным лицом и обаятельной улыбкой, постоянно «травящем» анекдоты и вообще не способном говорить (даже самые серьезные вещи!) без юмора, признать одного из крупнейших современных российских философов-марксистов, крупного организатора науки на Среднем Урале, доктора и профессора, «живого классика». Однако Константин Николаевич

обладал именно такой удивительной «душевной диалектикой» – органически, пластически совмещал в себе серьезность науки и юмор. Чего только стоят его шутки по различным философским и нефилософским поводам, его стихотворные миниатюры, известные «избранные места из перепалки с друзьями»!

У Константина Николаевича было очень много творческих планов. Несмотря на болезнь, он постоянно общался со своими учениками, давал ценные советы... К тому же он успел порадоваться появлению на свет своей правнучки Сонечки.

Мы будем всегда хранить самые светлые воспоминания о друге и соратнике по нашему трудному, но благородному делу.

**Список работ К.Н. Любутина,
опубликованных с 1991 по 2018 гг.**

1. *Любутин К.Н.* Человек в философском измерении. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 132 с.

2. *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. – 416 с.

3. *Любутин К.Н.* Человек в философском измерении: от Фейербаха к Фромму. – Псков, 1994.

4. *Любутин К.Н.* Западная философская антропология: от Фейербаха к Фромму. – Екатеринбург, 1994.

5. *Любутин К.Н., Бурханов Р.А.* Классическая философская антропология: И. Кант, Л. Фейербах. – Екатеринбург, 1995.

6. *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Синтетическая теория идеального. – Екатеринбург; Псков, 2000. – 205 с.

7. *Любутин К.Н., Франц С.В.* Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 170 с.

8. *Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Философская антропология Карла Маркса. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 240 с.

9. *Любутин К.Н., Коряковцев А.А.* Антропологическое измерение формационной теории К. Маркса и поколенческий фактор общественного развития в XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7 (101). С. 150–160.

10. *Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.* Наслаждение как конститутивный принцип историчности в философии К. Маркса // Известия

Уральского государственного университета. Серия «Общественные науки». 2009. № 3. С. 177–189.

11. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Историческая феноменология бесчеловечности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 246 с.

12. Любутин К.Н., Коряковцев А.А. Диалектика Людвиг Фейербаха. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 220 с.

13. Любутин К.Н., Шихардин Н.В. Альтернатива Луи Альтюссера: неомарксистский выбор: Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 120 с.

14. Любутин К.Н., Коряковцев А.А. Гуманистический психоанализ Э. Фромма в контексте концепции самоотчуждения К. Маркса // Философия и общество. 2010. № 2 (58). С. 42–59.

15. Любутин К.Н. Философия марксизма: одна из версий // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 4 (83). С. 107–111.

16. Любутин К.Н., Коряковцев А.А. Антропология творчества сквозь призму марксистской традиции // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 1 (73). С. 59–72.

17. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Философия как общая теория субъекта и объекта // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 7–22.

18. Любутин К.Н., Мошкин С.В. Российские версии марксизма: Иосиф Сталин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 160 с.

19. Гагарин А.С., Любутин К.Н. Экзистенциалы человеческого бытия в гуманистической философии Мишеля Монтеня // Философия и общество. 2013. № 3 (71). С. 157–169.

20. Бурханов Р.А., Любутин К.Н. Диалектическая логика и методология «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля и «Плана шести книг» К. Маркса: гениальные предвидения глобального общества // Философия и общество. 2014. № 2 (74). С. 50–65.

21. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа / 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 184 с. (Размышляя о марксизме. № 121).

22. Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии / под науч. ред. П.Н. Кондрашова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 332 с.

23. Коряковцев А.А., Любутин К.Н. Диалектика как проблема классического марксизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. № 2. С. 5–21.

24. Любутин К.Н., Грибакин А.В. Западная философская антропология. – Москва: Юрайт, 2017. – 164 с.

25. Любутин К.Н., Грибакин А.В., Кондрашов П.Н. Философская антропология. Марксизм: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 260 с.

CONTENTS

THE REALITY AND THE PROSPECTS OF CIVILIZATION.
STRATEGY OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION

Challenges of the Present ■

- R.I. SOKOLOVA* Rehabilitation of Utopia as a Symptom of the Crisis of Russian and Western Civilizations 7
- A.N. DANILOV (Minsk, Belarus)* The Spontaneous Development of Society and the Problem of Forecasting the Future 27

Theories, Conceptions, Paradigms ■

- S.F. SERGEEV (Saint Petersburg)* Ideological Prolegomena of the Soviet-Russian Activity Theory 44
- II REZVITSKY (Saint Petersburg)* Is There an Individual Sociality, or On the Way to Individualized Social Theory 62

COGNITIVE SPACE

Philosophy of Consciousness ■

- S.S. MERZLYAKOV* On the Attributes of Consciousness 80
- D.E. GASPARYAN* Key Aspects of Analytical and Transcendental Phenomenology within the Framework of Modern Philosophy of Consciousness 97
- A.V. SHILLER* The Role of Theories of Embodied Cognition in Research and Modeling of Emotions 124

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, Seminars, Round Tables ■

- N.B. AFANASOV* Philosophical Journal as a Space for Interdisciplinary and Intergenerational Dialogue (The Meeting of the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of the Philosophical Sciences* Khachatur Marinosyan with New Authors) 139

Memoria

- P.N. KONDRACHOV (Yekaterinburg)* In Memoriam of Konstantin Nikolayevich Lyubutin: A Teacher, Colleague, Friend 151

■

- Contents 160